

Том 2

ПРОПАВШИЕ НА САТУРНЕ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ПРОПАВШИЕ НА САТУРНЕ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2016

БААКФ-256 (2016)

Клубное издание

ПРОПАВШИЕ НА САТУРНЕ

Сборник фантастики о Сатурне. Том 2

(а.л.: 10,87)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.

Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

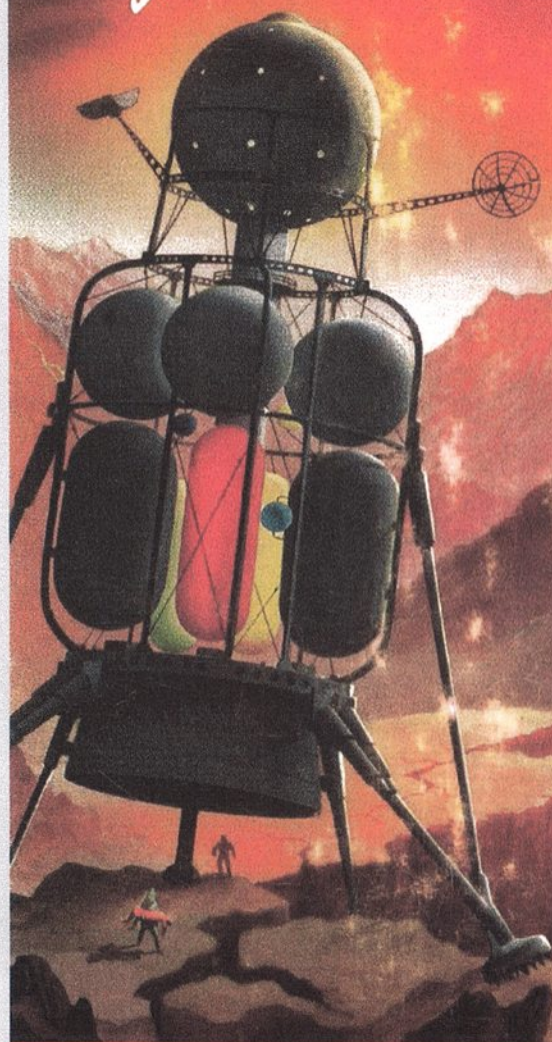
© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

Missing Men of Saturn

By PHILIP
LATHAM

A SCIENCE FICTION NOVEL

ПРОПАВШИЕ НА САТУРНЕ

ГЛАВА 1. Секрет успеха

– Бой!

Дэйл Саттон прошел в центр ринга и небрежно коснулся перчаток своего соперника. Это был последний раунд. Время преподать этому выскочке урок настоящего бокса. Дэйл видел кадетов, собравшихся вокруг ринга, чувствовал на себе их взгляды, полные надежды. Не каждый день они имели возможность увидеть чемпиона второго полусреднего веса «Космической Академии Террестро» в деле. Дэйлу нравилось внимание зрителей. Это волновало его всего, вплоть до кончиков пальцев ног. Хотя, после четырех лет, уже становилось и слегка утомительным.

Парень заплясал по рингу. Все прекрасно. Сейчас он покажет. Дэйл сознательно раскрылся, оставив подбородок не защищенным. И противник клюнул на эту приманку. Он подскочил, делая выпад левой.

Дэйл двинулся навстречу ему и ударил коротким прямым в челюсть, затем вторым по торсу. Он почувствовал, как противник задохнулся и стал оседать на ринг. Удары оказались более сильными, чем Дэйл намеревался. В конце концов, это ведь была тренировка. А, да какое это имеет значение? Этот мальчик – никто и звать его никак.

В толпе раздался крики, когда парень рухнул на колени.

– Вы это видели?

– Какой удар!

– Да Дэйл просто играл с ним!

Дэйл помог парню подняться на ноги.

– Прости, – сказал он. – Я не хотел бить так сильно.

– Ничего, – усмехнулся тот.

– Дыши глубже, – посоветовал Дэйл, – и через минуту все пройдет.

Парень сделал глубокий вдох. На его лицо постепенно возвращалась прежняя окраска. В толпе слышался оценивающий ропот. Зрителям всегда нравится великодушие к поверженному противнику.

— Всегда держи локти ближе к телу, — посоветовал ему Дэйл. — У тебя дурная привычка высоко задира́ть правый локоть, когда наносишь левый удар.

— Да я все время так делаю. В бою некогда об этом думать.

Дэйл покровительственно похлопал его по плечу.

— Ничего, ты научишься. Мне тоже пришлось многому научиться.

Он набросил на плечи полотенце и скользнул между канатами. Кадеты почтительно расступились, освобождая ему дорогу. Некоторые называли его по имени. Дэйл отвечал кивками головы. Вокруг всегда находились люди, вот как сейчас, пытавшиеся завести с ним знакомство. Их нельзя было совершенно игнорировать, иначе его назвали бы хвастуном.

А, ну, в общем, с учением теперь было покончено. На следующей неделе состоится церемония вручения дипломов, и прости-прощай Академия, его ждет открытый космос. Не будет больше тренировочных полетов на Луну. Ему до отрыжки надоела база в Море Дождей. Сейчас уже трудно понять те острые ощущения, которые он испытал, когда в первый раз попал на Луну. Он вспомнил, как впервые увидел Солнце, висящее над самым ободом кратера Плутона. Его косые лучи посылали длинные тени, растянувшиеся, точно длинные пальцы, среди трещин, покрывающих дно кратера. Он восхищался этими тенями. Они всегда были одними и теми же и в то же время совершенно разными. Некоторые сходили с ума от этих теней. Ну, больше подобные вещи не будут его беспокоить. Сейчас его тревожило только одно.

— А ты слышал о Джиме Аллене?

Говорящий был улыбающимся толстощеким кадетом по имени Перкинс. Он был членом «Персеидов», и Дэйлу, как президенту этого сообщества, пришлось заставить себя обратить на него внимание.

— А что там с Алленом? — пробормотал он, стаскивая с себя мокрую от пота майку.

— Его уже вызывали в Центр. Я сам был там, когда он получал свою почту. Длинный серый конверт с большой печатью в углу. Говорят, что ему могли предоставить даже десяток заданий на выбор. Он мог бы даже войти в состав команды «Альбирео».

«Альбирео»! Это был новейший правительственный космолайнер. Дэйл сам хотел бы попасть на «Альбирео». В группе он значил побольше Аллена.

Дэйл бросил обувь в рундук и достал свежее полотенце.

— Я рад услышать это, Перкинс. Аллен упорно работал. Хотя некоторое время я боялся, что он провалится по математике.

– Честно? – Лицо Перкинса было совершенно равнодушным.

– Да. Математика всегда была трудным орешком для Аллена. Я потратил много времени, помогая ему.

– Я этого не знал.

– Естественно, мы не оповещали об этом всех, – улыбнулся Дэйл. Перкинс поглядел на него с немим восхищением.

– Ну и дела, Дэйл. Ты наверняка должен получить хорошее значение. Ты ведь во всем был первый. Ты президент «Персеидов» и капитан боксерской сборной.

Дэйл пожал плечами.

– Я приму то, что мне предложат власти Центра. Служба на первом месте. Для этого мы и находимся здесь, знаешь ли. Служить дальнейшему развитию покорения космоса.

Перкинс широко усмехнулся.

– Я уже слышал это не раз. Но человек должен блюсти свои интересы.

– Не надо так, Перкинс. По моему мнению, это не способ делать карьеру. Чем сильнее ты расталкиваешь людей, тем сильнее они толкают тебя самого. Будь проще, и люди сами потянутся к тебе, вот мой девиз.

– Ну, тебе-то легко говорить. Для тебя вообще все просто.

– Ну, я уж и не знаю...

Дэйл закрыл дверцу шкафчика.

– А об Аллене это приятные новости. Передай ему, при случае, привет от меня.

И он пошел в душ, надеясь хоть там избавиться от Перкинса, но тот пошел за ним по пятам, точно игрушечный спаниель.

– Дэйл...

– Ну?

– Я знаю, что не должен спрашивать, но... А ты уже получил приглашение из Центра?

Дэйл помолчал, прежде чем ответить.

– По правде говоря, я не знаю. Я еще не проверял почту. На самом деле, я не очень-то думаю об этом.

– Черт побери, а я не могу думать больше ни о чем другом. Время тянется так медленно.

– Твоя проблема, Перкинс, в том, что ты ко всему относишься слишком серьезно. Полегче. Расслабься. И ты сам удивишься, как все станет иначе.

На лице Перкинса были явно написаны сомнения.

– Это никогда не получается у такого, как я.

— Послушай, — с полной уверенностью сказал Дэйл, — я дам тебе пример. Я клянусь, что еще не получал свою почту. Но я абсолютно уверен, что там ждет меня послание из Центра.

— Но откуда ты знаешь?

— Вот в том-то и дело... Я *не знаю*. Я просто *чувствую* это. Ты должен вести себя так, будто чувствуешь полную уверенность, что все не может не получиться. Это и есть, вкратце, секрет моего успеха.

Перкинс уставился на него своими глазами чуть навывкате, думая над этой формулой успеха.

— Ну ладно, Дэйл, сейчас я иду в клуб. Может, это получится и у меня.

Он поспешил из спортзала. Дэйл посмеивался, направляясь в душевую. Бедный Перкинс! У него почти такая же возможность получить специальный вызов из Центра, как и быть назначенным главнокомандующим флотилии подводных лодок.

Дэйл наслаждался теплой водой, струящейся по телу. Он расправил широкие плечи и провел руками по узкой талии. Легонько ударил по твердым мускулам на животе. Да, он мог позволить такой мелкоте, как Фредди Биддл, бить его по животу, он даже не чувствовал его ударов.

Дэйл закрутил горячий кран и задохнулся, когда его окатила ледяная струя, заставляя мозги работать интенсивнее. Ну, и зачем он наговорил столько ерунды Перкинсу? Перкинс наверняка уже разболтал об этом всем подряд. И если его не ждет послание из Центра, то он сделается посмешищем всей Академии. Друзья, наверняка, уже и так ломают голову, почему он до сих пор не получил вызов для спецпредложения. Он — Дэйл Саттон, самый известный курсант в кампусе.

Дэйл оделся и торопливо покинул спортзал. Обычно тренировки и душ прибавляли ему бодрости, но теперь он чувствовал себя подавленным и встревоженным. А все Перкинс! Если бы он не появился и не стал задавать вопросы, то Дэйл не наговорил бы ему такой чепухи. Но он должен получить сообщение. Верховное командование не может обойти его и предпочесть Аллена. Дэйл знал, что на каждого курсанта досье составляется буквально поминутно. Он быстро вспомнил все недавние контакты с преподавателями, ища, не было ли каких-либо инцидентов, которые могли настроить их против него, каких-либо случайных фраз, неосторожных слов или оценок. Но ничего не было. Дэйл всегда очень осторожно себя вел. Он никогда не обсуждал своих преподавателей и не искал их похвалы, как многие другие. Так что ни у кого из них не было

повода дать заниженную оценку его талантам. Возможно, он был даже слишком сдержан...

Завернув за угол аэродинамической лаборатории, Дэйл столкнулся с маленьким взволнованным человеком, несущим под мышкой стопку синих брошюр. Брошюры разлетелись во все стороны, и человечек испуганно вскрикнул.

— О, Боже, теперь я уж точно опоздаю.

— Доктор Уилкинс, простите, это моя вина.

— Нет, это я сам не глядел, куда иду. Так всегда бывает в это время года. Слишком много дел перед вручением дипломов.

— Совершенно верно, сэр!

Синие книги! Такие официальные брошюры используются во всех исследованиях Академии. Имена студентов печатаются на корочке, но выводы находятся внутри вместе с преподавательской оценкой возможности студента. Собирая брошюры, Дэйл лихорадочно сканировал имена на обложках, ища свое. Уилкинс был преподавателем по английской литературе, предмете, к которому Дэйл относился с презрением, так же, как и к самому Уилкинсу. Уилкинс был «чужаком», из тех, кто никогда бы сам не смог пройти Академию, а стал бы, в лучшем случае, лишь рядовым. И что бы он ни сделал, кем бы ни стал, как чиновник, в Академии его никогда не стали бы уважать. Тут всегда существовало тонкое различие в социальном положении, которое не делает его приемлемым членом общества этого престижного заведения.

Дэйл поднимал брошюру за брошюрой, но не находил собственную. И вдруг... сердце у него екнуло, когда он увидел свое имя на обложке. Он распахнул брошюру, и в глаза сразу же бросалась запись: «Английская литература — 87. Общий индекс — 73».

В душе у него вспыхнул холодный гнев. Он прошел курс литературы с оценкой 97, вероятно, одной из самых высоких, если не вообще самой высокой в классе. Его не интересовали Шекспир, Поуп или Драйден, но он был способен написать курсовую по этим материалам. А вообще, какого черта человек должен изучать то, что ему никогда не пригодится? Зачем напрасно тратить время на написания эссе на тему «Что значат для меня поэты «Озерной школы»^{*} или «Мильтон, великий поэт», когда для дальнейшей жизни вам нужно знать, как провести космический корабль из точки А в точку Б?

* Поэты "Озёрной школы" (Вордсворт, Кольридж, Соути, жившие на северо-западе Англии в Озёрном крае) (прим. перев).

Но почему тогда Общий индекс всего 73? Это же едва-едва проходной балл. Уилкинс понял, что Дэйл был не искренним в своих сочинениях?

Должно быть, сыграл свою роль факт, что Уилкинс был «чужаком», а он, Дэйл Саттон, не только видный учащийся Академии, но и президент «Персеидов». А это сверхприватный клуб, в который стремится попасть каждый кадет, но мало кому удастся. Без денег или семейных традиций Уилкинс и мечтать бы не мог вступить в «Персеиды», и прекрасно знал это. Так что им двигала всего лишь зависть, и ничего больше.

Дэйл вручил Синие книги профессору Уилкинсу.

— Вот, пожалуйста, сэр. Кажется, это все.

— Спасибо, Саттон. Погодите, я сосчитаю, их было двадцать пять... Да, все тут. Большое спасибо. Я еще не занес эти оценки. Была бы просто катастрофа, если бы они пропали.

Дэйл сочувственно улыбнулся.

— Скорее, я думаю, беспокойство для всех заинтересованных лиц.

— Действительно. Но я на самом деле не знаю, что бы тогда делал.

— Он пошел было дальше, но тут же остановился. — Да, Саттон, на случай, если вы случайно заметили чьи-нибудь оценки, я надеюсь, что вы не станете разглашать эту информацию, пока на следующей неделе не будет опубликован официальный список.

Дэйл напрягся.

— Разумеется, нет, сэр. Конечно, я не стал бы ничего разглашать.

— Я так и подумал. Это одна из тех формальностей, что мы должны соблюдать.

Выходит, оценки еще не были зарегистрированы... не были еще официальными. Это означало, что еще есть время. Во всяком случае, стоило попробовать.

— Да, доктор Уилсон, — окликнул он, когда профессор уже стал поворачиваться. — Я хочу сказать, что я наслаждался вашими лекциями. Прежде мне не очень-то нравилась литература, но прослушав ваш курс, я взглянул на нее новыми глазами. Она стала мне ясной и понятной.

Лицо Уилкинса вспыхнуло.

— Спасибо, Саттон. Я очень доволен, что вы кое-что вынесли из моих длинных лекций. Я рад, что вы были моим учеником.

Но тогда почему он не дал хорошую общую оценку? С такой пометкой его же никогда не выберут на какую-нибудь спецработу. Дэйл почувствовал ярость. Неужели он не получит то, чего так желает? Он всегда стремился закончить обучение с отличием. Практически, он уже считал, что добился своего. Ну, может, последние

оценки и не имеют такого значения, как он думает. Некоторые кадеты утверждали, что почетный список составляется за месяц до церемонии вручения дипломов.

Дэйл заставил себя неторопливо пойти в клуб и там небрежным шагом прошел в темную старую приемную. Он почувствовал удовлетворение, подумав, что большинство кадетов были бы рады, если бы им просто разрешили войти в это священное место. Он слышал, как гости, которых иногда приглашали, потом говорили: «Хороший анекдот я услышал вчера вечером у персеидов», или «Я получил это во время обеда с персеидами». Об этом любили упоминать кадеты, которые никогда не были членами «Персеидов». Приглашали гостей только в день основания клуба. И они потом неделями хвастались этим.

Потом Дэйл обогнул стол клерка и прошел в читальный зал. Он сразу же почувствовал атмосферу какого-то напряжения. С десятка кадетов удобно устроились в мягких креслах, ожидая, пока откроется столовая. Со скучающим лицом Дэйл взял со стояка журнал и принялся листать его. Ему показалось, или некоторые как-то странно поглядывали на него? Новости быстро распространялись в кампусе, особенно плохие новости. Не удивительно, если все уже знают, что он не получил вызов в Центр.

Секретарь клуба Баллард, стоя у камина, окликнул его.

— Ты слышал хорошие новости об Аллене?

Лицо Дэйла тут же озарилось широкой улыбкой.

— Да, мне сказал Перкинс еще в спортзале. Конечно, меня это не удивило. Я всегда знал, что Аллен многого добьется.

— Но это, наверняка, удивило самого Аллена, — рассмеялся Баллард. — Буквально подкосило его. Некоторые с трудом выносят такое. В этом году верховное командование, кажется, рассыпает награды щедрой рукой.

— Вот как?

— Но мне следовало бы помолчать. Не стоит волноваться о почестях в подобных вещах. — Баллард окинул взглядом зал. — Некоторые из парней торчат тут весь день. И все надеются получить длинный серый конверт с печатью.

Дэйл бросил журнал обратно на стойку.

— Ты, наверное, мне не поверишь, но я вообще не думаю об этом. Баллард недоверчиво уставился на него.

— Конечно, не поверю.

— Но это — правда.

— Ты хочешь сказать, что еще не смотрел свою почту?

— Я не ходил сегодня к почтовому ящику.

– Скажи, пожалуйста, – голос Балларда разнесся по всему читальному залу, – а что, если тебя уже ждет письмо?

– Может, и ждет, – безразлично ответил Дэйл.

– Но разве ты не хочешь узнать? – закричал Баллард. – Не было года, когда, по меньшей мере, двое из «Персеид» не получали почетные приглашения. Черт побери, парень, ты ведь лучший из нас!

– Похоже, на сей раз «Персеиды» могут быть разочарованы.

Баллард схватил его за отворот куртки.

– Идем. Узнаем это прямо сейчас.

Он потащил Дэйла к столу клерка. Новости быстро распространились по библиотеке и игровой комнате. Столовая открылась, но никто и не подумал пойти туда – на их глазах происходило нечто беспрецедентное. У почтового стола уже собралась целая группа.

Дэйл остановился и спокойно освободил куртку из хватки Балларда.

– Спасибо, но я вполне способен обойтись без посторонней помощи.

Баллард опустил руку. В зале стало очень тихо. Внезапно Дэйл почувствовал себя в высшей степени уверенно. В толпе он заметил Перкинса, глядящего на него, как на божество.

Дэйл прошел к столу и обратился к читающему газету клерку.

– Есть какая-нибудь почта на мое имя, Поуп?

Поум с сожалением отложил интересную газету.

– Не знаю. Нужно посмотреть.

И он стал возиться на стеллаже позади стола. Казалось, ему понадобилась целая вечность, чтобы перебрать пачку писем. Дэйл смотрел на него с уверенной улыбкой. Улыбка буквально пристыла к его губам. Дэйл вообще не был уверен, что когда-либо избавиться от нее. Ему пришлось прижать колено к столу, чтобы скрыть свою нервозность.

Поуп перебрал почти все конверты.

– Кажется, ничего нет. Нет... есть одно.

Он положил на стол конверт, длинный серый конверт с печатью в углу. В целлофановом окошечке Дэйл увидел свое имя, едва заметное под штампом Космического Отдела.

Он небрежно засунул конверт в карман.

– Я вижу, столовая уже открыта, – сказал он. – Кажется, я бы немного чего-нибудь перекусил.

Толпа тихо расступилась перед ним, когда он направился к президентскому столику.

Глава 2. Отсрочка

Пристальный взгляд Дэйла прошелся по очереди из семи других кадетов, ожидающих встречи с верховным командованием. Странно, но с первого взгляда можно было понять, кто тут пройдет собеседование, а кто – нет. Взять, например, того рыжего парня у окна. Он явно боялся до смерти. Это можно было сказать по тому, как он сидел на самом краешке стула, как мял в руках головной убор. Когда его вызовут на собеседование, он будет или замороженным от страха или, напротив, станет слишком развязным и болтливым. Причем нужно принять во внимание, что, когда дойдет его очередь, он уже инстинктивно примет ту или иную позицию.

Из внутреннего святилища, где обитало верховное командование, появилась стройная молодая женщина. Все утро она вводила тщательно выбритых молодых людей в новенькой форме в тот магический портал, куда они войдут в первый и в последний раз в жизни. Дверь закрылась за ней и ее очередной жертвой так стремительно, словно они шагнули в иное измерение.

Наконец, регистраторша в очередной раз глянула в журнал, лежащий перед ней на столе.

– Дэйл Саттон? – спросила она.

– Здесь, – ответил Дэйл.

– Полковник Венстром сейчас примет вас.

Ее одобрительный взгляд задержался на солидном лице Дэйла и его подтянутой фигуре.

– Спасибо.

Дэйл с серьезным видом встал и прошел в приемную. Дверь закрылась за ним. Он оказался в святилище! Едва ли был хоть один день за все четыре года учебы, когда бы он не думал об этом моменте.

Сидящий за столом офицер несколько не походил на людоеда, как ожидал увидеть Дэйл. Это был человек среднего роста с жесткими седыми волосами и усами, чуть загибающимися к углам рта. Он кинул на Дэйла откровенно любопытный взгляд спокойных голубых глаз. *Это будет проще, чем я боялся*, подумал при этом Дэйл. *Этот офицер выглядит вполне дружелюбным.*

Полковник Венстром кивнул и направился к своему креслу. Сел за широкий, застекленный стол, пустой, если не считать книги в кожаном переплете, на обложке которого золотыми буквами было вытиснено: ДЭЙЛ САТТОН. На страницах той книги секретным кодом было все, что имело отношение к Дэйлу Саттону. Это были не просто записи о Дэйле Саттоне в Академии. Там был *сам* Дэйл Саттон!

Полковник открыл книгу и пробежался взглядом по страницам, словно знакомясь с их содержимым. Потом откинулся на своем вращающемся кресле и глубоко вздохнул.

— Ну, Саттон, у вас просто исключительные записи.

Дэйл вежливо улыбнулся и ничего не сказал.

— Я бы сказал, самые исключительные, — продолжал полковник.

— Это так, сэр?

— Фактически, у нас не так уж часто появляется кадет с личностью, подобной вашей.

— Вот как?

Дэйл с внутренней усмешкой отметил, что офицер на этом собеседовании ведет себя еще менее непринужденно, чем сам Дэйл. Интересно, а какова его квалификация? Не слишком хорошо, если он окажется судьей. Позже нужно поискать его в «Регистре Космофлота».

Венстром провел пальцами по кожаному подлокотнику кресла.

— Я вижу, вы добровольно вызвались провести дополнительное время на Луне.

— Я провел четыре полных месяца помимо требуемого периода, так что всего десять, — ответил Дэйл. — Семь на базе в Море Дождей, и еще три в Годдард-сити.

— В Годдард-сити? Большинству кадетов не очень-то нравится это место. Они не любят, когда не видно Землю.

— Меня, во всяком случае, никогда не беспокоило, на каком полушарии Луны я нахожусь, — откровенно сказал Дэйл. — Я хочу подчеркнуть, что не старался получить особый зачет из-за этого. Просто Луна никогда не беспокоила меня, в отличие от других.

— И никаких проблем с теньями?

— Ни малейших.

Полковник задумчиво улыбнулся.

— В те времена, когда я был молодым, ходили всякие истории об обратной стороне Луны. Распространялись слухи, что там водятся привидения. Призраки космонавтов, погибших в первые годы освоения Луны.

— Эти слухи по-прежнему существуют, — заметил Дэйл.

— Даже не сомневаюсь. Удивительно, как живучи подобные вещи. Эти слухи беспокоили многих моих одноклассников. Хотя это были храбрые ребята. Но они до смерти боялись нечто неосознанного, чего не могли увидеть.

— Я сомневаюсь, чтобы даже призрак мог долго протянуть на Луне, — сказал Дэйл. — По крайней мере, без скафандра.

Полковник кивнул и нахмурился.

— Конечно, легенды существуют не об одной только Луне. Старики любят распространять всякие байки и о других планетах.

Дэйла озадачили внезапно произошедшие с полковником перемены. Лицо его было по-прежнему мягким, но глаза стали холодными и пронизывающими.

— А вы не думаете, что эту ситуацию постепенно изменят новые быстроходные лайнеры, такие, как «Альбирео»? — попытался перейти к делу Дэйл. — Раньше люди должны были столько времени проводить без дела в летящих кораблях. Естественно, они начинали всякое придумывать. Но такие корабли, как «Альбирео», укомплектованные молодежью, должны в корне изменить ситуацию.

Дэйл замолчал, чувствуя, как колотится сердце. Наконец, он сменил тему беседы на «Альбирео». Он не мог сказать прямо, что хочет служить на этом корабле, но намекнул так прозрачно, как только осмелился.

— Рад услышать ваше мнение. — сказал Венстром. — Ты бы удивился, узнав отношение некоторых к этому вопросу.

— Но как можно быть против, когда «Альбирео» может вдвое сократить время полета к Марсу?

— Я имел в виду вопрос о призраках. Есть что-то такое в космосе, что порождает суеверия.

Он снова свернул разговор к призракам. Может, он сам немного помешан на них? Может, он когда-то пострадал из-за них сам?

— Мы живем в эпоху, которую с гордостью называем просвещенной, — вздохнул Дэйл. — И все же вера в призраков, духов и таинственные сигналы распространена по-прежнему.

— Все верно. — Полковник открыл журнал, словно не хотел продолжать этот разговор, и быстро пробежал взглядом очередную страницу. — Я вижу, вы — член «Персеидов». Кажется, недавно я говорил с еще одним членом этого клуба... не могу вспомнить его фамилию.

— Наверное, Джим Аллен.

— Да, Аллен. Прекрасный парень. Вроде бы, он был там вашим секретарем.

— Казначеем, — поправил полковника Дэйл.

— Да, я помню, что он занимал какой-то пост. У него такие прекрасные оценки по математике, что мы записали его на «Альбирео». На том корабле очень требовательный подход к навигации.

Действительно, прекрасные оценки! — подумал Дэйл. *Но бедный Аллен давно бы вылетел за неуспеваемость, если бы не я.* Тем не менее, вслух Дэйл сказал:

— Я уверен, что математические способности Аллена сослужат ему хорошую службу на «Альбирео».

— Мне кажется, вам, персеидам, нравится держаться вместе? — спросил полковник, поднимая одну бровь.

Дэйл с трудом сумел скрыть ликование. *Просто дайте мне место на «Альбирео», и я всем покажу, на что способен! Но плохо проявлять слишком большое нетерпение. Если им нравится заставлять вас выдать себя, то нужно держать ухо востро.*

— Естественно, мы хотим держаться вместе, — осторожно ответил Дэйл. — Но, в конце концов, теперь учение закончено. Мы же не можем вечно оставаться одноклассниками.

— Некоторые кадеты говорили так, словно хотели бы стать профессиональными студентами, — устало улыбнулся Венстром.

— Я думаю, что знаю, кого вы имеете в виду, — усмехнулся Дэйл. — Тех, кто любит собираться и болтать о старых добрых временах.

— Правильно. Рад видеть, что у вас ко всему вполне взрослое отношение. Ну, Саттон, как я уже говорил, у нас редко бывают такие кадеты.

— Должно быть, это очень любезно с вашей стороны, сэр.

Офицер поднялся из-за стола, показывая, что собеседование закончено. С самым сердечным видом он обменялся с юношей рукопожатиями. Теперь он нравился Дэйлу куда больше, чем в начале. В общем-то, неплохой человек. Немного занудный от изобилия канцелярской работы, но этого и следовало ожидать. Насчет себя Дэйл был уверен, что никогда не будет удовлетворен, если придется целыми днями торчать за столом и проводить собеседования с выпускниками. Ему хотелось чего-нибудь поинтереснее.

— Через несколько дней вы получите от нас извещение, — сказал ему Венстром уже у двери, вытащил из кармана календарик и что-то отметил на нем карандашом. — К четвергу уже все должно решиться... О, какой я неуклюжий! — воскликнул он, когда календарик и карандаш выпали у него из рук.

Дэйл тут же опустился на колени и принялся их искать. Пока он шарил в ногах офицера, из другой комнаты вошла девушка. Лицо Дэйла пошло красными пятнами. Он неловко поднялся, протянул календарик с карандашом полковнику Венструму. Дэйлу показалось, что он заметил на лице девушки легкие следы улыбки, когда он что-то пробормотал у двери и убежал.

Конечно же, это был такой прием. В этом Дэйл был уверен. Один из старых книжных приемов, и Дэйл попался на него. Что бы заставило его умолять полковника, стоя на коленях? Дэйл чувствовал, что до этого инцидента производил благоприятное впечатление. А

затем так глупо опростоволосился. Он просто не подумал. Но они точно хотели узнать, как он будет реагировать, попав в неожиданную ситуацию.

Следующие два дня в Академии оказались совершенной мукой.

Дэйл снова и снова пробегал в голове каждую подробность собеседования. Причем чем дальше, тем хуже он думал о себе. Он почти не мог казаться веселым своим друзьям. К счастью, занятия закончились и большинство курсантов разъехались на праздники. Дэйл проводил много времени в своей комнате или колотил тяжелую грушу в спортзале.

Ночью в среду он вдруг почувствовал невыносимую тревогу. Попытался уснуть, но не смог, и, провалявшись два часа, схватил первую попавшуюся под руку книгу. Это оказался сборник елизаветинских драм, которые профессор Уилкинс задал на внеклассное чтение. Теперь же, мрачно перелистывая страницы, Дэйл по-новому смотрел на многие строки. Ему пришло вдруг в голову, что написаны они не для того, чтобы мучить студентов древней литературой, как он ранее предполагал. Дэйл попытался вспомнить комментарии профессора Уилкинса о людях, которые написали эти драмы. У многих из них была весьма несчастливая жизнь, но, чтобы облегчить душу, эти люди писали бессмертные стихи.

*«Прощайте, приятные мысли, довольство, прощай!
Прощайте, отряды в плюмажах, и мелкие войны!
Ведь это всего лишь пустое стремление к власти!»*

Теперь, когда рушилась его собственная жизнь, Дэйл чувствовал, что в нем растет сочувствие к другим людям. И он решил, что нужно больше читать в будущем.

На следующее утро его разбудил служитель, постучавший в дверь. Часы у кровати показывали восемь тридцать. Дэйл даже почувствовал вину из-за того, что так долго спал. К счастью, занятий уже не было, так что это не имело значения.

Ему пришло в голову, что почта уже могла прийти. Уже мог ждать его конверт от командования. Он выскочил из кровати и пошел в душ.

Во время бритья Дэйл от спешки даже порезался, но все равно уже миновало девять, прежде чем он оделся и привел себя в порядок. К его раздражению, Поуп сообщил, что почта еще не пришла. Но вот-вот должна прийти. Но было ли там то, чего Дэйл так ждал? Он покачал головой и побрел на кухню.

В здании клуба завтрак после девяти уже не подавали, но если вы в хороших отношениях с поваром, то на кухне всегда могли что-нибудь получить. Дэйл сунул под мышку утреннюю газету и удалился в уголок за посудомоечной машиной. Рассеянно просматривая заголовки, он жевал намазанную маслом булочку. Новости были какие-то мрачные. Несколько шахтеров погибли при взрыве... на Луне потерялись двое детишек... выбраны десять самых модных женщин в Солнечной системе. Просмотрев все это, Дэйл стал читать статью своего любимого комментатора. Сегодня он выкопал старые рассказы о призраках и пропавших в космосе людях. Дэйл с отвращением отбросил газету. Подумать только, он заплатил за такую ерунду!

Он расписался за завтрак и поспешил обратно к почтовому столу. Поуп уже сортировал почту. Дэйл подошел, и Поуп вручил ему несколько писем – рекламные объявления, счета и проспекты.

– Нынче утром, в основном, вся эта ерунда... Минутку. Держу пари, вон письмо, которого ты ждешь.

Это было оно! Длинный официальный конверт с печатью Центра. Дэйл бросился в свою комнату и запер дверь. Затем вскрыл конверт, аккуратно, чтобы не порвать его драгоценное содержимое. Он извлек из конверта два листка и пробежал их взглядом, ища выделенные слова, которые и решат его судьбу. Они оказались на второй странице. Это был как удар в солнечное сплетение. Все было хуже, чем ожидал Дэйл. Гораздо хуже. Просто ужасно.

«...Вам надлежит связаться с капитаном «Альбатроса» Джорджем Таггертом и ждать дальнейших инструкций...»

Дэйс схватил с полки объемистый том справочника и принялся лихорадочно листать его. «Аделаида»... «Аляска»... Вот он, «Альбатрос». «Построен во время колонизации Марса, авария на Гие, восстановлен и поставлен на венерианский маршрут...»

Да ведь этот корабль должен быть самой старой лоханкой в космосе! Раз он построен во времена колонизации Марса, значит, ему, по меньшей мере, двадцать лет! И этот капитан Таггерт не мог быть выпускником Академии. Он не мог быть даже военным. Должно быть, какой-нибудь простой космонавт, получивший должность по выслуге лет. И, скорее всего, именно он служил на корабле во время аварии.

Это было хуже, чем оскорбление. Это был плевок в лицо. Дэйл никогда не пойдет на это. Он подаст в отставку. И швырнет это назначение им в лицо. В конце концов, он был лучшим в Академии. И родители его богаты.

Дэйл прочитал письмо в третий раз. И из конверта выпал еще один листок. Это было уведомление о том, что назначение командования в Центре послано адресату. Дэйл смял его и швырнул в мусорную корзину.

После этого он долго сидел, склонившись над столом, слишком несчастный, чтобы куда-то идти. Его поочередно переполняло отчаяние и слепой, бесполезный гнев. Никого еще прежде так не оскорбляли в академии. Очевидно, было что-то в его деле, что не понравилось командованию. А поскольку не было никаких формальных оснований для его отчисления, то они решили заставить его уехать самому.

Чем больше Дэйл думал об этом, тем более переполнялся намерением принять правильное решение. Это была чистая злость, чья-то злонамеренная ревность. Вероятно, этот кто-то сейчас злорадуется, думая о нем.

В окно уже проник рассвет, когда он достал бумагу из корзины и тщательно разгладил ее на столе. Затем взял ручку и каллиграфическим почерком внес свое имя, подтверждая, что он получил приказ.

Глава 3. Миссия в никуда

Дэйл, наконец, очнулся от беспокойного сна. Самой трудной частью пребывания на Луне была не жизнь под землей, не более слабая гравитация и даже не необходимость надевать скафандр всякий раз, когда нужно выйти наружу. Это были страшные сны в первую сотню часов после прибытия сюда. Они были у всех. Эти сны являлись неистощимым предметом для шуточек. Причины их были до сих пор неясны. Очевидно, все дело было в воздействии пониженной гравитации на нетренированную нервную систему. Но какими бы ни были причины, сны эти были чрезвычайно неприятными. В отличие от обычных снов, память о них держалась по многу часов. Уже три раза подряд Дэйл видел сон о том, что он заблудился в каком-то огромном подземном лабиринте и блуждает целую вечность в поисках выхода, но лишь уходит все глубже.

Дэйл помотал головой, оделся и прошел в закусокную на нижнем уровне. Еда здесь была лучше, чем можно было ожидать в подобном лунном отеле. В конце концов, на Южном полюсе Луны вы были не из худших клиентов. Здесь проживали люди, которые честно работали на кораблях, специализирующихся на коротких перелетах между Землей и Луной, а иногда летающих на Марс или Венеру. Иногда здесь можно было встретить человека из Дальнего космоса, который ходил к поясу астероидов или даже на спутники Юпитера. Этих людей было легко узнать по грубым манерам и сдержанному,

экономному дыханию. И еще здесь всегда были люди, вроде бы не имевшие никакой работы, но в карманах у них вечно водилось немного денег. Многие из них были лунными разведчиками, которые когда-то вкалывали на шахтах, но давно уже позабыли, что значит честная работа. Разумеется, они всегда были готовы рассказывать о метеорите, который чуть ли не у них на глазах врезался в Луну и образовал кратер из чистого золота. Для разработки его им был нужен лишь небольшой начальный капитал, — несколько сотен долларов, и они бы разбогатели в мгновение ока. Но если бы вы дали им недостающие сотни, то они готовы в будущем выплачивать вам процентов десять от прибыли. Весьма примечательно, что такие прозрачные кратеры с золотом на дне почему-то всегда располагались на недоступной обратной стороне Луны. И по каким-то причинам подобные метеориты всегда выбирали труднодоступные места.

Дэйл с тревогой оглядел закусочную. Здесь почти не было свободных мест, а за длинными столами посетители сидели так близко, что толкали друг друга локтями. Дэйл инстинктивно сторонился близких контактов со своими собратьями. Одной из лучших услуг, предоставляемых персоидам, было то, что член клуба мог обедать один или с гостями по своему выбору. Ну, а здесь не было большого выбора. Если Дэйл чего-то хотел, то должен брать то, что можно тут получить.

Дэйл стал протискиваться через толпу к свободному столу в дальнем конце зала, у окна. Нехотя, бросая на него угрюмые взгляды, люди расступались. Дэйл был рад, что носил тут штатскую одежду. Прежде он всегда носил форму с гордостью, как знак отличия — но здесь она бы казалась неуместной.

Он занял место в конце стола, как можно дальше от других посетителей, и принялся изучать расплывчатые записи в меню. Казалось, еда состояла, в основном, из яиц. Куры всегда отличались в лучшую сторону тем, что росли где угодно. Они были глупыми, но отлично приспособляемыми.

— Передай мне кетчуп, а, Мак?

На свободное место рядом с Дэйлом бесшумно скользнул какой-то человек. Это был высохший старик с печальными, укоризненными глазами облитого водой спаниеля.

— Не возражаете, что я сел сюда, а?

Дэйл холодно оглядел его.

— Не возражаю. Почему бы мне возражать?

Маленький человек придвинулся так, что колени их соприкоснулись. Дэйлу очень хотелось отодвинуться, но он и так уже сидел за самым краем стола, так что двигаться дальше было некуда.

— Я не знал, позволено ли мне садиться сюда, — сказал незнакомец и украдкой оглядел зал. — Подумал, что, может, этот стол уже зарезервирован.

Дэйл чуть не задохнулся от смеха.

— Зарезервирован? В такой забегаловке?

— Для каких-либо важных шишек, знаете ли.

Хмурый официант толкнул Дэйлу яйца и кофе, так что изрядная его доля выплеснулась из чашки в блюдце. Дэйл вздохнул и приналег на яйца, которые оказались лучше, чем он ожидал. Он твердо решил не дать этому старику испортить завтрак. Наверное, он немного сумасшедший, но явно безопасный. Было в нем что-то жалкое, возбуждающее инстинктивное стремление Дэйла защищать.

— Успокойтесь, — посоветовал он. — Если кто-нибудь спросит, уверенно отвечайте. Что это место зарезервировано — для нас.

— Вы думаете, так можно?

— Наверняка.

Старик критически поглядел на него.

— Вы очень уверены в себе для такого юноши.

— Я знаю свои права, если вы об этом.

— Но лучше будьте поосторожнее.

— Я могу позаботиться о себе, — небрежно ответил Дэйл.

— Держу пари, вы никогда здесь не были прежде.

Дэйл не смог подавить раздражение.

— Откуда вам известно?

— Просто вы не похожи на тех, кто ходит сюда.

Дэйл сказал себе, что ему совершенно безразлично мнение этого старика, но тем не менее, его раздражало, что он не сумел раствориться среди находящихся в зале людей. Такой ли уж он крутой? На ринге-то он отметелил бы всех, находящихся здесь, за минуту.

Старик занялся яйцами и картофелем у себя в тарелке. Поев, он вытер усы и пристально поглядел в окно на Горы Лейбница, высокие, голые и белые, точно гигантские надгробные плиты у черного горизонта южного полюса Луны.

— Вы знаете те горы? — спросил он, указав в окно вилкой.

Дэйл отрицательно покачал головой.

Старик наклонился поближе к нему, словно хотел доверить какой-то секрет.

— А я побывал там везде. Особенно на Лейбнице Эпсилон. Я знаю каждую трещину и щель в Лейбнице. В тех горах много жил с ценными минералами, о которых не знает никто, кроме меня. — Он кинул на Дэйла быстрый взгляд. — У вас есть хоть немного денег?

Все проясняется, сказал себе Дэйл. Сейчас начнется длинный рассказ о подземных сокровищах. Было бы забавно притвориться простаком и позволить навешать себе лапши на уши. Интересно, как далеко зашел бы старик?

— Немного есть, — кивнул Дэйл.

— Ну, так покрепче держите их при себе. Здесь есть люди, которые могут понарасказать вам таких историй про шахты, что глаза на лоб вылезут. Но не верьте им на слово. Они всего лишь хотят наложить лапы на ваши денежки.

— Спасибо за совет.

Дэйл достал из кармана чек. Было самое время уходить, но он почему-то чувствовал себя виноватым перед этим старым разведчиком. Как же он ошибался в нем.

— Вы дали мне хороший совет, — сказал Дэйл. — Я думаю, что должен оплатить вашу еду.

Старик похлопал его по руке.

— Я сам заплачу за свою еду, — сказал он.

— Ну, хорошо, — добродушно рассмеялся Дэйл. — Но все равно, спасибо.

Ожидая, пока кассовый аппарат пробьет чек, Дэйл заметил, что в зале стало вдруг очень тихо. Все взгляды сконцентрировались на группе мужчин, идущих к столу, из-за которого Дэйл только что встал. Впереди шел коренастый, массивный человек. Его длинные руки свисали чуть ли не колен. Шел он легким, упругим спортивным шагом.

Дэйл почувствовал, как напряглись его мышцы, когда группа подошла к столу. Кассир тут же суматошно позвал официанта.

— Ты не должен был никого пускать за тот стол.

— Ну, должен же я был куда-то их посадить, — принялся оправдываться официант.

— А теперь у нас будут проблемы.

— А, да там никого нет, кроме какого-то старика.

— О чем речь? — смешался в разговор Дэйл.

Кассир окинул его презрительным взглядом.

— Эти люди всегда выбирают лучший стол у окна. Они ведут себя так, словно купили его.

— Если они доставляют неприятности, то почему вы не вызовете полицию?

— Вызвать полицию... на Южном полюсе?

У окна началась возня. Главарь схватил старика за руку и волок его по скамье.

Дэйл прошел через зал и похлопал главаря по плечу.

– Отпустите его, – серьезно велел он.

Тот уставился на Дэйла немигающими глазами.

– И кто это сказал? – спросил он, растягивая слова, удивительно низким и мягким голосом.

– Не важно, кто. Просто отпустите его.

Взгляд главаря прошелся по стройной фигуре Дэйла. Глаза его были спокойными, холодными и безразличными. Он ткнул старика большим пальцем в спину.

– Убирайся, пока чего не случилось, – проворчал он.

Тут вмешался какой-то приятный на вид, пожилой человек.

– Ну, успокойтесь. Нет никакого смысла что-нибудь начинать.

– А кто тут что начинает? – взревел главарь.

– Я, – крикнул Дэйл, бросаясь на него.

Из-за плеча пожилого выглянул человек с резкими чертами лица и копной рыжих волос.

– Осторожней с ним, Таггерт! – завизжал он.

Таггерт!

Это же капитан «Альбатроса». Тот самый Таггерт, с которым Дэйл должен был встретиться через час. Человек, который станет его командиром.

Дэйл успел заметить метнувшийся к нему кулак и понял, что сейчас его нокаутируют.

На его подбородке словно взорвалась ракета. Это было последнее, что он помнил...

Дэйл в нерешительности остановился перед окном с матовым стеклом, на котором была надпись выцветшими буквами: «Транзитная компания «Альбатром». Под ней было изображение птицы и девиз «Мы летим куда угодно». В нижнем углу окна было еще приглашение входить. Дэйл секунду поколебался, затем открыл дверь.

Простая женщина средних лет, сидящая за столом позади медных поручней оценивающе оглядела его. Дэйл направился к ней с таким достоинством, какое только мог показать, учитывая, что желвак на челюсти уже достиг размеров грецкого ореха и продолжал расти.

– Я хочу увидеть капитана Таггерта.

– У вас назначена встреча?

– Я пришел сюда по приказу Командующего межпланетными силами.

– Как ваше имя?

– Меня зовут Дэйл Саттон. Я думаю, капитан узнает меня. Мы уже встречались сегодня.

Женщина произнесла несколько слов в микрофон интеркома на столе, затем кивнула Дэйлу.

— Капитан Таггерт примет вас. Пройдите по коридору, вторая дверь слева.

Дэйл нашел дверь немного приоткрытой. Капитан Таггерт с двумя людьми, которые были с ним в закуской, склонился над какой-то схемой, покрытой волнистыми линиями, точно контурная карта. Он положил карандаш и оглядел Дэйла глазами, которые были так же спокойны, как и тогда, когда они встретились час назад.

— Так значит, ты — Дэйл Саттон?

— К вашим услугам, — коротко кивнул Дэйл.

Капитан покосился на бумаги, лежащие на столе.

— Я вижу, только что из школы.

— Верно.

— У тебя, должно быть, шикарные данные, раз тебя назначили навигатором на «Альбатрос».

— Я был вторым в наборе из двухсот человек.

Капитан повернулся к низкому рыжеволосому, стоящему справа от него.

— Ты слышал, Мак? Он был вторым из двухсот.

— Думаю, вам крупно повезло, Таггерт.

Таггерт повернулся обратно к Дэйлу.

— Имел опыт работ за пределами Академии?

— Ничего стоящего упоминания.

— Когда-нибудь бывал в открытом космосе?

— Я никогда не был за пределами орбиты Марса.

— И ты думаешь, тебе понравится «Альбатрос»?

— Судя по тем членам команды, что уже успел повидать, — ответил Дэйл, не стараясь скрыть презрение в голосе, — не думаю, что он мне понравится.

На мгновение в комнате все замерло и наступила тишина. Затем Таггерт поднялся и обошел стол, направляясь к Дэйлу. Присел на угол стола, глядя на Дэйла ничего не выражающими глазами.

— Мне никогда не нравились молодые кадеты только что из школы. Запомни, что я не просил твоего назначения. Мне навязало его правительство. Но я все еще капитан своего корабля. Поэтому решение за тобой. Или ты выполнишь приказ, который тебе дали, или станешь искать другую работу.

Дэйл почти физически ощутил ненависть к капитану. Ему ужасно хотелось развернуться на каблуках и молча покинуть комнату. Но сначала он хотел заплатить по счетам.

– Я буду сотрудничать с вами всеми возможными способами, – четко сказал он.

Капитан еще раз посмотрел на него, теперь уже с подозрением. Потом слез с края стола и махнул своей волосатой лапищей.

– Тогда будем знакомиться. Это Люк Макаллистер, наш управляющий, – показал он на рыжеволосого человека с лицом хорька. – А это Алекс Флеминг, наш инженер-эксплуатационник.

Макаллистер резко кивнул головой. Флеминг понялся с места и сердечно обменялся с Дэйлом рукопожатием. Дэйл отметил, что, хотя волосы у него были седыми, но кожа лица такой же гладкой, как у молодого.

– Неудачный инцидент произошел там, в закускойной, – сказал он, слегка улыбнувшись при виде распухшего подбородка Дэйла. – Я уверен, что мы ничего бы не сделали вашему другу.

– Всего лишь выкинули бы его из-за стола, – пробормотал Таггерт.

– Надеюсь, все в прошлом, – натянуто произнес Дэйл.

Макаллистер радостно потер руки.

– Ну, а теперь, когда все уладилось, подойдите и взгляните на эту схему.

Дэйл посмотрел на нее с некоторым интересом. В ней было что-то знакомое. Волнистые линии разбегались по сторонам, как занавески перед овальной фигурой, и образовывали в центре нечто вроде гантели.

– Что-нибудь понял из этого? – спросил Таггерт.

– Это, без сомнения, линии начальной скорости, – ответил Дэйл.

– Они определяют области, в которых тело в невесомости может перемещаться в поле тяготения двух ограниченных тел, таких, как планета с большим спутником.

– Какая-нибудь определенная планета? – тут же спросил Макаллистер.

В возбуждении он даже встал на колени на стул, чтобы лучше видеть диаграмму.

Дэйл медленно покачал головой.

– Я могу лишь сказать, что у этой планеты весьма значительная масса, судя по форме этих контурных линий.

– А разве это не может быть планета земной группы? – спросил Макаллистер.

– Если я не ошибаюсь, это линии указывают на группу планет-гигантов.

– Планет-гигантов? – пробормотал Флемминг. – Это очень плохо.

Таггерт склонился над столом. На нем была рубашка с короткими рукавами, обнажающая его мускулистые руки.

— Если вы спросите меня, то у нас большие проблемы. Я с самого начала был против этого правительственного контракта.

— Но вам понравилась сумма, прописанная в этом контракте.

— Разумеется, сумма мне понравилась. Но теперь, когда у меня было время поразмышлять...

— И это была ошибка. — Макаллистер провел пальцем по одной из волнистых линий. — А это что показывает, мистер Саттон?

— Судя по всему, с одной стороны, эта линия показывает, что скорость бесконечно малого третьего тела реальна.

— А с другой стороны?

— С другой стороны, скорость воображаема.

— Воображаема! — рявкнул Таггерт. — Никогда не слыхал о такой скорости.

— Я имел в виду, воображаема в математическом смысле, — уточнил Дэйл. — Это просто означает, что бесконечно малое тело, такое, как космический корабль, не может перемещаться вне этой линии, не нарушая условий задачи. — Тут он не мог удержаться от смеха при виде ошеломленных лиц своих собеседников. — По крайней мере, она не может пересечь эту линию и оставаться в нашем пространстве. Она должна будет переместиться в какую-то призрачную область.

— Что это значит?

Дэйл с удивлением взглянул на Таггерта. Он никогда бы не поверил, что лицо капитана может принять такое выражение. Это было лицо человека, охваченного настоящим ужасом.

— Я просто заметил, что скорость станет воображаемой. Она больше не будет реальной.

— Вы что, говорите о призраках?

Дэйл безразлично пожал плечами.

— Я просто констатировал факты.

— Вот этому учили вас в школе?

— Этому и многому другому.

— Ну, так забудьте все это, — раздраженно рявкнул Таггерт. — Мы можем прожить без этой ерунды.

— Как скажете, — бодро согласился Дэйл.

— Эта миссия отличается от любой другой, которую прежде выполняла наша фирма, — быстро вмешался Флеминг. — Верховное командование Центра предложило нам прекрасные условия. Я бы даже сказал, экстраординарные. Но сегодня они отправили нам кое-какие указания вместе с этой диаграммой...

— Я могу помочь, если узнаю, куда именно направляется «Альбатрос», — прервал его Дэйл.

Все трое с сомнением поглядели друг на друга. Затем Флеминг повесил на стену карту, показывающую Солнечную систему за пределами орбиты Юпитера.

— Согласно инструкциям, место встречи с двумя другими кораблями — «Равноденствием» и «Перилегием» — находится в этой точке. — Он ткнул пальцем в самый край пояса астероидов на расстоянии 300 градусов.

— И что дальше? — спросил Дэйл.

— Мы не знаем, — с сожалением усмехнулся Флеминг.

— Это-то мы и должны узнать, — нервно хихикнул Макаллистер.

— Поверьте мне, не выйдет из этого ничего путного, — мрачно заявил Таггерт.

Дэйл старался сохранять на лице выражение спокойствия, хотя внутри весь ликовал. Потому что узнал, что командиры его, несмотря на суровый внешний вид, ужасно, отчаянно трусили.

Глава 4. Ошибка

Без сомнений, «Альбатрос» был не хуже, но, разумеется, и не лучше сотни других кораблей его класса. Но Дэйлу, после обучения в Академии, казалось невозможным, что может быть хуже, а расхлябанность в ведении документов и составлении отчетов он считал просто непостижимой. На него произвело впечатление уже одно то, как велся осмотр внешней обшивки корабля на предмет повреждений микрометеоритами, который должен был производиться каждые пятьдесят часов полета. Не делать этого было не просто неграмотностью, это было преступлением. На «Альбатросе» же такой осмотр проводился не чаще, чем раз в сто часов, если проводился вообще. То же касалось и опасностей радиации. Никого не интересовало, не получил ли корабль повышенную дозу. Волноваться об этом считалось здесь признаком слабости, которая в пору женщинам, но никак не космонавтам. С другой стороны, команда очень интересовалась своими скафандрами. Они постоянно проверяли их на предмет утечек и укрепляли слабые места патентованными самозаклеивающимися пластырями.

Дэйл предполагал, что его обучение в Космической Академии автоматически даст ему хоть какое-то уважение со стороны команды. Но, напротив, скоро он обнаружил, что вместо того, чтобы уважать его превосходящие знания, космонавты лишь негодовали на него и чинили множество мелких пакостей, которым Дэйл был бессильно противостоять. Причем, с молодыми было труднее всего спра-

виться. Они чувствовали себя столь же компетентными, как и Дэйл, и такими же опытными, но из-за отсутствия образования не имели шансов подняться выше нынешнего положения, в то время как Дэйл мог надеяться на любой карьерный рост. Дэйла спасало, хотя и незначительно, лишь то, что он был офицером. Поэтому команда всегда старалась называть его «сэр» и внимательно слушать приказы. Но после приказы исполнялись небрежно или Дэйл встречал такое сопротивление, что решал, будто проще все сделать самому.

Больше всего его раздражало то, что с ним никогда не советовались даже по тем вопросам, в которых он разбирался лучше всех на корабле. На «Альбатросе» было тесно, поэтому все ели за одним столом независимо от звания, да и вообще, не было никаких формальных разграничений в званиях. Но все же различия в положении, основанные на таких нематериальных качествах, как общие знания, сила личности и доказанная храбрость вполне определенно существовали. И во всех этих вопросах Дэйл проигрывал в глазах своих сотоварищей. Никто не спрашивал его мнения. Никто ничего не обсуждал с ним в часы отдыха. Никто не доверял ему и не искал с ним дружеских отношений.

Это особенно раздражало Дэйла, когда он обнаружил, что мнение повара Чака Осборна уважали больше его собственного. В течение долгих часов вынужденной изоляции в космосе большинство тривиальных тем частенько принимали неестественно важное значение. Так, во время очередного обеда возник спор о том, за сколько времени человек может пробежать километр.

— Ну, в общем, рекордом является три минуты пятьдесят секунд. Так что посчитайте, сколько можно пробежать за секунду. Говорю вам, что есть предел возможностей человеческого тела

— Да три пятьдесят давно уже преодолели. Кто-то в Огайо пробежал в прошлом году километр за три сорок восемь.

— И как его звали?

— Ну, я не помню имя этого парня, но я читал о нем.

Дэйл откашлялся.

— Его зовут Кен Шульц, и он из Иллинойса, а не из Огайо, — тихо сказал он. — Он мой друг. И он показал мировой рекорд в беге на километре, пробежав за три минуты, сорок восемь и одну пятую секунды.

— А ты что знаешь о мировом рекорде, Чак?

Чак закрыл дверцу холодильника.

— Мировой рекорд в беге на километр равен трем минутам пятидесяти секундам. Его установил парень из Новой Зеландии.

— А я что вам говорил? Выходит, три пятьдесят — и предел.

То, как постоянно игнорировались его слова и мнения, дало Дэйлу чувство неуверенности, какого прежде он никогда не испытывал. В Академии его мнение по какому-то вопросу являлось окончательным. Теперь же он оказался в группе людей, для которых его слова не имели никакого значения. За двадцать один год жизни Дэйл завел мало друзей и часто, при первом знакомстве, ощущал сильную неприязнь к людям. Но все же сам он хотел нравиться другим, и чувствовал себя глубоко раненым, если это не получалось.

Они были в полете сто дней, миновали орбиту Марса, когда Дэйл появился за завтраком с маленьким синим значком на лацкане. Когда люди живут в такой изоляции, как на космическом корабле, любые изменения во внешности кого-либо сразу же становятся предметом беспокойства и обсуждений на борту. Нет лучшего места для сплетен, нежели корабельная столовая.

Дэйл был уверен, что получил полную долю внимания, хотя никто не рискнул упомянуть об этом. Позже он был в навигаторской, проверяя координату Z на компьютере точного расчета траекторий, когда там появился помощник инженера Коллинз. Он только что занимался проверкой насосов, поэтому руки у него были в смазке.

Дэйл никогда не знал, как относиться к Коллинзу. Это был остроумный парень, нравящийся остальной команде. Дэйл сам частенько заставлял себя смеяться его шуткам, которые, следует допустить, были весьма остроумны. Поэтому он был доволен, что Коллинз решил навестить его.

– Хороший у вас значок, сэр, – сказал Коллинз. – Могу я спросить, он что-либо значит?

– Это эмблема клуба, к которому я принадлежал в академии, – ответил Дэйл, улыбнувшись и чувствуя гордость. – Возможно, ты слышал о нем – «Персеиды».

– «Персеиды!» – глаза Коллинза изумленно распахнулись. – Вы хотите сказать, что вы – член «Персеидов»?

– На четвертый год обучения я стал президентом клуба.

– Подумать только – президентом! – Он отступил на шаг и с затаенным страхом принялся разглядывать Дэйла.

Дэйл осторожно коснулся значка.

– Нам разрешали носить этот значок лишь десятого августа, в день, когда Земля встречается с метеоритным потоком Персеид. А сегодня как раз десятое, так что я надел значок по старой памяти.

Коллинз, казалось, не мог овладеть собой.

– Ну и дела. А я часто думал о том, каково это – быть «персеидом».

Дэйл скромно рассмеялся.

— Ну, вероятно, это слишком переоценивают, как и множество других вещей. Хотя, действительно, считается настоящей честью.

— Вы не возражаете, если я потрогаю ваш значок, сэр? Я никогда не видел такого.

— Конечно, не возражаю.

Коллинз с большим интересом провел пальцем по значку.

— Красивый, очень красивый. И буква Пи так здорово обрамлена жемчугом. — Внезапно его лицо сморщилось, словно от горя. — О, мне так жаль, сэр! — закричал он.

— Что случилось? — спросил Дэйл.

— Я вам запачкал кольцо.

Дэйл мельком взглянул вниз на рубашку. Кольцо действительно было запачкано смазкой с пальца Коллинза.

— Ничего, — сказал Дэйл. — Я потом его вычищу.

— Но это не порядок, — заявил Коллинз. — Я должен почистить его сам. — Он достал носовой платок и принялся энергично протирать кольцо Дэйла. — Может показаться, что я специально. Я очень надеюсь, что вы простите меня, сэр, — И он умоляющим жестом положил руку на плечо Дэйла. — О, горе мне! — вскричал он. — Я сделал еще хуже!

На рубашке Дэйла появились длинные полосы жирной смазки. Три самых заметных образовывали грубо начерченную букву Пи.

— Надеюсь, я не повредил ваш значок, сэр.

Он снова потянулся к рубашке, но Дэйл отпихнул его.

— Мне так жаль! — вопил Коллинз. — Сейчас я принесу немного раствора для очистки...

— Убирайся!

Коллинз весь сжался, словно в ужасе.

— Ну и дела! Сейчас он вырубит меня, как вырубил капитана...

И Коллинз сбежал вниз по лестнице в столовую. Скоро голоса там замерли, и снизу послышались звуки сдавленного смеха. Коллинз явно принялся рассказывать эту историю в надлежащем оформлении. Еще через пару минут об этом узнает вся команда.

Слезы досады и гнева навернулись на глаза Дэйла. В панике, боясь, что его кто-нибудь увидит, он бросился к механическому компьютеру у стены, где его лицо будет хотя бы частично скрыто. Лишь через несколько минут он полностью овладел своими эмоциями. Ему хотелось снова оказаться среди своих. Среди людей, которые знали и понимали его, и верили тому, что он сам считал важным. Если бы только можно было спрятаться, чтобы никто не увидел его страдания и позор! Но на космическом корабле трудно было найти такое место.

Как же он мог позволить этому щенку Коллинзу так легко одурачить себя? И зачем он вообще надел этот значок? В душе он знал, что надел его лишь потому, что надеялся заслужить этим восхищение команды. Ну, что ж, он получил урок. Он сорвал значок с лацкана рубашки и убрал его с глаз долой в ящик стола.

Но больше всего его терзала мысль, что команда сделала совершенно неправильные выводы об его стычке с капитаном Таггретом. Он получил нокаут лишь потому, что услышал имя капитана, а не потому, что не сумел защитить себя. Иначе бы такое с ним не произошло. Дэйл привык считать, что всем известно, что он опытный боксер-любитель.

Ну, по крайней мере, это он мог быстро исправить. Он мог сейчас же пойти туда и разобрать всю свободную смену на кусочки.

— Не делай этого.

Когда Дэйл уже направился было к лестнице, на его плечо легла рука Флеминга. Первым его импульсом было продолжать движение, но что-то в глазах пожилого космонавта заставило его задержаться.

— Это не ваше дело, — парировал Дэйл.

Он знал, что глаза его красные и распухшие, но это его больше не заботило. Практически, он даже чувствовал какое-то мрачное удовольствие наблюдать, каким может быть жалким.

— Все происходящее на борту этого корабля является частью моего дела, — сказал Флеминг. — Но прежде, чем ты уйдешь, давай ляжем и обсудим кое-что.

Он раскрыл пару коек и жестом указал Дэйлу на одну, а сам занял вторую. Дэйл сел лицом к стене и спрятал в ладонях лицо.

— Сначала позволь мне сказать, что я считаю поступок Коллинза непростительным, — начал Флеминг. — Ты можешь быть уверенным, что он получит должное наказание.

— С маленькой поправкой! — закричал Дэйл. — Я сам накажу его!

— Нет, не ты.

— Вы думаете, я не смогу этого сделать?

— Этого я не сказал. Я лишь сообщил, что на борту этого корабля не будет никакой ссоры.

— Наверное, капитан Таггерт был бы потрясен, — сухо заметил Дэйл.

— У капитана Таггерта свои недостатки, — признал Флеминг. — Он опрометчив, импульсивен и склонен позволять себе много чего. Но в космосе все это делает из него хорошего капитана. Во всяком случае, к делу это не относится. Я сказал, что не допущу ссоры.

Дэйл почувствовал, что не может больше сдерживать рыдания.

— Но я не могу просто стерпеть это, — всхлипнул он. — Если бы вы знали, что я чувствую...

— Я хорошо знаю, что ты чувствуешь, — доброжелательным тоном сказал Флеминг. — Ты что, думаешь, ты единственный на этом корабле, которому задела чувства?

— Понятия не имею.

Лежащий неподвижно Флеминг, поскольку была невесомость, стал медленно подниматься вверх, но тут же закрепил ремешок вокруг своей талии.

— Что бы ни происходило вокруг, в этом мире есть одна вещь, которая никогда не меняется. Это человеческая натура, — сказал он, снова удобно расположившись на койке. — Когда затронуты их чувства, нынешние люди ничем не отличаются от тех, кто жил века назад. Их всегда больше всего интересуют они сами. Прежде, до того, как начались космические полеты, они жили совершенно иной жизнью. Я помню, как дедушка рассказывал мне об этом. Слушай его, можно было подумать, что весь мир и все люди, живущие в нем, скоро совершенно изменятся. Но это всего лишь показывает, как неправы могут быть люди. — Он задумчиво хмыкнул. — Тогда все верили, что когда мы станем завоевывать космос, все станет гораздо лучше и замечательнее. Они наполняли воздух такими прекрасными фразами, как «открытие Новой Эры Человечества» и «Самое большое приключение за всю историю человека». Во многом они были правы. Это действительно было замечательно. Но факт остается фактом, что большинство людей в мире прежде всего интересуют их собственные, мелкие, обыденные жизни.

— Я не уверен в этом, — возразил Дэйл.

— Взгляни на себя минуту назад. Ты был готов поставить всех в затруднительное положение лишь потому, что задела твои чувства. Твои чувства были тебе дороже, чем все планеты, звезды и туманности в Галактике.

— А вы не думаете, что у меня есть гордость? — воскликнул Дэйл. — Что бы вы почувствовали, если бы кто-то вытер о вашу рубашку свои грязные руки?

— Я был бы ранен, — согласился Флеминг. — Но ты не подумал, что Коллинз и хотел тебя ранить. И ты решил вести себя так, как он бы и хотел.

— Все верно... Но что мне делать?

Флеминг минуту молча глядел на него.

— Знаешь ли, я, вероятно, твой единственный друг на этом корабле.

— А я и не знал, что кому-либо нравлюсь, — с горечью отозвался Дэйл.

— Думаю, мне ты нравишься потому, что ты так не похож на меня, — задумчиво продолжал Флеминг, он явно колебался, вероятно, решая, стоит ли продолжать. — Я неудачник. Я никогда не добивался успеха. Всякий раз, как мне выпадал такой шанс, я всегда отступал. Во мне никогда не было уверенности. Я до смерти боялся, что не смогу чему-нибудь соответствовать. Ну и, конечно же, я никогда не соответствовал. И посмотри на меня нынешнего. Я совладелец захудалой фирмы космических перевозок.

— Мне очень жаль, — пробурчал Дэйл.

— Но *ты* — совершенно иное дело. Во всяком случае, в тебе слишком много уверенности. Ты собран и полон решимости добиваться успеха во всем. А людям это не нравится. Поэтому Коллинз так зло подшутил над тобой. Он хотел спустить тебя вниз с высот.

— Он просто сделал из меня дурака!

— Могу держать пари, когда-нибудь ты еще поблаговаришь Коллинза за это.

— Поблагодарю его?!

— А ты разве не знаешь, что все друзья всегда наполовину враги? Человеку время от времени нужен друг, который будет прикрывать ему спину. Но люди, которые больше всего помогают вам, частенько заставляют вас скрежетать зубами, и тогда вы сражаетесь вдвое сильнее, чтобы преодолеть это чувство.

— Но знание, что люди думают обо мне, не облегчает общения с ними.

— Да что тебя так заботит, что о тебе думают другие? Важно лишь то, что думаешь о себе ты сам.

Дэйл стиснул руками голову.

— Я совсем запутался. Не знаю, что и думать.

Флеминг собрался что-то ответить, но его прервал звонок, прозвучавший из динамика над пультом управления.

— Похоже, что-то случилось, — пробормотал он, расстегнул ремешок и точным движением отправил себя по воздуху к навигаторскому трассировщику. — Вот интересно... Нет, этого не может быть!

— Что-то не так? — спросил Дэйл, тут же оказавшись возле него.

— Кажется, мы прилетели. Давай-ка поднимемся в астро-лабораторию и узнаем.

Но прежде чем они успели двинуться, снизу поднялся капитан Таггерт. Мощным взмахом руки он отправил себя на середину помещения.

— Что происходит? — спросил он. — Мы промахнулись по цели на десять тысяч миль. Так что теперь придется возвращаться обратно по курсу.

— Вы хотите сказать, что мы достигли точки встречи? — спросил Флеминг.

— Достигли бы, если бы курс был правильный.

— Это моя вина, — сказал Дэйл. — Я не наблюдал за курсом, хотя был должен.

Таггерт бросил взгляд на полосы на рубашке Дэйла, глаза его насмешливо блеснули, но он ничего не сказал, а просто кивнул Дэйлу.

— Обратный курс. Поставьте корабль на автопилот. А затем пройдите в астро-лабораторию.

Флеминг последовал за Таггертом к лестнице, а Дэйл ринулся к пульту и стал нажимать кнопки. По кораблю пробежала едва заметная вибрация, когда включились двигатели. Дэйл машинально ухватился рукой за пульт. Впервые за последний месяц они вышли из невесомости и обрели обычный вес. Дэйл не спускал глаз с прибора в центре пульта, отмечающем секунды. Когда стрелка достигла нуля, он передвинул рычажок, переключающий корабль в автоматический режим, и поспешил к лестнице, ведущей в астро-купол. Таггерт и Флеминг взволнованно смотрели в один из иллюминаторов. На фоне Плеяд там парили два странных объекта, которые не имели никакого права здесь находиться. Они походили на больших жуков, ползущих по черной мантии неба.

— Ну, ладно, это «Равноденствие» и «Перигелий», — сказал Флеминг, настраивая свой полевой бинокль.

— Ну, теперь мы хоть что-то узнаем, — проворчал Таггерт и повернулся к радиооператору. — Связь установлена?

— Еще нет. Сейчас... они подойдут поближе...

Сердце Дэйла забилося сильнее. Наконец-то начинается настоящее приключение. У него было сильное убеждение, что их собираются послать с каким-то заданием в отдаленную область космоса. Зачем бы иначе для этого выбрали именно *его*? Вот только почему командование ничего ему не сказало?

Дэйл глянул на полосы грязи на рубашке и рассмеялся. Это происшествие уже казалось таким давним и незначительным...

Глава 5. Аномалия

Макаллистер наморщил лоб, хмуро глядя на желтый лист бумаги в руке.

— Наслышан я о всяких мерах безопасности, но это уж совершенно выходит за грань! Здесь говорится, что одно слово мы по-

лучим от «Равноденствия», другое – от «Перигелия». У нас самих есть еще одно слово. Мы должны составить из этих трех слов предложение. Затем мы летим дальше и ставим базу, как было ведено.

– И какое же наше слово? – спросил Флеминг.

– Наше слово «за» – произнес Макаллистер.

– Большая от этого помощь, – проворчал Таггерт. – А как насчет тех материалов, что передало нам правительство?

– Они в стальном сейфе, у которого замок с таймером, – ответил Флеминг. – Мы пока что не можем получить их

Макаллистер взмахнул рукой, требуя тишины.

– Здесь внизу есть и еще кое-какие инструкции. Здесь говорится, что мы должны оставаться на этом месте от 00:00 до 12:00 часов и вести пристальное наблюдение. – Он взглянул на часы телефрона. – Сейчас почти 00:00 часов.

Таггерт ткнул большим пальцем в сторону Дэйла.

– Саттон, оставайтесь в астро-куполе и ведите пристальное наблюдение, что бы ни случилось.

Инстинкты Дэйла чуть было не взбунтовались от насмешливого взгляда капитана, но спокойному взгляду Флеминга удалось уговорить его.

– Есть, – бодро ответил Дэйл и поднялся по лесенке в прозрачный обтекатель.

Там он первым делом бросил взгляд вокруг. Солнце было ослепительно ярким в окружении зодиакального света. Планеты рассыпались по небу ниткой драгоценностей. Венера казалась белой жемчужиной... Марс – рубином... Юпитер – большим желтым алмазом... Сатурн – тусклым топазом... Двойная система Земля-Луна выбивалась из этой нитки и висела в стороне. Возможно, сапфир и еще один топаз.

Снизу началась суматоха.

– Получено второе слово от «Перигелия», – сообщил радиооператор. – Вот оно – *следуйте*.

– *Следуйте* за чем-то, – пробормотал Макаллистер. – Ну, и что вы думаете?

– Подождем, пока не получим слово от «Равноденствия», – подал плечами Таггерт.

Дэйл смотрел на них сверху, с высоты астро-купола, видел их лица, казавшиеся бледными в люминесцентном освещении.

– Получено третье слово от «Равноденствия». – сказал оператор, написал что-то на листке и передал листок Макаллистеру.

– Аномалия, – пробормотал Макаллистер. – Следуйте за Аномалией.

— Ну и что за дела? — с глубоким отвращением спросил Таггерт. — Я все еще не вижу никакого смысла.

— Аномалия, — повторил Флеминг. — Звучит как название какого-то корабля.

— Никогда не слышал о таком, — пожал плечами Таггерт.

— Я тоже, — сказал Макаллистер, — но я знаю, кто мог бы слышать. — Он включил внутреннюю связь. — Эй, Чак, ты у нас все знаешь. Ты слышал когда-нибудь о корабле, названном «Аномалией»?

— Не припомню, — послышалось в ответ. — Минутку... Кажется, был такой корабль. Старый корабль. Я хочу сказать, по-настоящему старый.

— Ну, так иди сюда и расскажи нам, что знаешь о нем.

Буквально через несколько секунд Чак вошел в помещение под астро-куполом в сопровождении нескольких членов команды. Чак производил впечатление скрытой силы, приличествующей его неофициальному статусу оракула.

— Была когда-то легенда о корабле под названием «Аномалия». Насколько я помню, это был корабль-призрак. Он летал где-то далеко в космосе. Никто точно не знает, что с ним случилось. Вся команда исчезла, а корабль продолжал плыть по черным волнам космоса. Его встречали лишь те, кто направлялся на юг от эклиптики.

Макаллистер, прищурившись, поглядел на него.

— Мы сейчас как раз к югу от эклиптики.

— Да, — кивнул Таггерт, наклонившись к компьютеру расчета траектории. — Как раз сейчас мы получили Z-координату половины астрономической единицы.

Наступила неловкая тишина.

— Следуйте за «Аномалией», — фыркнул Таггерт. — Я все еще ничего не пойму.

— Понял! — вдруг закричал Макаллистер. — Я все понял! На самом деле, все просто.

— Вот как? — захохотал Таггерт на все штурманскую. — Ну, и каков тогда ответ?

— Понять не могу, почему я так долго не мог догадаться, — помогал головой Макаллистер.

— Каков ответ? — прогрохотал Таггерт.

— Послушайте, — с явным наслаждением сказал Макаллистер. — Нам велели прибыть в определенную точку пространства и повисеть тут какое-то время. Ну, и для чего бы нам это делать? Да просто потому, что мы должны были встретить здесь что-то. А что это за «что-то»? Вы можете сказать, что это может вовсе и не быть

корабль-призрак «Аномалия». Но я бы не удивился, если бы это был именно он.

— Кажется, теперь и я начинаю понимать, — медленно проговорил Флеминг. — Вы имеете в виду, что мы висим в той точке пространства, которая находится на орбите «Аномалии»? И кем-то рассчитано, что «Аномалия» очень скоро пройдет эту точку. А когда это действительно случится...

— Мы последуем за ней, — решительно кивнул Макаллистер. — Мы полетим за «Аномалией», куда бы она там ни направлялась.

— Что-то не нравится мне идея преследовать корабль-призрак, — хрипло сказал Таггерт.

Среди членов команды послышался ропот. Дэйл знал, что космонавты всегда суеверны, но впервые воочию увидел доказательства этого. Его поразило, что человек, который мог проявлять бесстрашие при встрече с реальной опасностью, испугается встречи с чем-то незримым.

Таггерт стоял посреди комнаты, с отвращением глядя на них.

— Кто-то в Центре, по-моему, перетрудился. Наверное, от нечего делать они целыми днями сидят там и строят безумные планы. Кто-то услышал об этой «Аномалии». Появилась идея разобраться с ней. И быстренько был разработан план, прежде чем кто-либо, с мозгами в голове, сумел все это остановить.

— Звучит разумно, — кивнул Чак.

— Вы это о чем? — спросил Макаллистер. — Вы уже получили по десять тысяч на нос только за то, что прилетели в такую даль. Согласно контракту с правительством, мы вышли в заданную точку, и теперь только и осталось, что повисеть здесь двенадцать часов, после чего мы получим еще по десять тысяч.

— А что, если корабль-призрак все же появится? — возразил кто-то.

— Ну и прекрасно, — радостно ответил Макаллистер. — Тогда мы последуем за ним. Вы все получите по двойному окладу за каждый час, проведенный за орбитой Марса, и по тройному за орбитой Юпитера. Можно ли сделать деньги быстрее и легче этих?

Дэйл практически мог услышать, как в головах у всех присутствующих закрутились колесики, подсчитывающие, сколько они получают. И результат всех воодушевил. Человек мог заработать в одном этом рейсе столько, что будет жить в комфорте всю оставшуюся жизнь.

— Интересно, кто придумал назвать этот корабль «Аномалией»? — пробормотал Чак. — Одно это имечко навлекло на него беду.

— Вероятно, имелся в виду астрономический термин, — заметил Флеминг.*

Таггерт громко заржал.

— Держу пари, мы никогда не увидим ни кусочка этой «Аномалии», — заявил он. — Не думаю, что существует такой корабль. Не думаю, что он вообще когда-либо существовал. Вы никогда не видели его. Я его не видел. И я не знаю никого, кто видел бы его. Это просто очередная выдумка.

Несмотря на то, что некоторые отнеслись к словам капитана скептически, никто не рискнул не согласиться. Потом трое партнеров отошли к койкам, укрепленным вдоль стен, на совещание, которое провели шепотом. После обсуждения Таггерт вышел на середину и поднял руку, требуя тишины.

— Мы останемся здесь на двенадцать часов, согласно условиям нашего контракта. По завершении этого времени, если ничего не произойдет, мы полетим в сторону Марса, а затем вернемся на Землю. Если же этот «Летучий голландец» или какая-то орбитальная аномалия, или что там обнаружится, то мы последуем за ней согласно контракту. А теперь все по своим местам!

Люди медленно разошлись по кораблю, а Дэйв остался в астро-куполе. На Земле он, скорее всего, предпочел бы остаться один, поскольку часто избегал чей-либо компании, но в космосе все было иначе. На Земле звезды подмигивали по-дружески, они казались живыми и не дальше, чем горизонт. Но в космосе звезды были твердыми точками света, такого же холодного и безжизненного, как ледяные кристаллы.

Внезапно Дэйл осознал ужасную необъятность пространства, темного небытия, распростершегося бесконечно во все стороны. Какие там спрятаны тайны, о которых даже не подозревал человек? Чуждые звезды. Чуждые условия и планеты, населенные организмами, о природе которых нельзя было даже предположить. Дэйл быстро огляделся, чтобы убедиться, что никакое злое создание не наблюдает за ним исподтишка, но единственными телами в поле зрения были «Перигелий» и «Равноденствие» за несколько миль отсюда. Они висели на местах, определенных инструкциями, и были почти неподвижны, не считая слабого движения в сторону Солнца. Но это легко могло быть скорректировано маневровыми двигателями.

* Аномалия (в небесной механике) — угол, используемый для описания движения тела по эллиптической орбите (прим. автора)

Вскоре Дэйлу все решительно надоело. Он уже почти желал, чтобы в поле зрения появился призрачный корабль, только чтобы нарушить монотонность ожидания. В первые годы космонавтики было написано много страшненьких историй о воздействии космоса на людей, но истина заключалась в том, что большинству космонавтов приходится вести слишком скучную жизнь, проводя долгие часы за чтением детективов или пособий, как развивать свою личность.

Дэйл плавал в воздухе по астро-куполу, чтобы прогнать сон, когда его внимание привлёк объект на три градуса от Регулюса, которого не было еще несколько минут назад.

Объект не был похож на звезду, скорее, он производил впечатление диска, как планета или комета. Дэйл определил его положение относительно нескольких ближайших звезд, затем минуту пристально наблюдал за ним. Сомнений не оставалось. Объект перемещался, причем очень быстро.

Дэйл подплыл к шестидюймовому телескопу в центре купола, развернул его в сторону Регулюса и начал медленно перемещать относительно звезд. Дважды он мельком увидел некое тело специфической формы, но оно мелькало слишком быстро, чтобы его можно было удержать в объективе. Дэйл сменил объектив на менее мощный. Да, стало лучше. В поле зрения появился космический корабль, построенный примерно столетие назад. Корпус его был пробит и вдавлен во многих местах несметным числом метеоритов, а от помещений экипажа остался лишь каркас, через который были видны внутренности корабля. На освещенном солнцем боку была какая-то надпись. Дэйл подкрутил винт настройки.

Буквы потускнели, но еще можно было прочесть название «Аномалия».

Тогда Дэйл сделал то, что выпадало сделать мало кому из космонавтов за всю их карьеру. Он нажал несколько кнопок на стенной панели. Тут же по всему кораблю зазвенели звонки и замигали красные лампочки. Эти кнопки включали общую тревогу, которая используется лишь в экстренных случаях. Никто никогда не нажимал их, кроме как в чрезвычайных обстоятельствах. Любому, кто сделал бы такое смеха ради, могли надавать по мозгам.

Таггерт ворвался в астро-купол так стремительно, словно у него сзади был личный реактивный двигатель.

— Зачем ты нажал аварийные кнопки? — завопил он.

— Просто я увидел Аномалию», — ответил Дэйл.

— Да ты спятил!

– Убедитесь сами, – сказал Дэйл и отплыл от телескопа, уступая капитану место.

Таггерт бросил лишь взгляд, а через секунду он уже кричал по внутренней связи, отдавая команды. Корабль задрожал, когда заработали его двигатели. Ускорение начало стремительно нарастать. Дэйла прижало к полу. Его руки и ноги, казалось, налились свинцом. Приходилось бороться за каждый вдох. Огромным усилием он поднял голову, чтобы взглянуть на приборную панель. Стрелка акселерометра дрожала где-то между 8-ю и 9-ю «же», и продолжала двигаться дальше. Значит, он весит почти полтонны! Вскоре настало время, когда Дэйл почувствовал, что больше не выдержит ни секунды, и в этот момент тяжесть, сокрушающая ему грудь, начала уменьшаться. Через несколько минут они снова летели по инерции.

Дэйл с трудом поднялся на ноги. Он чувствовал себя ошеломленным, все мышцы болели, словно его жестоко избили на ринге.

Таггерт искоса глянул на него с другого конца помещения.

– Не шибко-то хорошо ты выглядишь, – прокомментировал он.

Дэйл осторожно поворачивал головой. Мышцы шеи болели так, что он с трудом мог сделать это простое движение.

– Слишком сильное было ускорение, – пробормотал он.

– И ты называешь *это* ускорением?

– Было же почти десять «же»!

– Только в течение нескольких секунд.

Дэйл с негодованием повернулся к нему.

– По инструкциям запрещено ускорение больше девяти «же». Вас можно за это лишить лицензии.

– Вот как? – рявкнул Таггерт и приблизил лицо почти вплотную к Дэйлу. – Ты обнаружишь в космосе еще много чего, что делается не по инструкциям. Кроме того, я ни от кого не хочу слышать о них.

Дэйл хотел было ответить, но тут волна тошноты подкатила к горлу, заставив его для поддержки схватиться за стойку телескопа. Вокруг стало темнеть, и в один ужасный момент Дэйл думал, что сейчас грохнется в обморок. Но тут тошнота прошла, оставив его тяжело дышащим и трясущимся.

Таггерт связался с каким-то членом команды.

– Тут кое-кто не может выдержать ускорение, – сказал он. – Помоги ему спуститься вниз, пусть полежит, пока не придет в себя.

– Я в порядке, – тяжело дыша, сказал Дэйл.

Таггерт с сомнением поглядел на него.

– Ты в этом уверен? – любезно спросил он.

– Я же сказал, что в порядке.

В голове у него мучительно пульсировала боль, но силы быстро возвращались, и Дэйл уже мог ясно мыслить.

— Тогда принимайся за работу и определи, куда мы летим, — сказал ему Таггерт.

Он смотрел в иллюминатор на искореженный метеоритами корпус «Аномалии», мерцающий белым среди звезд.

— Мы летим свободно по орбите? — спросил Дэйл.

— Да должны бы уже.

— Тогда не займет много времени приблизительно рассчитать наш курс. Я только должен определить наше местоположение и скорость.

Дэйл чувствовал, как глаза экипажа следят с нарастающим интересом за каждым его движением, когда он проделал все нужное для предварительного вычисления орбиты. Взгляды стали еще напряженнее, когда он стал скормливать данные вычислительной машине. Выяснилось, что они следовали курсом, проходящим далеко от обычных коммерческих маршрутов, и это приведет их в те области космоса, куда немногие до них рискнули сунуться.

Охваченный волнением, Дэйл смотрел на числа, медленно проплывающие по экрану вычислителя. Эта машина выполняла работу десятка человек, и теперь ее труд приближался к завершению. Числа ползли все медленнее и медленнее. Затем зажегся зеленый огонек, неуверенно моргнул и ярко вспыхнул. Задача была решена.

Дэйл распечатал ряд данных на листок и повернулся к капитану. Таггерт нетерпеливо склонился у него через плечо.

— Ну, и каков ответ?

Дэйл обвел карандашом одно из чисел.

— Разумеется, вычисление по такому короткому отрезку орбиты не могут быть совершенно точными, но все же орбита определена.

— Ну, и какие ты сделаешь выводы?

— Большая полуось простирается на десять астрономических единиц.

— Десять астрономических единиц!

— Похоже, мы направляемся прямо к Сатурну!

Глава 6. К Сатурну

— К Сатурну! — лицо Таггерта еще больше помрачнело. — Почему они не сказали нам сразу?

— Вероятно, понимали, что мы никогда не согласились бы лететь туда, — нервно хихикнул Макаллистер. — Неудивительно, что они предложили нам такие деньги.

— Приманка для молокососов! — фыркнул Таггерт.

— Да, но вы же клюнули на нее. Так же, как я и Флеминг. За последние годы у нас не было ничего подобного.

— Мы были вынуждены согласиться, — торжественно заявил Флеминг. — Мы ведь были на нуле. Либо мы согласились бы, либо обанкротились.

— Вспомните наш девиз, — снова засмеялся Макаллистер. — Мы летим куда угодно!

— Но это же не значит, что на Сатурн, — проворчал Таггерт.

Дэйла не удивляла их тревога после того, как было определено место назначения. Сатурн был самой дальней заставой завоеванного человеком пространства. Плутон являлся такой же тайной, как и в момент открытия. Уран и Нептун были темными пятнами в темных местах, куда еще не ступала нога человека. Вряд ли больше можно было сказать про Сатурн. Все знали историю бесстрашного капитана Дирборна, который совершил первую и последнюю экспедицию на окольцованную планету столетие назад. Очевидно, главную базу он разместил на Титане, самом большом спутнике Сатурна, а оттуда попытался продвинуться ближе к планете, основав временные базы на Рее и Дионе. Но на этом сообщения от него прекратились. Походило на то, что какая-то гигантская катастрофа бесследно уничтожила весь его экипаж. Ходили слухи о том, что корабли, летающие за пределы орбиты Юпитера, принимали какие-то сообщения от злополучной экспедиции, но это были лишь слухи. Если такие сообщения действительно существовали, Космический Отдел Безопасности по каким-то причинам, известным лишь им самим, запретил разглашать их. Поэтому за столетие появились легенды о том, что Сатурн — это мир, которого следовало избегать, как черт ладана, что это *ultima Thule** или последний рубеж, населенный призраками и злыми духами.

Дэйл с детства слышался подобных историй о Сатурне. По его мнению, все это было полное фуфло. Он дождался, пока трое начальников закончат свою беседу, затем подошел к ним.

— Могу я сделать предложение? — спросил он.

— Ну, что там еще у тебя? — спросил Флеминг.

— Если мы направляемся на Сатурн, то я не вижу смысла тащиться за «Аномалией». Корабль просто летит по орбите, как астероид, а потом еще более снизит скорость, когда достигнет афелия. Израсходовав немного топлива, мы можем добраться до планеты на несколько месяцев раньше этой старой развалюхи.

* Ultima Thule (лат.) — «очень далеко», «край света» или «крайний предел» (прим. перев.)

Макаллистер склонил голову на бок.

— Неплохая идея. Чем быстрее окажемся там, тем быстрее закончим.

Флеминг согласно кивнул.

— Есть что-нибудь в нашем контракте, препятствующее этому?

— Да нет, — сказал Макаллистер. — Не думаю, что там есть об этом хоть слово.

Все обратили вопрошающие взгляды на Таггрета, который уныло глядел на противоположную стену. Затем он резко поднялся и шагнул к Дэйлу.

— Собери сюда всех, Саттон. Скажи, что я хочу сделать объявление.

Дэйл передал его распоряжение по внутренней связи. Через несколько минут весь экипаж набился в навигаторскую, с надеждой глядя на капитана. Таггерт ждал, пока соберутся все. Затем откашлялся, несколько раз сглотнул, прежде чем начал говорить.

— Ну, вот, мы, наконец, узнали, куда направляемся. Вам придется поверить мне на слово, когда я скажу, что мы взялись за эту работу, не узнав предварительно, в чем она заключается. Думаю, все вы знаете, что наши дела в последнее время шли не очень-то хорошо. Поэтому, когда правительство предложило нам этот контракт на очень выгодных условиях, мы были не в том положении, чтобы торговаться.

— Практически, вы можете сказать, что мы обеими руками ухватились за него, — добавил Макаллистер.

Несколько человек улыбнулись, но большинство стояли с серьезными лицами, не сводя глаз с капитана.

— Мы летим на Сатурн, — Таггерт сделал паузу, ожидая, пока смысл его слов дойдет до всех. — Вы все знаете, что это значит. По правде говоря, мне это и самому не нравится, но теперь, когда мы пролетели уже столько, я намереваюсь идти до конца. Если кто-либо из вас не хочет лететь, скажите об этом сейчас или навсегда закройте рот. Вы можете вернуться на Марс, получив полную плату по настоящий момент. Но я вас предупреждаю, что через минуту мы полетим к Сатурну на максимальной скорости.

Никто не шелохнулся, никто ничего не сказал.

— Ну, так каков ответ? — рявкнул Таггерт.

В дальнем конце рубки возникло движение.

— Я хотел бы задать вопрос, — послышался сдавленный голос.

— Так выйди вперед и спроси, — огрызнулся Таггерт.

— Я правильно понял, что это правительственная экспедиция?

— Экспедиция, поддержанная правительством, — поправил его Таггерт.

— Ходят всякие слухи о том, что у правительства есть какая-то важная секретная информация о Сатурне. Я имею в виду, о первой экспедиции и так далее. Вы знаете что-либо об этом?

— Что касается меня, то я знаю не больше вашего, — ответил Таггерт.

Флеминг шагнул вперед.

— Это правда, что правительство передало нам определенные документы, которые могут иметь отношение к Сатурну. Они находятся в сейфе, защищенном замком с таймером, поэтому я не знаю, что в них. Как раз через несколько минут замок откроется. Возможно, мы узнаем больше, когда просмотрим эти бумаги.

Снова наступила тишина. Люди переминались с ноги на ногу и перешептывались.

— Еще никто не возвращался с Сатурна, — пробормотал кто-то. — Что там происходит с людьми, хотел бы я знать...

— А, все знают, что там призраки.

— Лично я не знаю, что произошло там с ними, — сказал Таггерт, — и меня это не волнует. Меня также не волнует, призраки там или что еще.

— Могу поспорить, ты уже сейчас боишься до смерти, — раздался тот же голос.

— Кто это сказал? — рявкнул Таггерт, но его слова утонули в раскатах смеха.

Он стоял, сложив руки на груди и впившись взглядом в экипаж.

— Хорошо, пусть будут призраки, — проворчал он, когда смех утих. — На Земле о многих местах ходили слухи, что там обитают призраки, но что-то я так никого и не увидел. Повторяю вопрос: кто согласен лететь к Сатурну? Все, кто хочет лететь, перейдите на эту сторону комнаты и встаньте рядом со мной, Флемингом и Макаллистером.

Дэйл подошел к Флемингу.

— Я лечу, — спокойно сказал он.

— Наш герой, — раздался чей-то шепоток.

— Дайте нам время все обсудить, — сказал Чак.

— Даю вам ровно пять минут, — сказал в ответ Таггерт.

Экипаж принялся перешептываться, в то время как Таггерт бесстрастно глядел на часы. Макаллистер занялся изучением правительственного контракта.

— Я бы хотел, чтобы ты помог мне с правительственными документами, когда откроется сейф, — сказал Флеминг Дэйлу. — Судя по весу сейфа, там должна быть груда бумаг. Вероятно, фотостатические копии всего, что известно об экспедиции Дирборна.

— Я был бы рад, — кивнул Дэйл.

— Прекрасно. Мы просмотрим их, как только откроется сейф.

— Время, — объявил Таггерт. — Ну и... каков вердикт?

Люди снова наполнили помещение во главе с Чаком. Несмотря на маленький рост, повар без страха глядел в лицо мускулистого капитана.

— Как мы поняли, мы получаем двойной оклад за пределами Марса и тройной за Юпитером. Верно?

— Верно, — ответил Таггерт.

— А что будет, когда мы доберемся до Сатурна? Там мы должны получить добавочную плату.

— Обращайтесь с этим к Макаллистеру, — сказал Таггерт.

— Что сказано о Сатурне в вашем контракте?

Макаллистер провел пальцем по листу, который изучал.

— Вы получаете по сотне дополнительных кредитов за каждый день, проведенный на Сатурне или любых его спутниках. Так написано мелким шрифтом внизу страницы номер три.

— Ну, в таком случае, я думаю, мы все летим, — сказал Чак.

Как только решение было принято, Дэйл не мог не восхититься быстротой и эффективностью, с которой люди принялись за работу. Они не выполняли приказы точно, как обучали его в Академии, но, тем не менее, все делали правильно. Дэйл же не мог подавить невольную дрожь, когда корабль снова полетел с ускорением прямо к Сатурну. Через несколько минут «Аномалия» превратилась в серую таблетку, едва различимую среди звезд. Сам Сатурн был еще всего лишь желтой звездой, чуть более яркой, чем наблюдался с Земли. Теперь Дэйл понял, что чувствовали древние моряки, когда, не обращая внимания на богов, проводили под парусами свои скорлупки за Геркулесовы Столбы. Теперь с высоты прошедших тысячелетий, их страхи оказаться на краю света или быть сожранными слизкими монстрами казались детскими, но лишь до тех пор, пока вы сами не оказывались в подобной ситуации.

— Так как насчет того, чтобы просмотреть бумаги? — позвал его Флеминг.

— Всегда готов, — отозвался Дэйл, внося окончательную поправку курса в автопилот.

Дэйл последовал за Флемингом на самый нижний уровень машинного отделения, где находился главный распределительный электроцит и стояли шкафы. Флеминг открыл один из шкафов и достал большой алюминиевый ящик с железными магнитными полосами с боков и на днище. Он поставил ящик на металлический круг в центре помещения и жестом велел Дэйлу сесть. На верхней

крышке ящика был циферблат с тремя рядами цифр, указывающих дни, часы и минуты. Флеминг сравнил их время с хронометром, висевшим на стене.

— Если я правильно высчитал, эта штука должна вот-вот открыться, — пробормотал он.

Дэйл с нетерпением глядел на минутную стрелку. Хотя он много чего прочитал о капитане Мартине Дирборне, тот все равно больше походил на какую-то мифическую фигуру, такую, как король Артур или Робин Гуд, чем на живого человека из плоти и крови. Несмотря на то, что Дирборн жил в период расцвета рекламы, он как-то ухитрился остаться отчужденной, неясной фигурой, личностью, приключения которой были известны миллионам людей, но в лицо которого могут узнать лишь самые близкие. Что-то было не так со всеми фотографиями Дирборна, которые видел Дэйл. Если его лицо не отворачивалось от камеры или не оказывалось в тени, то фото было нерезким или с дефектами. Некоторые говорили, что это делалось специально, чтобы усилить тайну, окружающую его. Другие утверждали, что это происходило из-за особого внимания к нему небес. Но независимо от причин, фактом являлось то, что Дэйл не смог бы узнать этого человека, если бы вдруг повстречался с ним на улице.

Из ящика вдруг раздалось какое-то жужжание, потом металлический щелчок. Флеминг осторожно коснулся кнопки на боку ящика. Крышка резко открылась, показывая внутренности металлического сейфа, наполненного какими-то документами, письмами и радио-сообщениями. Дэйл глядел на них, как зачарованный — точно голодающий перед банкетным столом.

— Давай, мельком просмотрим их, — сказал Флеминг, разделив бумаги примерно на две стопки, — и я посмотрю, что можно со всем этим сделать.

Многие документы оказались второстепенными, состоящими, в основном, из записей, подобных тем, что делались в любой долгой экспедиции в космосе. Но все же, даже мельком проглядывая их, Дэйл не мог не поражаться храбрости человека, который осмелился пуститься в такой полет в примитивных условиях столетней давности. Он улыбнулся при виде любопытных старых рисунков скафандров с многочисленными проводами и гофрированными трубками, из-за которых человек напоминал армадилла. Постепенно из массы документов в голове Дэйла начал складываться образ Дирборна, который был странным сочетанием ученого и промоутера крупного бизнеса и толикой мистика. Снова и снова проект терпел бы крах, если бы не гений Дирборна в организационных вопросах и интуи-

тивным пониманием науки. Прежде всего, у него была редкая способность передавать свой энтузиазм другим. Пока Дэйл читал, его собственный энтузиазм рос с каждой страницей. Он забыл, что эти люди давно уже умерли. Они жили и страдали вместе с ним сейчас, преодолевая препятствие за препятствием.

Возможно, самой замечательной составляющей полета к Сатурну и посадке на Титане было полное отсутствие каких-либо инцидентов. Все шло точно по плану. Один тот факт, что Дирборн сумел достигнуть Сатурна с первой попытки, был настолько значителен сам по себе, что мог бы вписать его имя в летопись развития межпланетных исследований. Все же перелет на расстояние более миллиарда километров был завершен лишь с пятидневным опозданием и без всяких потерь.

Последний документ состоял из личных записей Дирборна о жизни на базе Титана. Дэйл прочитал его, затаив дыхание. Личность этого человека была буквально отпечатана на каждой странице документа. Чем дальше он читал, тем сильнее убеждался, что, так или иначе, Дирборн должен был выжить. Казалось невероятным, что человек с таким пылким желанием жить мог исчезнуть из мира, как любой простой смертный. И одна мысль пришла в голову Дэйлу, которую тот отбросил, как совершенно абсурдную. Дирборну было приблизительно сорок лет, когда он вел эти записи, а значит, сегодня ему должно было быть где-то сто тридцать девять. Дэйл слышал о людях, доживших до такого возраста, но таких было очень мало, особенно если они вели такую тяжелую жизнь, как существование на пустой базе на Титане.

Первые дни на Титане были наполнены опасностями и трудностями, но все это, в основном, ожидалось заранее. Поэтому, в целом, маленькая колония сильно не пострадала.

«Не знаю, как бы мы справились без Джорджа Биба, — писал Дирборн. — Он умеет все, от выпекания блинов до построения стены. Он повсюду. Я понятия не имею, когда он вообще спит».

И снова:

«...калориферы вырубались почти на двадцать минут, но мы успели починить их, прежде чем температура опустилась ниже минуса тридцати. Несколько женщин заболело, но большинство держалось вполне прилично. Если нам будет сопутствовать удача, то подземное помещение должно быть закончено через день-другой. Там нам будет гораздо уютнее».

Если и были трудности в жизни на планете, где никогда не жил человек, то были и некоторые преимущества. Несмотря на тяжелые условия существования, колонисты ничем не болели.

«Планета явно совершенно безжизненна и свободна от патогенных организмов, даже более, чем инструменты, которые мы используем в операционной. Если мы останемся здесь на годы, то потеряем иммунитет к болезням. Наверное, в следующий раз нам придется взять с собой штаммы вирусов, чтобы не пасть их жертвой после возвращения к цивилизации».

Следующие несколько записей были ликующими.

«Мы продвигаемся куда лучше, чем даже по самым оптимистическим прогнозам. Самое главное, что у всех прекрасное настроение. После ужина мы собираемся в гостиной, поем и даже танцуем. Замечательный у нас подобрался народ. До сих пор не случилось ни одной ссоры, достойной упоминания. Нужно поблагодарить доктора Рейбера за прекрасный подбор людей в экспедицию...»

А затем случилось несчастье – исчез первый человек!

– Биби исчез с поверхности Титана так неожиданно, словно улетел со скоростью света. После самых тщательных поисков нам не удалось обнаружить ни единого следа. Его исчезновение угнетающе подействовало на всех нас. Нет больше обычного смеха, шуток и песен после ужина. В гостиной непривычно тихо. Все жмутся друг к другу, словно боятся, что соседи тоже могут исчезнуть. Биби очень не хватает. Будем надеяться, что он все же сумеет вернуться завтра днем».

Потом в дневнике пошли записи постоянно проигранных сражений с неизвестным. Люди исчезали сначала один за другим, затем парами и тройками. Некоторые старались отважно продолжать работу, но были бессильны вывести остальных из состояния оцепеневшего ужаса. В конечном счете, никто больше не мог работать и думать, все только жались друг к другу и рассуждали на тему, кто же исчезнет следующим.

Дирборн, как и остальные, сначала был склонен подозревать кого-то среди членов экспедиции, но по мере продолжения исчезновений становилось ясно, что все стали жертвами каких-то внешних сил. Однако, Дирборн, в отличие от других, никогда не поддавался гневу или отчаянию. Скорее, было пробуждено его научное любопытство.

«Причина есть всему. Когда причина, как кажется, лежит за пределами границ наших знаний, мы склонны терять голову и строить самые дикие предположения. Таким образом, даже самые нормальные из нас начали рассуждать обо всем от колдовства до демонизма, чтобы объяснить эти исчезновения. Но все же в глубине души я убежден, что эта проблема может быть решена теми же методами,

какими мы успешно решали все прочие проблемы. Есть определенные доказательства...»

На этом дневник обрывался. Дэйл долго сидел, терзаемый всякими мыслями и не обращая внимания на окружающее. Прежде он всегда насмехался над рассказами о пропавших на Сатурне людях, но теперь, прочитав дневниковые записи, сделанные тренированным наблюдателем, он взволновался сильнее, чем хотел признать. Дирборн был сильным, находчивым человеком, но этого оказалось недостаточно, чтобы спастись от судьбы, которая постигла всех остальных. Было ли возможно, что эта злая сила, — чем бы она ни являлась, — все еще присутствовала на Сатурне?

Очнулся Дэйл от своих мыслей, когда Флеминг стал собирать листы документов, плавающие вокруг него.

— Вот фотография капитана, — сказал Флеминг, небрежно бросая через всю каюту карточку. — Посмотри на нее повнимательнее и скажи, что ты думаешь?

Наконец-то фотография, свободная от теней и пятен! Так, какой же он, Мартин Дирборн? Темные волосы, зачесанные назад, открывали высокий, выпуклый лоб. Глубоко посаженные глаза, означающие способность сосредотачиваться. Изогнутый, ястребиный нос. Верхняя губа изогнута, придавая лицу какое-то дьявольское выражение, какое нелегко забыть.

Фотография, очевидно, была сделана, когда Дирборн глядел прямо в камеру, потому что глаза его следовали за Дэйлом, куда бы тот не перемещался.

— Ну, и что ты о нем думаешь? — спросил Флеминг.

Дэйл вздрогнул.

— Это звучит дико, но у меня такое ощущение, что этот человек все еще жив.

Глава 7. Лагерь Дирборна

Макаллистер буквально прижался носом к иллюминатору.

— Как идут дела? — спросил он.

— Вполне прилично, — ответил Дэйл со своего обычного места за пультом управления. — Через несколько минут достигнем орбиты внешнего спутника, Феба.

— Значит, осталось всего лишь девять миллионов километров, — хмыкнул Макаллистер. — Можно сказать, что мы вроде как оказались на окраине большого города.

Дэйл рассеянно кивнул.

— Как там Сатурн?

— Ужасно красивый.

– А как кольца?

– Да все также, я думаю. – Макаллистер снова повернулся к иллюминатору, словно до предела напряг зрение. – Время от времени я улавливаю их мерцание. Всего лишь слабое, призрачное мерцание.

– Лучше не упоминайте о призраках, – предупредил его Дэйл. – Экипаж и так уж трясется.

– Эти мне космонавты! – презрительно рассмеялся Макаллистер. – У них никогда в жизни не было ничего хорошего, а теперь они волнуются насчет призраков. Ну, да они просто счастливы, если есть о чем волноваться и переживать. – Он снова прижал нос к иллюминатору. – Феба еще не видно.

– Мы на его орбите, – сказал Дэйл, посмотрев на карту, – но сам Феб сейчас по другую сторону Сатурна.

– А я думал, он должен быть где-то рядом, – брови Макаллистера задумчиво сдвинулись. – Эти спутники тревожат меня гораздо больше, чем привидения. У Сатурна одиннадцать спутников, и это лишь те, о которых мы *знаем*. А как ты думаешь, о скольких мы еще *не знаем*?

– Не удивлюсь, если их здесь еще десятки, – бодро ответил Дэйл. – Они могут быть маленькими, каких еще никто не заметил.

– Что значит, маленькие?

– Ну, возможно, величиной с Эверест.

– Черт побери! Я должен был застраховаться перед полетом!

– Проблема в том, что мы точно не знаем даже, где те спутники, которые открыли еще три века назад, – добавил Дэйл. – Никто тогда не потрудился рассчитать их орбиты.

– Эй, к нам тут что-то летит! – завопил Макаллистер.

Дэйл бросился к иллюминатору. Три тела, выглядящие, как белые камни неправильной формы, быстро приближались к кораблю, вращаясь вокруг оси. Корабль, казалось, летел прямо на них. Они росли с каждой секундой и через минуту уже казались величиной с гору.

– Сделай же что-нибудь! – закричал Макаллистер. – Они же сейчас врежутся в нас!

– Уже слишком поздно, – ответил Дэйл.

– Должно же быть что-то...

– Сделайте глубокий вдох, – посоветовал Дэйл.

Когда уже казалось, что столкновение вот-вот произойдет, тела начали отворачивать от корабля. Желудок у Дэйла ухнул куда-то вниз, словно он мчался по «американским горкам».

– Что, во имя Создателя, это было? – выдохнул Макаллистер.

Дэйл пристально поглядел на тела, быстро уменьшающиеся позади.

— Если я не ошибаюсь, это Три Мойры.

— Три Мойры?

Дэйл медленно кивнул.

— Капитан Дирборн написал в дневнике, что они встретили три таких тела, когда век назад вошли в систему Сатурна. Он назвал их Клото, Лахесис и Атропос.

— Но разве это не какие-то там старухи?

— В греческой мифологии эти старухи и были Тремя Мойрами, определявшими судьбы всех людей. Клото отвечала за направление нити жизни, Лахесис определяла длину каждой нити, а Атропос обрезала ее.

— Что-то не нравится мне ни одна из них, — прошептал Макаллистер.

— Да мне самому не нравится их вид, — признался Дэйл.

Он подошел к пульту и коснулся кнопки, управляющей маневровыми двигателями. Где двигатели заработали, он пристально глядел, как стрелка ползет по акселерометру. Когда ее кончик указал на 3 «же», он стал сбавлять ускорение, стрелка вновь упокоилась на нуле.

Из лестничного проема в полу высунулась голова Таггерта.

— Вы заметили астероид, который чуть было не попал в нас?

Дэйл мрачно кивнул.

— Я уже поднимаюсь выше плоскости орбит, так меньше шансов на что-нибудь наткнуться.

— Нужно было давным-давно подумать об этом.

— Я только сейчас это понял.

— Ну и куда мы сейчас направляемся?

— Я хочу пролететь над Северным полюсом Сатурна и выйти навстречу Титану по долготе 216 градусов. Так меньше шансов с чем-нибудь столкнуться по пути*.

— Самое время.

Таггерт покосился на Макаллистера и снова исчез в астро-куполе.

Весь следующий час Дэйл занимался за пультом вычислениями, а Макаллистер не отрывался от иллюминатора. Потом Дэйл отложил в сторону карандаш и вопросительно взглянул на него.

— Ну, и как теперь Сатурн?

* Большинство спутников Сатурна вращается вокруг планеты в той же плоскости, что и кольца, создавая впечатление, будто планета является плавающим в воде шаром, а спутники перемещаются по его поверхности (прим. автора)

— Слушай, эти кольца само по себе заслуживают того, чтобы мы сюда прилетели, — восторженно закудахтал Макаллистер. — Когда мы здесь все сделаем, нужно будет повисеть над полюсом и полюбоваться ими.

Дэйл подошел к нему. Кольца действительно были великолепны. Он видел Сатурн через телескоп на лунной обсерватории, когда его кольца были максимально наклонены к Земле, и на всю жизнь запомнил это зрелище, но оно было ничто по сравнению с реальностью. Сатурн был бледно-желтым шаром, исполосованным темными поясами, самое широкое и бледное из которых окружало экватор, а затем пояса становились более узкими и яркими по мере приближения к полюсам. И кольца! Каждая крошечная их частичка выделялась так же резко, как точки на гравюре, как будто какой-то космический гигант примял их пальцами. При этом кольца выглядели такими твердыми и материальными. Даже трудно было поверить, что все это только иллюзия. Если подлететь поближе, то кажущаяся сплошной и твердой поверхность колец рассыплется на мелкие частички льда.

— А знаешь, есть кое-что, что я давно хотел сделать, — задумчиво сказал Макаллистер, пристально глядя на кольца.

— И что же? — спросил Дэйл.

— У меня давно уже появилась мысль, как здорово было бы надеть скафандр и по-бегать по этим кольцам. Мне почему-то казалось, что это будет очень весело.

— Осторожней с такими идеями, — посоветовал Дэйл. — Это почти то же самое, что побегать по радуге.

Они долетели до Северного полюса Сатурна и начали постепенно спускаться снова в плоскость спутников. Кольца становились узкими, а пояса вдоль экватора планеты более ясно видимыми.

— Слушай, а что это там на экваторе? — воскликнул вдруг Макаллистер. — Словно что-то возникло там, где тень тянется по кольцам.

— Да, там что-то появилось, — кивнул Дэйл.

На планете, примерно на широте в двадцать градусов вдруг появилось искрящееся белое пятно.

— Наверное, извержение вулкана под облачным слоем.

— Выходит, старый Сатурн еще не мертв, — хриплым шепотом сказал Макаллистер.

— Подумать только, каким это должно быть извержение, — задумчиво протянул Дэйл. — Это белое пятно больше Тихого океана.

Макаллистер вдрогнул.

— Как хорошо, что в нашем контракте ничего не говорится о приземлении на Сатурн!

— А вы в этом уверены?

— Я еще раз просмотрел документы, прежде чем пришел сюда. Несколько минут они стояли молча, разглядывая белую вспышку.

— Ну, я надеюсь, Титан будет спокойнее, — вздохнул Макаллистер. Дэйл взглянул на часы.

— Через несколько минут узнаем.

— Что... Титан уже рядом?

— Вон тот большой полумесяц в Созвездии Скорпиона, — сказал Дэйл и, оттолкнувшись, поплыл к пульту управления. — Мы будем возле него через несколько минут.

— Ты собираешься приземляться?

— Ну, не сразу. Сначала нужно найти Лагерь Дирборна.

Макаллистер пристально глядел на растущий впереди диск Титана, на котором стали проявляться белые черточки и темные пятна.

— Лагерь Дирборна, — повторил он. — Это как возвращение на сотню лет назад.

— За исключением того, что нам известно кое-что, чего не знал капитан Дирборн, — сказал Дэйл.

— Да. — Макаллистер облизнул губы. — Как говорится, предупрежден — значит, вооружен.

Но в глазах его таился страх, когда он смотрел на мир, который скоро должен стать их домом.

Глава 8. В темноте

Дэйл чуть было не рассмеялся вслух при виде старинных ракет. Круглый центральный корпус покоился на высоких опорах, и все это походило на долгоножку, приготовившуюся взлететь. Можно было ожидать, что в любой момент ракета рванется и понесется над ледяной пустыней Титана. Трудно было даже поверить, что такие грубые изделия считались когда-то последним словом в деле освоения космоса. Но все же, в свое время они сослужили хорошую службу. Модернизация, произведенная за последний век, касалась, в основном, улучшений методик, а не созданием новых принципов.

Корабли явно стояли так, как их оставил капитан Дирборн в день своего исчезновения. На их корпусах не было ни царапинки, ни малейшего повреждения. Царивший тут жуткий холод действовал, очевидно, слишком медленно на корпуса, раз за прошедшее столетие не оставил никаких следов. А смесь метана, аргона и неона, составлявшая тонкую атмосферу Титана, все равно весьма эффективно защищала поверхность от метеоритов.

— Номер девять... Дэйл Саттон, — раздался сквозь потрескивание в наушниках радиодфона голос Флеминга.

С тех пор, как они приземлились час назад, впервые было упомянуто имя Саттона. Он поглядел на идентификационную полосу на руке. Флеминг был номером пять.

Он махнул рукой.

— Я здесь, номер пять.

— Идите сюда, номер девять, — отозвался Флеминг. — Я хочу разобратсья с этой планетой.

Дэйл нашел Флеминга на выступе скалы примерно в миле с четвертью от кораблей. Он махнул рукой и пошел к нему длинными, плавными шагами-прыжками. Сила тяжести на Титане была, примерно, как на Луне, что означало, что при весе в семьдесят пять килограммов на Земле, здесь он должен весить около четырнадцати. Но все же даже четырнадцать килограммов давали о себе знать после стольких дней невесомости на «Альбатросе». Дэйл уже заранее боялся возвращения на Землю. Как он будет чувствовать себя там?

Флеминг поймал его, когда Дэйл запрыгнул на четырехметровый выступ скалы.

— Я не могу понять, поднимается солнце или опускается. Где тут запад, а где восток?

— Я скажу вам через минуту, — ответил Дэйл и взглянул на фиолетовое небо. — Согласно Дирборну, Роль Полярной звезды на Титане играет Гамма Цефеи. Теперь поглядим... Вон Малый Ковш, а вот там Полярис... А третья по величине звезда и есть Гамма Цефеи.

Флеминг посмотрел в направлении, указанном Дэйлом, заслонив ладонью глаза от солнца.

— Не очень-то похожа на Полярную звезду, — проворчал он.

— Прости, но, боюсь, это лучшее, что я могу дать, — ответил Дэйл.

Они усмехнулись друг другу. Дэйл стал близким другом этому пожилому человеку после эпизода с рубашкой.

— Так как насчет солнца? — спросил Флеминг.

Дэйл повернулся лицом к Гамме Цефеи и расставил руки.

— Если я поворачиваюсь на север, то все так же, как на Земле. Восток справа от меня, запад — слева. И так как солнце сейчас слева от меня, значит, оно садится.

Сквозь стекло шлема было видно, что Флеминг нахмурился.

— Этого я и боялся. Какой период вращения Титана?

— Шестнадцать дней... так же, как и его период оборота вокруг Сатурна.

Они повернулись к бледному кружку солнца, висевшего над западным горизонтом. Дэйл задумчиво поглядел на него.

— Судя по его положению, я бы сказал, что до заката примерно десять часов.

Флеминг спрыгнул с выступа.

— Я надеялся, что мы до сумерек сумеем найти вход в подземное убежище Дирборна, — сказал он. — Давай найдем Таггерта и Макаллистера и будет искать вход все вместе.

Они обнаружили, что Таггерт и Макаллистер с несколькими членами команды уже занялись исследованиями. Первоначальная база была построена у подножия утеса, резко вздымавшегося с равнины, на которую сели корабли. Все собрались вместе и нерешительно рассматривали вход. Они заметно вздрогнули, когда подошли Флеминг и Дэйл.

— Ну, и что вы думаете? — спросил Флеминг. — Мы можем туда войти?

Таггерт показал на колесо, управляющее внешним люком воздушного шлюза.

— Все зависит от этого, работает эта штука или нет.

— Вы уже попробовали его проверить?

— Еще нет.

Флеминг взглянул на солнце.

— Было бы лучше, если бы мы сумели попасть внутрь до начала сумерек.

Таггерт молча схватил колесо обеими руками, словно борец, и резко его крутанул. К общему удивлению, колесо легко уступило. Люк открылся, показывая гладкий, ярко освещенный цилиндр шлюза.

Таггерт прокрутил колесо взад-вперед, подозрительно глядя на него.

— Крутится легко, — проворчал он.

— Даже слишком легко, — добавил Макаллистер.

— Да, — сказал Таггерт, выпрямляясь. — Все выглядит так, словно его заранее смазали для нас.

Все помолчали. Макаллистер описал полукруг в снегу носком ботинка.

— Мы должны быть более осторожны, входя туда, — пробормотал он.

Таггерт резко взглянул на него.

— Что значит, более осторожны?

— Ну, если бы перед нами тут *кто-то* был, мы бы заметили его следы.

— И кто это мог быть перед нами? — фыркнул Таггерт.

— Откуда мне знать? — вскинулся Макаллистер. — Я просто сказал «если бы»...

— Сомневаюсь, что мы увидели бы какие-нибудь следы, разве что сделанные совсем недавно, — вмешался Флеминг. — Метановый снег, вероятно, испаряется днем и переносится ветром с другой стороны планеты. Этот ветер чувствуется и сейчас.

Все стали со страхом оглядываться. В небе висел чудовищный серп Сатурна, словно обрезанный тонкой белой полосой колец. Восточный горизонт был темно-фиолетовым, будто приближалась гроза.

Чак опустил на колени и искоса поглядел в открытый люк.

— Там наверняка много места, так что было бы лучше, если бы мы вошли внутрь, — сказал он. — Я уже устал от тесных кают нашей старой консервной банки.

— Старая консервная банка! — воскликнул Таггерт. — «Альбатрос» был полностью перестроен всего год назад!

— Все равно я утверждаю, что это старая консервная банка, — спокойно ответил Чак.

— Все это не приведет нас никуда, — вмешался Флеминг. — Так мы идем туда, или вы собираетесь стоять здесь и спорить до конца дня?

— Народ, не толпитесь, — шутливо сказал Макаллистер.

Дэйл заметил, как некоторые смотрели на него, словно ожидая, что он вызовется пойти первым. Хотя Дэйл и стремился поскорее попасть внутрь, он чувствовал, что слишком часто противопоставлял себя остальным, выпячивал себя на передний план. На этот раз он решил остаться в задних рядах и позволить идти вперед кому-то другому.

— Ну, чего вы все трусите? — рявкнул Таггерт. — Я пойду первым. Ждите.

И он полез головой вперед в узкое отверстие. Люк захлопнулся за ним.

Минута тянется слишком долго, когда приходится ждать. А через десять минут Дэйлу показалось, что он ждет у закрытого люка не меньше часа. Ему казалось, что Таггерт последовал за капитаном Дирборном в неизвестное и никогда не вернется, но тут люк распахнулся и из него вылез ничуть не пострадавший Таггерт.

— Видели ли каких-нибудь привидений? — спросил его Макаллистер

— Обязательно, — презрительно глядя на него, ответил Таггерт. — Тут все кишит привидениями. Мне приходилось расталкивать их, чтобы видеть, куда я иду. Внутри все в порядке, только что света нет, — обратился он к Флемингу. — Я бы ничего не увидел без своего фонаря.

— И что вы порекомендуете? — спросил Флеминг.

— Лучше всего запустить туда электриков, и пусть они поглядят, сумеют ли получить ток. Если генератор не работает, то, может, нам удастся обойтись батареями.

— Хорошая идея, — согласился Флеминг. — Я, как и Чак, тоже устал от тесноты корабля.

Таггерт с электриками пошли внутрь, в то время как остальные члены экипажа стали вытаскивать из корабля длинное цилиндрическое хранилище, чтобы использовать его в качестве временного приюта. Дэйл остался не у дел. Рядом не было никого, с кем можно было бы поговорить. За исключением Флеминга, все по-прежнему относились к нему, как к постороннему, и он махнул на это рукой. Правда, пару раз Дэйл предложил свою помощь, но когда от него отмахнулись, пошел назад, к входу в подземную базу. Он испытывал острое желание пойти внутрь и самому все увидеть. В детективных романах так всегда поступали сыщики-любители, раскрывавшие всякие тайны. Возможно, так следовало бы сделать и ему.

Он нашел Тагерта и электриков, занятыми работой в противоположном от шлюза помещении. Судя по репликам, доносившимся из шлемов, ситуация с электропитанием оставляла желать лучшего. На Дэйла никто не обратил внимания, и он пошел блуждать наугад.

Помещение, судя по всему, использовалось в качестве механической мастерской, в которой можно было производить легкий ремонт. Дорогие инструменты были разбросаны по столам и даже валялись на полу, словно их уронили и так и оставили лежать. Дэйл нашел у двери несколько записок в зажиме, требующих от инженера наладить дефекты в электрооборудовании.

«Пожалуйста, исправь обогреватель в Темной комнате № 3, Хэнк». «Может, ты посмотришь духовку? Я не могу получить температуру выше 200 градусов». А один листок бумаги, казалось, относился, скорее к финансам, чем к ремонтным работам. «С тебя 4 доллара 67 центов, Джо». Дэйл мельком подумал о том, что неведомый Джо мог исчезнуть прежде, чем расплатился.

Потом луч фонаря наткнулся на винтовую лестницу в углу мастерской. Поднявшись по ней, он попал в большое помещение со столами и стульями. Очевидно, это была столовая и по совместительству актовый зал, о каком Дирборн часто упоминал в дневнике. Общественная жизнь их изолированного сообщества была одним из самых важных событий в его дневниках. Мужчины и женщины — не роботы, они не могут все время собирать полезные ископаемые, измерять магнитное поле планеты и проводить тектонические разведки. Сколько раз, наверное, это помещение звенело от смеха

и песен! А затем начались трагедии, смех исчез, страх преследовал эту маленькую общину и днем, и ночью.

Возле поручней, ведущих к лестнице, стояли бок о бок два стола. Дэйл несколько раз обошел их, осматривая пол, в надежде найти хоть что-нибудь интересное, но помещение оказалось неутешительно пустым, словно кто-то со скрупулезной осторожностью удалил все доказательства пребывания здесь людей. Дэйл хотел уже было уйти, чувствуя, что провалился в ампула сыщика-любителя, как луч фонарика осветил что-то белое у стены. Дэйл поднял его. Это оказался клочок бумаги для заметок, покрытый какими-то математическими знаками и примечаниями. Примечания расшифровать представлялось возможным, но одно было бесспорно – почерк совпадал с почерком фотокопии дневника.

Дэйл поставил фонарик на стол, чтобы получше рассмотреть эту бумажку. Некоторые математические выражения казались знакомыми. Эта строка, конечно, была уравнением Бернулли, а набор дифференциалов казался уравнением Лапласа для магнитного потенциала в сферических координатах. Еще здесь были отрывки уравнений для скорости продольных и поперечных волн в среде. Внизу были начерканы примечания. Дэйл подвинул фонарик поближе и прочитал: «...возможно, модификация самого пространства... точно волны через ядро Земли...» Заканчивалось это почему-то длинным росчерком.

Дэйл стоял, уставившись в темноту, в голове у него бушевал вихрь мыслей. Несомненно, это было то самое помещение, где Дирборн встретил свой конец. Таинственное исчезновение товарищей, очевидно, занимало его ум, вытесняя все остальное. Поэтому эти безумные, обрывистые строки тоже должны были представлять его последние мысли. Дэйл вспомнил последние слова в его дневнике: «Определенные доказательства...» Но какие доказательства он имел в виду? Возможно ли, что у Дирборна появились какие-то идеи насчет физических принципов, замешанных в эти исчезновения, что он и выразил посредством уравнений? Но какая у этой тайны могла быть связь с ядром Земли?

Дэйл был так поглощен своими мыслями, что прошло несколько секунд, прежде чем он заметил, что фонарик начал тускнеть. Он схватил его, пощелкал выключателем, но безрезультатно. Странно. Дэйл был уверен, что совсем недавно поставил новую батарейку. Свет быстро слабел. Нужно выбираться отсюда, пока фонарик не погас окончательно. Дэйл бросился к лестнице, но опоздал. Свет погас окончательно, оставив его в полной темноте.

Впервые в жизни Дэйл почувствовал панику. Ему показалось, что темнота навалилась на него, как плотная черная жидкость... он тонул... захлебывался в ней. Почему-то ему вдруг показалось, что он способен увидеть эту темноту. Он попытался подавить панику, но это походило на попытку остановить усиливающийся поток. У него осталась лишь одна мысль и одно желание – выбраться из этого помещения!

Дэйл заставил себя стоять неподвижно, ухватившись руками за край стола. Постепенно он стал успокаиваться. Он смог снова сосредоточиться – и размышлять. Он сосредоточился настолько, что перед глазами словно возникло изображение этого помещения.

Здесь были два стола и перила, ограждающие вход в винтовую лестницу, в паре метрах от того стола, рядом с которым он стоял. Если пройти до конца этого, затем вдоль другого, то будет невозможно пропустить лестницу.

Дэйл принялся осторожно нащупывать путь по помещению, держа одной рукой за край стола, как за путеводную нить. Казалось, он шел бесконечно долго и никак не мог дойти до конца. Странная мысль ударила ему в голову. Он достал складной нож, вырезал на краешке столешницы пометку, затем пошел наощупь дальше. Через пару минут он издал вскрик досады. Он это и подозревал. В своем перенапряженном состоянии он упустил край стола и пошел вокруг него.

Немного успокоившись, Дэйл нащупал стол и тщательно пошел вдоль него, стараясь не упустить ни дюйма. В конечном итоге, он нащупал угол. Второй стол должен быть совсем рядом... Ага, вот он! Дэйл прошел еще несколько футов, пока не достиг очередного угла. Теперь перила лестницы должны быть не далее, чем в пяти шагах справа. Настал решающий момент. Дэйл осторожно двинулся в темноту, считая шаги. Через пять шагов он остановился и принялся водить перед собой руками. Несколько секунд он не нащупывал ничего, кроме воздуха. Затем пальцы его наткнулись на что-то гладкое и упругое. Резиновое покрытие перил, подумал он. Через несколько секунд он будет внизу с Таггертом и электриками.

И тут с перилами произошло что-то странное. Казалось, они куда-то поехали. Дэйл схватил их, но они с каким-то свистом вырвались у него из пальцев. Затем что-то сильно ударило его в грудь, что-то мягкое, точно человеческое тело. И его схватили чьи-то руки. Дэйл попытался вырваться, но был совершенно беспомощен в этих железных тисках. Две какие-то полосы обернулись вокруг него, приматывая руки к бокам. Потом его потащили по комнате. В голове пронеслась дикая мысль. Может, так и исчезли люди пер-

вой экспедиции. И он окажется первым исчезнувшим из нового экипажа!

Дэйл уперся ногами в пол и напряг все силы. Но полосы, охватившие его, тоже сильнее напряглись. В отчаянии Дэйл вспомнил прием, который ему показал в академии преподаватель по боевым искусствам. Это была старая уловка, но иногда срабатывала, если приходилось противостоять более сильному противнику. Вместо того, чтобы сопротивляться, Дэйл внезапно расслабился. На мгновение он почувствовал, что то, что охватывало его руки, ослабло. Тогда он резко освободился и быстро отступил назад. Тут же исчезла опора под ногами... Дэйл почувствовал, что падает...

Он кубарем покатился по винтовой лестнице и появился внизу головой вперед, как младенец из утробы матери. На Земле такое падение могло бы закончиться печально, но на Титане, благодаря слабой силе тяжести, он всего лишь пару раз перекатился и остановился.

Дэйл сел и принялся ощупывать себя. Он чувствовал себя обиженным и даже оскорбленным, антенна портативной рации на скафандре согнулась вдвое. А так он был в полном порядке.

Минутку! Продолжалось что-то странное. Внезапно стало светло. Его фонарь снова вспыхнул. Лампа горела ярко, в полный накал.

Таггерт и электрики подскочили к нему. Таггерт озадаченно уставился на него.

— Что ты там делаешь... Балуешься с контактами, что ли?

Дэйл попытался встать, но одна нога подогнулась и, прежде чем он успел за что-нибудь схватиться, он снова рухнул на пол.

— Я помогу тебе, — сказал Таггерт.

Он схватил Дэйла и рывком поднял его на ноги. Руки капитана были такие же твердые и мощные, как тиски.

Глава 9. Злоумышленники

Бледное солнце Сатурна показалось просто сияющим после темноты подземелья. Дэйла удивили преобразования, которые совершил экипаж за время его отсутствия. Он отсутствовал едва ли час, однако, длинные, напоминающие силосохранилища бараки уже были вытащены из корабельного склада, собраны, и к ним подключено электричество и воздушные кондиционеры. Но хотя эти бараки были больше тех помещений, в которых люди жили на корабле, все равно еще и речи не шло о просторном существовании.

Когда Таггерт с электриками присоединились к остальному экипажу, их забросали вопросами.

– Ну, как, удачно? – спросил Флеминг.
Таггерт с сожалением покачал головой.

– Похоже, нам придется какое-то время пожить в бараках.

– А что, не работают генераторы?

– Они не работали бы в любом случае. Придется нам пожить с батареями, пока не запустим атомный реактор.

– Кто-нибудь знает, сколько это займет времени?

Таггерт повернулся к одному из электриков.

– Что там со сроками, Кен?

Но Кен отказался назвать точный срок.

– Трудно сказать. Может быть, день. А может, неделя.

– Я бы не стал использовать атомный реактор, если можно этого избежать, – заметил Флеминг, пристально глядя на корабль, стоящий поодаль от остальных, с ясно различимыми красно-белыми маркировками. – Всегда есть опасность радиоактивного заражения. Я думаю, реактор, которым пользовался Дирборн, надежно защищен?

– Вроде бы, – пожал плечами Таггерт. – Мы не засекли никаких утечек.

– Значит, все в порядке, – кивнул Флеминг. – Ну, так мы соглашаемся с этим? Кстати, Чак, принес бы нам попить что-нибудь горяченькое.

Они уже направились к баракам, когда вмешался Макаллистер.

– Не улажено еще одно небольшое дельце, – заявил он.

– Ну, что там еще? – проворчал Таггерт.

– Мы должны принести оружие и боеприпасы из корабля в бараки, прежде чем расположимся там.

Таггерт отвернулся с миной отвращения на лице.

– Подождет до следующего раза. Я устал.

– Не подождет, – твердо сказал Макаллистер. – В контракте сказано, что оружие должно быть готово и доступно в любой момент.

– Правда? А кто узнает об этом в Центре?

– Всегда кто-нибудь разболтает.

– Я думаю, Макаллистер прав, – поддержал его Флеминг. – Чтобы достать оружие из корабля, потребуется лишь несколько минут. Мы должны точно выполнять все обязанности и инструкции.

– Ладно, – простонал Таггерт. – Идите все и несите оружие.

Оружие и боеприпасы были распределены среди людей, которые отнеслись к этому без большого энтузиазма. Все они были гражданскими, не умели пользоваться ручным оружием, да и не горели желанием научиться. Дэйл был удивлен количеством оружия на корабле. Целый отсек на складе был заполнен только боеприпасами.

Но хотя все ворчали на дополнительный груз, который пришлось носить, Дэйл заметил, что все ревниво отнеслись к своему оружию и с тревогой поглядывали на черные тени, уже выползающие из-под утесов.

Войдя в новое жилое помещение, Дэйл увидел десяток скафандров, уже висящих на вешалках у входа. Он поспешно снял верхнюю оболочку и стал исследовать шлем на предмет утечки воздуха, в то время как еще один член экипажа вошел внутрь. Губы Дэйла плотно сжались при виде цифры на рукаве скафандра вошедшего. Двенадцать – это был Коллинз. Ну, конечно, когда-нибудь они должны были встретиться. Можно было все уладить сейчас же.

Дэйл с удовлетворением обратил внимание, что Коллинз слишком долго возится с застежками своего скафандра. У него явно тоже не было желания встречаться один на один. Дэйл продолжал спокойно осматривать свой шлем. Он наслаждался этим моментом и пообещал себе, что на сей раз их встреча будет отличаться от предыдущей.

Вскоре стало уже невозможно игнорировать присутствие друг друга. Бросив несколько испытующих взглядов на Дэйла, Коллинз украдкой подошел поближе и робко усмехнулся.

– Попали в аварию? – спросил он.

– Попробовал, можно ли сделать из моей антенны зажим, – ответил Дэйл.

Коллинз глянул на изуродованную антенну.

– Похоже, повреждено гнездо стержня. Пойдите на склад и возьмите там новый шлем.

– Спасибо.

Все случилось так быстро, что Дэйл ничего не мог понять. Много дней он копил горькие, саркастические замечания, которые хотел высказать Коллинзу при первой же удобной возможности. Теперь такая возможность появилась, но Дэйл не сказал ничего из того, что хотел. Вероятно, никогда уже и не скажет.

Они вместе прошли в столовую и сели за один стол. Никто и вида не подал, что происходит что-то необычное. Но все в помещении тут же узнали, что отношения между Коллинзом и Саттоном изменились. Ссора кончилась и они помирились.

Пока они небрежно обменивались замечаниями насчет десерта, Дэйл думал о том, неужели это тот самый Коллинз, которого он так сильно ненавидел еще совсем недавно. Наверное, он не такой уж плохой парень, если узнать его поближе. Коллинз же, наверняка, имел неверные представления о нем. Дэйл аж сжался внутри, вспомнив их стычку из-за персеид. Как ужасно себя повел Коллинз!

Но он ведь такого не хотел. Они просто вначале не понимали друг друга.

Дэйл так же заметил изменения отношений к нему со стороны остальных. Они уже не отказывались принимать его в разговор, несколько раз у него спрашивали мнение о различных комиксах и о том, может ли гепард бежать быстрее американского зайца.

Потом разговоры перешли на различные происшествия, случившиеся с космонавтами. Дэйл слушал вполуха, уже почти засыпая, когда внимание было пробуждено несколькими фразами между Кеном и Таггертом, сидящими позади него.

— Я понять не могу, что случилось с распределительным щитом, — сказал Кен. — Мне казалось, что мы уже все проверили, когда вдруг щит отказался работать. Даже наши собственные фонари вдруг погасли.

— Я тоже не могу это понять, — ответил Таггерт.

— Когда отключился распределительный щит, я, естественно, подумал, что это вы повернули выключатель в соседнем помещении.

Дэйл стал пристально следить за капитаном, но, не считая того, что Таггерт был более спокоен, чем обычно, ничего не указывало, что именно он являлся таинственным врагом, с которым Дэйл схватился в темноте. Однако, тот факт, что Кен и Таггерт на какое-то время разделялись, по крайней мере, наводил на размышления.

— Я даже не добрался до главного выключателя, — продолжал Таггерт. — Свет погас, когда я еще не дошел до двери. И тут же стало совсем темно.

— Но что случилось с нашими фонарями? — пробормотал Кен.

— А, контакты проржавели, — буркнул Таггерт. — Нечего было покупать электрооборудование в каком-то дешевом магазинчике, а не в компании Центра. Я еще год назад говорил об этом Макаллистеру.

Лампы дважды мигнули, давая сигнал, что пора на боковую. Некоторые недовольно застонали, но большинство было радо пойти в кровать. Худшее в совместном пользовании помещениями было то, что каждый должен был подчинять свои желания воле большинства. В подземной базе было достаточно помещений, чтобы любой мог отыскать себе укромный уголок, где мог читать допоздна или уснуть пораньше, если хотел. Дэйл лег спать, чувствуя себя самым счастливым с тех пор, как присоединился к экипажу «Альбатроса». У него снова возникло замечательное чувство, что он среди друзей. Даже схватка в темноте не казалась уже такой ужасной. Но все же синяки на руках еще ныли. Казалось невозможным, чтобы это был Таггерт. Дэйл знал, что капитан силен, но вряд ли *настолько* силен. Если же это был капитан, то пока что Дэйл успешно его обманул.

Но повезет ли так в следующий раз? Дэйл тревожно заворочался под одеялом, думая о том, будет ли этот следующий раз. Он уже жалел, что не уснул, как только голова коснулась подушки, как Чак. У некоторых, по-видимому, вообще не было нервов.

Проснулся Дэйл от какого-то грохота. В комнате было так темно, что некоторое время он даже не был уверен, что не спит. В углу Макаллистер оставил зажженный ночник с сороковаттовой лампочкой. Этого света хватало, чтобы сходить по нужде. Но теперь ночник горел так тускло, что был едва виден. Однако, Дэйлу все же хватило света разглядеть какие-то темные фигуры, снующие за дверью, где висели скафандры. Еще одна темная фигура перемещалась между кроватями, а другие, казалось, манили ее.

Затем тишину прорезал вопль. Начался он, как хриплый крик, а закончился пронзительным визгом. Дэйл заметил нечто, несущееся по комнате, фигуру, напоминающую человека в скафандре, только чем-то странно отличающимся от него. Затем он отчетливо услышал скрип и щелчок замка люка. Свет совсем погас, потом вдруг вспыхнул, яркий и ровный.

Чак сидел на кровати, дико озираясь. Его красная полосатая пижама была бы под стать комику в каком-нибудь фарсе, но сейчас Чак не выглядел смешным.

— Он склонился прямо надо мной, — выкрикнул он. — Он был так близко, что я увидел его глаза, уставившиеся прямо на меня!

По спальне пронесся стон голосов.

— Еще расскажи нам о метеоре, который чуть не отрезал тебе задницу!..

— Бросай читать на ночь детективы.

— Иди спать на кухню.

Чак впился взглядом в насмешников.

— Говорю вам, я видел его лицо. Прямо через стекло шлема.

Макаллистер махнул рукой, требуя тишины.

— Так ты что, спишь в шлеме? — спросил он.

— Вы что, не понимаете? — закричал Чак. — Я имею в виду, *его* шлема... эту штуку на его голове.

— И ты видел все его лицо?

— Я в этом уверен.

— Но ты не мог увидеть через шлем *все* лицо! — закричал Макаллистер и торжествующе глянул на Чака, сложив руки на груди, как адвокат, поймавший свидетеля на лжи. — Ты не мог увидеть ничего, кроме глаз.

Снова по комнате пронесся хор стонов.

– Я хорошо разглядел лицо этого парня, – заявил Чак, – потому что на нем был не– обычный шлем. У него был шлем с большой лицевой пластиной, такой, какие были давным-давно.

В комнате резко наступила тишина. В голосе Чака прорезалось нечто угрожающее, что убедило всех.

– Ты видел кого-нибудь еще? – спросил Макаллистер, хотя его уверенность слегка пошатнулась.

Чак провел рукой по лицу.

– Кажется, кто-то еще был во внешней комнате, но я в этом не уверен. Не было же почти никакого света...

– Не было света?

– Совершенно верно, свет почти погас.

– Но свет прекрасно горит!

Все уставились на лампу, горевшую в полный накал. Чак помотал головой.

– Ну, ладно, я сумасшедший. Но я знаю, что свет ведет себя очень странно. Он то включается, то отключается.

– Кто отключается – свет или ты?

– Скорее уж, сам Чак.

– А, давайте все же спать!

Рассказ Чака так хорошо согласовывался с тем, что видел сам Дэйл, что он был уверен: кто-то чужой вторгся к ним в спальню. Он хотел было вставить что-нибудь в защиту Чака, но что-то внутри подсказало ему погодить. Пусть лучше Чак расскажет все своими словами. Тогда он, по крайней мере, не будет введен в заблуждение собственным воображением.

Таггерт прошел к кровати Чака и встал, уперев руки в бедра и рассматривая этого неудачника. Одежда капитана состояла из коротких розовых шорт, открывавших всем взорам его мускулистый торс.

– Если тут кто-то был минуту назад, то где они теперь? – спросил он. – Вы все возбуждены и теперь не выспитесь. А значит, плохо станете работать завтра.

– Думаю, это моя вина, – сказал Чак, презрительно глядя на капитана.

Было ясно, что он не в восторге от своего командира.

– Я спрашиваю тебя, где они?

– Откуда мне знать, куда они делись? Удрали, наверное.

– А, может, они все еще тут, – заметил Флеминг.

Все пораженно поглядели друг на друга. Некоторые стали оглядываться.

– Обыскать помещение! – проревел Таггерт. – Общитесь тут все. Тогда, возможно, мы сумеем еще немного поспать.

Все бросились на поиски, за исключением Чака, который остался сидеть на краю койки, сжимая руками голову. Из переднего помещения раздался крик:

– Оружия нет! Нас ограбили!

Все ринулись туда и замерли, испуганно переглядываясь. Оружия и боеприпасов действительно не было.

– Они не оставили ни единого патрона, – простонал Макаллистер. – Украли все прямо у нас из-под носа.

Из спальни раздался крик и появился Чак с перекошенным лицом.

– Я вспомнил! – закричал он. – Я слышал, как они выходили из воздушного шлюза. Сразу после этого зажегся свет, и вы, парни, закричали.

– Возможно, они и теперь там, – крикнул Макаллистер. – Может, они не успели уйти далеко.

Таггерт ткнул пальцем в пару ближайших людей.

– Эмери и Берк, идите наружу и посмотрите, не шатается ли кто поблизости в старинных скафандрах.

Все расселись по койкам и стали напряженно ждать, какие новости принесут разведчики. Когда те вернулись, все замолчали и с тревогой ждали, пока разведчики снимут скафандры. Потом они вошли в спальню с серьезными лицами.

– Ну? – нетерпеливо рявкнул Таггерт.

Оба пришедших обменялись взглядами, словно ожидая, кто из них первым возьмет на себя смелость заговорить. Наконец, первым решился Эмери.

– Мы не увидели никого, – при этом послышался всеобщий вздох облегчения, – но обнаружили некоторые подозрительно выглядящие следы.

– Следы! – прошипел Таггерт. – Да тут все вокруг было затоптано вами всеми!

Выражение лица Эмери не изменилось.

– С тех пор, как мы вошли внутрь, выпал снег. Немного, но вполне достаточно, чтобы скрыть наши следы. Во всяком случае, те следы, о которых я говорю, слегка отличаются от наших, а кроме того, они свежие.

Макаллистер пришел в себя первым.

– Это ошибка. Это должно быть ошибкой, – пробормотал он.

– Можете посмотреть сами, – сказал ему Эмери.

– Проверьте, здесь весь экипаж, – внезапно потребовал Таггерт.
– Что-то все это похоже на внутреннюю диверсию.

– Это нелепо, – возразил Фландри. – Никто бы не сделал такого.

– Это мне неизвестно, – парировал Таггерт. – Встать всем, я сам пересчитаю.

Люди медленно поднимались, и Таггерт пересчитывал их.

– ...пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... Ну, что я вам говорю? – торжествующе закричал он. – Одного не хватает!

– Вы забыли посчитать себя, – сказал Чак.

– Да? Ну, тогда все здесь, – признал Таггерт, выглядя слегка смущенным. – Но нужно было проверить, верно?

– А вы заметили, куда вели те следы? – спросил Флеминг у Эмери.

– Да вроде бы к входу в подземную базу, – ответил тот. – Мы не пошли по ним. Мы решили, что нужно сначала сообщить вам.

Макаллистер вскочил на ноги.

– Сейчас я соберу поисковую партию, и мы пойдем по тем следам.

– А не назначить ли нам Макаллистера стоять на посту, пока мы спим? – вставил Коллинз.

– Поддерживаю предложение! – тут же завопил кто-то.

– Нашли время шутить, – обиделся Макаллистер. – Мы остались беспомощными на этой планете. Нам нечем защищаться, кроме как голыми руками.

– Мы были беспомощны, когда они забрали оружие. Но они не навредили нам, – возразил Флеминг.

– Держу пари, что они появились здесь вовсе не для благой цели, – проворчал Таггерт и поддернул шорты.

– Ну, похоже на то, раз они так ловко сбежали, – согласился Флеминг. – Но я не думаю, что мы что-то можем поделать с этим.

Поскольку ни у кого больше не было предложений, все постепенно разошлись по своим койкам и легли спать. В спальне снова воцарились мир и тишина.

Но Чак не успокоился. Внезапно он сел на койке, трясаясь от волнения.

– Эмери, сколько следов было снаружи? – громко спросил он.

Брошенная кем-то книга ударила его по шее, но Чак сделал вид, что ничего не почувствовал.

– Много было следов, – быстро ответил Эмери. – Столько, что мы и сосчитать их не могли.

– Ты уверен?

– Разумеется, я уверен.

– А, может, их было немного?

– Почему ты так решил?

— Потому что, — голос Чака упал до шепота, — только у одного парня был скафандр. На всех остальных вообще ничего не было!

Глава 10. Исчезновение

Никто так и не уснул. Примерно через час поднялся Чак и стал готовить завтрак. Он был явно потрясен происшествием и занимался своим делом с мрачным, озабоченным видом. Дэйлу хотелось расспросить его, но он предпочел бы сделать это наедине, когда вокруг нет надоедливых ушей. В частности, он сгорал от любопытства, желая узнать побольше о человеке в древнем скафандре. Действительно ли было что-то странное в его лице? Может, изогнутая верхняя губа, придававшая ему сардоническое выражение какой-то хитрой насмешки? Но поблизости всегда кто-то был, и, в конечном итоге, Дэйл бросил эту мысль.

Работы над дальнейшей постройкой базы проходили в унылом темпе, с многочисленными неудачами и задержками. Хотя солнце уже скрылось за горизонтом, Сатурн висел в фазе одной четверти и давал достаточно света. Гигантский окольцованный диск висел в небе, такой же неподвижный, как зазубренные горы на горизонте. Но, хотя сам Сатурн и казался подвешенным в небе неподвижно относительно горизонта, звезды плыли позади него, словно наклепленные на занавес, передвигаемый какими-то рабочими космической сцены. Игра пятен света и теней на планете, а также зрелище кольца не переставали очаровывать. Дэйлу нравилось наблюдать за внутренними спутниками, проходящими по краю кольца, точно бузинки, скользящие по серебряной нити.

Как и большинство тел в Солнечной системе, Титан был тусклым и неинтересным миром, казался каким-то запущенным и отброшенным, словно ничего нестоящий хлам. Поверхность его была, в основном, монотонной белой равниной, из которой иногда торчали, точно обломки зубов, черные скалы, слишком крутые, чтобы могли покрыться снегом. Метана на Титане было гораздо больше, чем оценивали астрономы, практически, везде под ногами было несколько футов льда и метана. Метан был повсюду. Спутник окружала тонкая атмосфера метана. Кристаллики метана сверкали в небе. Мысль о жизни в такой ядовитой атмосфере угнетала более, чем жизнь на безатмосферной Луне или в космическом вакууме.

Пока техническая команда была занята проверкой всех электросхем в подземной базе, Дэйл решил самостоятельно провести некоторые, чисто научные эксперименты. Разумеется, он не мог бы вернуться на Землю, не узнав о титане как можно больше. Но чтобы провести задуманные эксперименты, ему понадобится помощь, а

поскольку Дэйл не хотел мешать инженерам, но оставалось лишь поговорить с Коллинзом. Как часто бывает, их прежняя неприязнь теперь сблизила парней, и Дэйл считал Коллинза своим лучшим другом, не считая Флеминга. После ужина они с Коллинзом проводили время, играя в трехмерные крестики-нолики на виртуальной доске, которую сами же смастерили. Это была игра, в которой Дэйл выделялся в Академии, поэтому он был несколько огорчен, поняв, что ему трудно состязаться с Коллинзом. Поначалу, проигрывая, он подолгу чувствовал досаду на себя, но постепенно стал добродушно подшучивать над собой за игрой и частенько даже не мог потом вспомнить, победил он или проиграл.

— Послушай, не мог бы ты немного помочь мне в одном небольшом дельце? — спросил он у Коллинза на следующий день после завтрака.

— Конечно, — тут же ответил Коллинз. — А что за дельце?

— Я хотел бы провести измерения магнитного поля этой планетки, — сказал ему Дэйл. — Ты же знаешь, что у Луны и Марса нет магнитного поля, достойного упоминания. Когда не смогли обнаружить таковое и для Венеры, стало казаться, что планеты размерами меньше Земли вообще не могут генерировать магнитное поле. Затем, когда обнаружили сильное магнитное поле у Европы, это спустило все научные теории на эту тему в унитаз.

Коллинз кивнул.

— Я помню, как нам прочитали лекцию об этом на последнем курсе в Джукэйлен-Сити.

— А сейчас я подозреваю, что у Титана тоже может быть сильное магнитное поле, — продолжал Дэйл. — Несколько раз на прошлой неделе мне казалось, что я заметил полярное сияние.

— Это такое свечение в небе?

— Оно самое. Ты тоже видел его?

— Кто-то говорил о красных отблесках на севере. Утверждали, что это зловещее предзнаменование.

— Чушь все это, а не зловещее предзнаменование, — нетерпеливо сказал Дэйл. — Ох, уж эти космонавты — самый суеверный народ, какой я когда-либо встречал.

— Успокойся, — весело рассмеялся Коллинз. — Ты ничего тут не изменишь.

— Да я и не собираюсь, — признался Дэйл. — Ну, во всяком случае, если красное свечение — это северное сияние, то у Титана должно быть значительное магнитное поле. Мне также очень хочется узнать, какие атомы или молекулы на планете с метановой атмосферой могут придать сиянию красный оттенок. На складе «Альба-

троса» есть магнитометр и низко дисперсионный спектрограф. Как насчет того, чтобы помочь мне с ними?

— Да я не против. Я всегда хотел побольше узнать обо всем этом.

— Когда ты освободишься?

— Да хоть сейчас...

— Прекрасно! Тогда идем на «Альбатрос».

Они надели скафандры и вышли через шлюз в замерзший мир снаружи. После почти двухсотчасовой ночи солнце ярко светило, отражаясь от ослепительно-белого метанового снега. И хотя его лучи вряд ли можно было назвать теплыми, после тускло-пепельного света Сатурна они казались настоящим праздником.

Коллинз уставился на ракету с красно-белыми полосами, которую Таггерт тащил куда-то тягачом.

— Они все же решили использовать наше оборудование, — проворкотал он. — Очевидно, не могут исправить комплект Дирборна.

— Похоже на то, — согласился Дэйл. — Кстати, нам придется проводить измерения подальше отсюда. Здесь мы ничего не сможем сделать со всем этим передвигающимся железом.

Они поднялись по лестнице на склад «Альбатроса».

— Магнитометр и спектрограф были здесь, когда я их видел в прошлый раз, — сказал Дэйл, открывая одну из секций.

Он стал передавать Коллинзу коробки, а тот их открывал.

— Тут что-то не так, — заявил он, поднимая крышку одной из коробок. — Я что-то понять не могу...

— Все выглядит так, словно им недавно пользовались. Но ведь эти приборы *должны быть* разобраны.

Они решили провести измерения за гребнем утеса примерно в миле от лагеря, где приборам не помешают помехи от строительных работ. Распаковать и установить их оказалось более трудным, чем они ожидали. Проработав несколько часов, они даже не начали измерения.

Дэйл взглянул на часы.

— Уже двенадцать. Пора бежать на ленч.

Коллинз как раз настраивал уровень на теодолите.

— Да ладно, сегодня я его пропущу. Хочу все же закончить с этой штукой.

— Ну, а я уже проголодался, — сказал Дэйл. — Вернусь через час.

Когда Дэйл перевалил через гребень, то увидел, что космонавты уже топали в столовую. Он заметил, что они держаться как-то скупенно, а если кому-то приходилось отойти по какому-то делу, то он возвращался к остальным чуть ли не бегом. С тех пор, как было украдено оружие, одна мысль вертелась у всех на уме: а что, если

их собственную колонию настигло то же бедствие, что и предыдущую? Невозможно было избавиться от ощущения, что все вокруг призрачно и непостоянно. Что человек, стоящий рядом с вами, может исчезнуть, если вы повернетесь к нему спиной, а в следующий момент можете исчезнуть и вы сами. Дэйл постепенно привыкал к такому фаталистическому отношению к действительности.

Если ему суждено исчезнуть, как кролику в шляпе фокусника, то он исчезнет. Кроме того, кролик не обязательно появляется позже, что вполне подходит под данную ситуацию.

Дэйл ел быстро, не вступая ни с кем в разговоры, так как спешил побыстрее вернуться к Коллинзу. При удаче, они бы еще успели до ужина провести кое-какие измерения магнитометром. Но чтобы это сделать, ему предстояло еще раз пойти на «Альбатрос» за кое-каким оборудованием.

Дэйл встал из-за стола раньше других и направился к «Альбатросу».

Инструменты, которые он искал, были рассеяны по всему кораблю, так что Дэйлу понадобилось полчаса, чтобы найти все необходимое. Он уже стал спускаться по лестнице вдоль одной из опор корабля, когда в наушниках раздался треск, а после быстро повторяемые буквы МЭВ. В ядерной физике МЭВ означает «миллион электрон-вольт», но у космонавтов этот знак большой опасности. Он буквально слетел по лестнице и побежал к шлюзу жилого корпуса. Экипаж собрался у шлюза, столпившись вместе. Его с тревогой окликнули, когда он подбежал к ним.

— Что случилось? — выдохнул Дэйл.

— Одного человека не хватает, — мрачно ответил Флеминг.

Каким-то образом Дэйл угадал ответ прежде, чем тот прозвучал в наушниках.

— Когда это произошло?

— Сейчас. Не прошло и пяти минут.

Дэйл быстро оглядел собравшихся.

— Кто именно исчез?

— Твой приятель Коллинз.

— Коллинз? — закричал Дэйл. — Да откуда вы знаете, что он исчез?

— Но его ведь здесь нет, — отозвался Таггерт.

— Разумеется, нет! — заорал Дэйл. — Как он может быть здесь, когда он работает за гробнем?

— Но он пришел вместе с тобой на ленч, — хором раздалось несколько голосов.

Дэйл медленно покачал головой.

– Вы хотели сказать, *вам показалось*, что он пришел вместе со мной. Вы просто так привыкли видеть нас вместе, что когда видите одного, то считаете, что и другой рядом. Поэтому, позже, когда вы не нашли Коллинза, тут же предположили, что он исчез, тогда как его просто здесь и не было.

– Что это еще за фокусы? – заворчал Таггерт.

– Вы что, считаете меня психом? – горячо возразил ему Дэйл. – Коллинз сразу за тем гребнем, настраивает магнитометр. Пойдите и сами убедитесь, если не верите мне.

Все продолжали с подозрением глядеть на Дэйла. Он еще не был одним из них. Его еще не до конца приняли в коллектив.

– Похоже, мы просто испугались, – признался Флеминг. – В следующий раз нужно хотя бы немножко проверить, прежде чем поднимать тревогу.

– Да. Но кто тогда послал сигнал МЭВ? – потребовал Таггерт и, когда никто не признался, мрачно усмехнулся. – Ну, а теперь все за работу. А ты, Саттон, следи за собой.

Дэйл поспешил за гребень, где он оставил Коллинза. Почему-то в нем закопошился неопределенный страх, что Коллинз все же исчез. Этот страх терзал его всю дорогу.

Слава звездам! Поднявшись на гребень, Дэйл увидел знакомую фигуру Коллинза, склонившуюся над теодолитом. Дэйл бегом спустился с гребня, стремясь убедиться, что это действительно Коллинз.

Коллинз усмехнулся при виде него.

– Почти закончил. Минуты через две можешь начинать измерения. И, кстати, никогда не верь тому, что пишут в инструкциях... – Он замолчал, заметив выражение лица Дэйла. – Это ты так хрипишь, или просто музыка сфер?

– Ты там перепугал всех до смерти, – с трудом ответил Дэйл. – Я бежал... Хотел убедиться, что ты на месте.

– Как я мог напугать их, когда все время был здесь? – не понял Коллинз.

– Какое-то массовое заблуждение, – пояснил ему Дэйл. – Все решили, что мы пришли на ленч вместе. Позже кто-то заметил, что тебя нет, и началось столпотворение. Они даже подали сигнал МЭВ...

– Сигнал МЭВ? – Коллинз вскинул руки. – Никогда не думал, что меня ценят так высоко.

– Теперь тебе будет что рассказать своим детям, – усмехнулся Дэйл. – Я уже вижу, как они лезут к тебе на колени. «Папа, рас-

скажи нам историю, когда из-за тебя подали сигнал МЭВ». И ты будешь снова и снова рассказывать им эту старую историю...

— Перестань, — проворчал Коллинз. — Я не люблю загадывать так далеко наперед. — Он вздохнул и повернулся к теодолиту. — Может, тебе стоит взглянуть на это...

Следующие пять часов они были так заняты настройкой приборов, что время пробежало незаметно. Так как солнце поднялось и обосновалось на небе больше, чем на неделю, не было никаких сумерек, которые предупредили бы их о конце дня. Следовательно, приходилось чаще обычного глядеть на часы.

Прежде чем устанавливать магнитометр, было необходимо точно определить широту. Самым простым способом сделать это было измерить высоту склонения Гаммы Цефеи — Полярной звезды Титана, — сначала в первой половине титанианского дня, когда она висит над северным полюсом мира, затем ближе к вечеру, когда звезда уже клонится к горизонту. Среднее значение этих двух высот и будет широтой.

— Вон Гамма Цефеи, — сказал Коллинз, глядя, прищурившись, в окуляр теодолита. — Двигается очень медленно. Можно даже подумать, что звезды вообще приклеены тут к небу.

— Давай мне данные каждые пять минут, — велел ему Дэйл. — Время смотри по хронометру.

— Ладно, держи первую порцию. — Коллинз считал числа из окошечка сбоку прибора. — Двадцать градусов сорок минут десять секунд. Нет, не так. Двадцать один градус, сорок минут десять секунд. Трудно разглядеть деления.

Дэйл быстро записал эти числа в блокнот. Через полчаса он взглянул на часы и закрыл блокнот.

— Уже почти шесть. Нужно возвращаться на базу.

— Будем повторять измерения завтра?

— Наверное, нет. Я уверен, что мы все сделали хорошо.

Коллинз нехотя поднялся и приготовился идти.

— Ты думаешь, безопасно оставить приборы здесь?

— Давай просто накроем их, — сказал Дэйл, доставая кусок холстины из одной из коробок. — Что тут с ними случится?

Они накрыли холстиной теодолит и другие приборы и отправились по заснеженной равнине.

— Ну, мы проделали сегодня большую работу, — бодро сказал Дэйл, пока они шли назад в лагерь. — Завтра нам нужно будет установить магнитометр.

Дэйл был разговорчив, но Коллинз, напротив, какой-то притихший и озабоченный. Они уже перевалили через гребень и прошли полдороги до лагеря, когда Коллинз резко остановился.

— Я возвращаюсь, — внезапно заявил он.

— Куда возвращаешься? Что еще за новости? — несколько раздраженно спросил Дэйл.

— Мне хотелось бы еще раз взглянуть на показания прибора высоты. Я все еще не уверен, что правильно продиктовал данные.

— Мы можем проверить это в следующий раз.

— Нет. С ними может что-нибудь произойти.

— Да все будет в порядке.

— Ты иди один, я догоню тебя прежде, чем ты доберешься до лагеря.

И Коллинз торопливо пошел обратно на гребень, в то время как Дэйл стал спускаться в одиночестве. Он прошел совсем немного, когда осознал какое-то тонкое изменение окружающей обстановки. Свет гас, а снег окрасился болезненно-бледной желтизной. Беспричинный страх внезапно сжал ему сердце. Что-то странное творилось с Солнцем, словно оно постепенно гасло. Дэйл резко повернулся...

Так вот оно что! Происходило затмение Титана. Солнце почти совсем скрылось за диском Сатурна, бросая лишь тонкие лучики света. Планета казалась уже не планетой, а каким-то скелетом из пунктирных линий и кривых в небе.

Дэйл опять оглянулся. Что-то Коллинз слишком долго копается с проверкой данных. Оставалось десять минут до того, как Чак даст сигнал идти на ужин. Нужно снова подняться на гребень и посмотреть, что там с Коллинзом.

Прямые лучи солнца внезапно совсем исчезли, все вокруг погрузилось в сумерки. Дэйл подумал о том, сколько времени солнце останется скрытым. Вероятно, несколько часов, если затмение было полным. Ему пришло в голову, что полное солнечное затмение должно быть довольно редким событием на Титане. Почему же тогда оно случилось именно сейчас?

Дэйл шел все быстрее и быстрее, подгоняемый нехорошим предчувствием, которому не мог сопротивляться. К тому времени, как он взошел на гребень, свет стал таким тусклым, что Дэйл не видел ничего дальше пары сотен ярдов. Он разобрал большие силуэты приборов, накрытых холстиной. Но где же Коллинз? Вероятно, за одним из приборов. Больше ему быть негде.

Дэйл тяжело дышал, когда добежал до приборов. Теодолит был раскрыт. Холстина лежала на снегу рядом с ним.

— Коллинз! Коллинз! — закричал Дэйл.

Ответа не было. Дэйл сорвал холст с других приборов. Коллинз исчез... или был похищен...

Глава 10. Борьба

Дэйл нетерпеливо жестикулировал, окруженный враждебными лицами.

— Говорю же вам, это все, что мне известно, — настаивал он. — Коллинза не было минут десять. Мы разделились. Затем началось затмение. Когда я вернулся за ним, он исчез. И я не могу теперь ничего изменить.

— Почему ты не остановил его? — спросил Таггерт.

— А почему я должен был останавливать? Для этого не было никаких причин.

— Ты не должен был оставлять его.

— А, да какая разница, остался он с ним или нет? — подавленным голосом сказал Макаллистер. — Мы не можем оставаться вместе *все время*.

Флеминг, стоя позади всех, вдруг выступил вперед.

— Мы тратим впустую бесценное время на болтовню. Мы должны выйти наружу и что-нибудь сделать.

— Мне кажется, Флеминг прав, — сказал Дэйл. — Это не по-человечески — стоять и ничего не делать. Нужно сформировать поисковую группу.

— И где мы станем искать? — спросил кто-то.

Таггерт сделал шаг вперед.

— Я ухожу отсюда, — сказал он сильным голосом. — Это место проклято. Я чувствую это. Однажды я чувствовал то же самое, когда заблудился в Гегеншейне.

Послышался одобрителный ропот. Таггерт явно выразил чувства многих, кто слишком боялся говорить сам.

— Нам неизвестно, что Коллинз исчез так же, как остальные, — возразил ему Флеминг. — Он может все еще найтись.

Таггерт резко рассмеялся.

— Найдись? Ты же знаешь, что мы никогда его не найдем. Он исчез навсегда. Точно так же, как исчезнем и все мы, если будем по-прежнему шариться здесь.

Среди экипажа послышалось бормотание.

— Правильно.

— Конечно, правильно.

— Давайте просто возьмем и улетим.

— Но мы не можем сейчас улететь, — снова не согласился Флеминг. — Мы уже здесь... и на нас лежит серьезная ответственность.

— Почему же мы не можем сейчас улететь? — спросил Таггерт. — Я говорю, давайте бросим все сейчас, пока у нас еще хватает людей, чтобы управлять кораблем.

Все двинулись к двери. Флеминг попытался вмешаться. Но его просто оттолкнули. Тогда перед ними оказался Дэйл.

— Вернитесь, — приказал он.

Таггерт впился в него взглядом.

— Ты считаешь себя очень сильным, да? Ты думаешь, что сможешь всех нас уложить?

Лицо Дэйла было бледно.

— Я так думал раньше. У меня было много странных мыслей. Но я многое узнал от Флеминга, Коллинза и остальных из вас. Кое-чему нас не обучали в Академии. По крайней мере, не обучали этому напрямую. — Он смерил Таггерта взглядом. — Но кое-что нам действительно внушили. Нас научили не бросать людей, которые нам доверились.

Таггерт надвинулся на него.

— Кто это тут кого бросает?

— Вы. Вам поручили эту экспедицию. Вас назначило ответственным верховное командование Центра...

— Как будто кого-то там волнует любой из этих парней, — проворчал Таггерт.

— Я не думаю о них. Я думаю о Флеминге, который вложил все свои деньги в эту экспедицию, и о Коллинзе. Я считаю, что Коллинз все еще жив. Мы нужны ему сейчас. И я собираюсь найти его.

— Все еще играешь в героя, да?

Дэйл медленно покачал головой.

— Я просто говорю вам, что собираюсь сделать.

Таггерт высокомерно поглядел на него.

— Я могу порвать тебя одной рукой.

Экипаж разразился криками:

— Чего мы тут ждем?

— Давайте, улетаем!

Снова возникло движение к двери, но Чак и еще несколько человек перегородили остальным дорогу.

— Люди! Придите в себя! — умоляюще воскликнул Флеминг.

— Прочь от двери, Чак! — рявкнул Таггерт.

— Нечего мне приказывать ты, жалкий хвостун! — парировал Чак. Макаллистер внезапно дико замахал руками.

– Послушайте! Я знаю, что делать! Некоторые из вас согласны с капитаном. Другие хотят остаться с Саттоном. Так почему бы нам не позволить им двоим решить этот спор?

– Вы хотите сказать, они должны драться? – спросил Чак.

– Конечно. А почему бы и нет?

– Мне это подходит, – твердым голосом ответил Дэйл, хотя и дрожал всем телом.

Таггерт стоял перед Дэйлом с озадаченным выражением лица.

– Ты уверен, что знаешь, куда лезешь?

Дэйл уверенно улыбнулся.

– А вы уверены, что знаете, куда лезете *вы* сами?

– Расступитесь! Образуйте кольцо, – закричал Макаллистер и зашевелился. – Уберите стулья. Дэйл – в этот угол. Таггерт – туда.

Есть нечто завораживающее в наблюдении драки между двумя спорящими сторонами. У Дэйла мелькнула мысль, действительно ли Макаллистер подготавливал место для драки между ним и капитаном Таггертом, или это был всего лишь умный способ переключить мысли экипажа. Может, маленький управляющий делами фирмы был умнее, чем выглядел на первый взгляд?

– Ему нужен секундант, – сказал Макаллистер, махнув рукой в сторону Дэйла. – Есть добровольцы?

– Я могу, – сказал Чак.

И он поспешно прошел в угол Дэйла в сопровождении Флеминга.

Дэйл снял рубашку и сел на стул. Таггерт угрюмо смотрел на него с противоположного угла комнаты. Иногда он обменивался словами с людьми, толпившимися вокруг него.

– Таггерт довольно жесток, – прошептал Чак. – Тебе лучше не пропускать удары его левой.

– Я буду осторожным, – пообещал Дэйл.

– Да и удары правой тоже лучше не пропускай. Бьет он очень сильно. – Чак быстро осмотрел тонкие руки и плечи Дэйла, затем бросил тревожный взгляд на мускулистую фигуру капитана. – Ты еще можешь отказаться, – сказал он. – Ты не обязан выходить и драться только потому, что так решил Макаллистер.

– Спасибо за совет, – небрежно кивнул Дэйл. – Между прочим, где капитан заслужил свою репутацию на ринге?

– Пока он не занялся бизнесом, то был спарринг-партнером Билла Морено.

– Билла Морено! – воскликнул Дэйл. – Ты имеешь в виду прежнего чемпиона в среднем весе?

– Не его. С кузеном Морено.

– Профессионал? – сказал Дэйл как можно беспечнее при данных обстоятельствах.

– Не думаю, что капитан был когда-либо настоящим профи. Просто работал с его кузеном.

– Ну, вы готовы? – закричал Макаллистер с центра импровизированного ринга.

Казалось, он наслаждался ролью распорядителя.

Дэйл кивнул. Таггерт ответил взмахом руки. Чак склонился над Дэйлом, торопливо давая последние напутствия.

– Не позволяй ему загнать тебя в угол. Не стой на месте. Работай. Держись от него подальше. Не позволяй ему сближаться. Я выкину полотенце, если все станет слишком плохо.

Макаллистер жестом потребовал тишины

– Начинается чемпионат системы Сатурна. Четыре трехминутных раунда. Бейтесь, и пусть победит достойнейший!

– Время! – выкрикнул кто-то и ударил ковшом в оловянное блюдо.

Таггерт поднялся из своего угла и помчался на середину комнаты, размахивая руками. Дэйл ожидал подобной атаки, но все же град обрушившихся ударов явился для него неожиданностью.

Капитан был явно самым лучшим бойцом, какого Дэйл когда-либо встречал. Он наносил удары такой силы, что Дэйл терял равновесие, даже когда уходил в глухую защиту.

Дэйл поспешно отступил, выдвинув вперед левую руку. Капитан, раскачиваясь, ринулся за ним. Дэйл ударил его раз... два... три в лицо, но, казалось, безрезультатно. Таггерт презрительно наносил удары, прижал Дэйла к стене, затем уткнулся лицом ему в плечо и стал бить его по корпусу короткими кривыми. Дэйл отчаянно пытался вырваться, но капитан был слишком силен. Оставалось только держаться до конца раунда.

Чак и Флеминг, перебивая друг друга, осыпали его похвалами, когда Дэйл рухнул на стул в своем углу. Очевидно, они не ожидали, что он продержится целый раунд. Чак обмыл ему лицо холодной водой, в то время как Флеминг махал полотенцем.

– Ты в порядке? – восхищенно кричал Чак. – Как себя чувствуешь?

– Все нормально, – сказал Дэйл. – Просто он ужасно силен.

– Мне показалось, к концу раунда он стал слабеть, – сказал Чак. – Попытайся нокаутировать его в следующем раунде.

– А ты думаешь, я с ним вальсировал?

Прогноз Чака сбывался. В втором раунде капитан стал двигаться медленнее. Но все же удары его были такие же мощные, так что Дэйл не стал рисковать. Он держал Таггерта на расстоянии, нырял,

отступал и все время бил короткие удары слева. Вначале раунда одобрительно кричали, в основном, капитану, но постепенно симпатии зрителей разделились. К концу раунда сторонники Таггерта вообще попритихли. Несмотря на то, что Дэйл пропустил немало мощных ударов, он казался более свежим, чем его противник.

— Он твой! — кричал Чак, готовя Дэйла к третьему раунду. — Теперь иди и раздолбай этого хвастуна окончательно.

— Я думаю, он в плохой кондиции, — сказал Флеминг, пристально глядя в противоположный угол, где совещались помощники Таггерта.

— Сигнал. Дай же ему! — прокричал Чак.

Дэйл вышел в центр ринга. Таггерт пошел на него и был остановлен длинным прямым, затем Дэйл добавил сильный удар справа. Таггерт обмяк. Он еще пытался блокировать удары, но руки плохо слушались его. Дэйл уверенно наступал, нанося удары с обеих рук. Капитан отступал, закрывая обеими руками голову. Дэйл замер с приготовленной правой, ища брешь в обороне противника...

Бамм!

Дэйл изумленно смотрел на зеленый рисунок линолеума на полу. Странно, что прежде он не обращал на него внимание. Откуда-то издалека он слышал голос Макаллистера, отсчитывающего секунды.

— Четыре... пять... шесть...

Дэйл вдруг понял, что еще четыре секунды, и он проиграл. Наверное, пора подниматься. Комната казалась серой, а ноги были словно чужие. Но при счете девять он все же встал на ноги.

Тут же налетел Таггерт. Удары сыпались Дэйлу на голову и туловище, но больше не могли причинить ему боль. Дэйл вошел в клинч и держался, ничего не видя, до гонга.

Потом он чувствовал, как Чак и Флеминг отчаянно хлопотали над ним. Чак кричал ему в ухо какие-то советы. Затем они повели его в центр ринга для четвертого и последнего раунда.

Дэйл не знал, как пережил следующие три минуты. Он был на ногах, блокировал, нырял и наносил удары автоматически, без вмешательства сознания. Он знал, что когда-нибудь все равно ударит гонг и все закончится. Он должен драться, пока не слышно гонга, но ни секундой больше.

Бо-омм!

Дэйл очнулся, обнимая Таггерта. Опираясь подбородком на его на плечо и большими глотками, широко раскрытым ртом хватая воздух. Он крепко держал капитана за талию, чтобы не упасть на пол. И еще приходилось держать самому какую-то тяжесть...

Затем он понял, что это на нем висел Таггерт. Они стояли в центре ринга, поддерживая друг друга. Мгновение они глядели друг на друга пустыми глазами. Затем на лице Таггерта медленно проявилась усмешка.

– Шикарный был бой, – пробормотал он. – Даже не думал, что ты настолько хорош.

– Да вы и сами не промах, – с трудом отозвался Дэйл.

Капитан обнял его рукой за плечи, а свободной махнул толпе.

– Все решено, – объявил он. – Мы остаемся. Если кто-то решит смыться, то будет иметь дело со мной.

Мгновение стояла тишина. Затем все принялись говорить разом. Вокруг смеялись и восклицали, бойцов хлопали по спинам.

Дэйл чувствовал себя очень счастливым. Ему понравился Таггерт. Он был прекрасным человеком, если потрудиться понять его душу.

– Я никогда не проигрывал бой, – с горечью сказал Таггерт. – А у тебя никогда не было таких противников, как я. Иногда мне казалось, что я больше не могу. Но я рассердился, поэтому выстоял.

– Я знаю, что вы чувствуете, – сочувственно кивнул ему Дэйл.

Макаллистер испуленно обнял их обоих.

– Это был самый классный бой, какой я когда-либо видел. Я запомню его на всю жизнь. Я чувствую, что теперь готов к чему угодно. Пускай приходят сатурниане. Мы им еще покажем.

И тут свет стал тускнеть...

Глава 12 Лицо Дирборна

Флеминг внимательно смотрел на пустынную поверхность Реи, летящей под ними.

– Да тут одно место хуже другого. Почему ты не садишься?

– Сейчас попытаюсь, – сказал Дэйл, протянув руку к черной эмалевой кнопке на пульте управления.

И они тут же ощутили силу, действующую на них, деформацию пространства, такое же определенное, как давление на плотный резиновый шарик. Эту силу нельзя было увидеть, почувствовать или услышать, как нельзя погреться от молнии, но, тем не менее, вы знали, что она есть, что она может спасти или убить вас, смотря как ее использовать.

Оба затаили дыхание, когда корма корабля медленно опускалась к планете. С высоты сотни миль поверхность спутника Сатурна напоминала грязное поле, но теперь больше походила на откос, покрытый гравием. Рея летела прямо на них. Казалось, они вот-вот

врежутся в нее... Затем корабль мягко опустился на поверхность, нерешительно закачался на опорах и замер.

Флеминг глубоко вздохнул и встал с койки.

— Я совершил тысячу посадок, но все равно мне кажется, что следующая станет последней.

Они надели скафандры и поспешили в воздушный шлюз, откуда по лестнице спустились на каменистую поверхность планеты. Зрелище было неутешительным. Казалось, они стояли в центре обширного кратера, подобного гигантским кратерам на Луне, таким, как Теофилус или Птолемей. Как и у многих лунных кратеров, в центре этого торчал неровный пик, возвышающийся почти до уровня окружающей стены.

— Удивительная безответственность со стороны Дирборна, выбравшего для лагеря именно это место, — пробормотал Дэйл, осматриваясь.

— Несомненно, у него были на это причины, — ответил Флеминг. — А ты уверен, что это то самое место?

— Наверняка оно, — сказал Дэйл. — Я все проверил. Именно здесь поперек кратера проходит длинная трещина. Однако что-то я не вижу никаких признаков лагеря.

— Наиболее вероятным местом была бы пещера у основания центрального пика, — предположил Флеминг. — Может, прогуляемся туда и поглядим?

Они пошли по обломкам скалы, усыпавшим дно кратера. Обломки были характерного коричневого оттенка, словно подвергались какому-то химическому воздействию.

— Чем ближе мы подбираемся к Сатурну, тем меньше он мне нравится, — сказал Флеминг, встревоженно глядя на гигантский шар, висевший у горизонта впереди.

Планета казалась замершей в космосе над самой оправой кратера, точно пасхальное яйцо, плохо покрашенное и исполосованное полосами и пятнами. На ней было множество оттенков, которые удивили бы астрономов, вынужденных наблюдать ее с расстояния в миллиард километров. Южная экваториальная зона была чуть красноватой, а широкий экваториальный пояс на севере тускло-зеленый, как хлор, и с какими-то фестонами, как на Юпитере. В более высоких широтах преобладали желтый и апельсиновый цвета, прорезанные тонкими полосками. Самыми темными областями являлись сами полюса: грязная, шоколадно-коричневая шапка южного, и серая, переходящая к центру в черный — северного.

— В чем дело? — спросил Дэйл.

— Не знаю, — признался Флеминг. — Я просто чувствую, как изпод тех облачных поясов струится какая-то злая сила.

Дэйл рассмеялся.

— Погоди, пока мы не последуем по следам Дирборна к Мимасу. Вот там уж точно все покажется зловещим. — Он задумчиво нахмурился. — Интересно, а что лежит под этими слоями облаков?

— Несколько сотен лет назад астрономы считали, что поверхность Сатурна, скрытая облаками, населена.

— Населена? — недоверчиво уставился на него Дэйл. — Они что, сумасшедшие?

— Ничуть. Они не глупее нас с тобой, а, возможно, даже умнее.

— Да, но это невозможно. Я имею в виду, жизнь на Сатурне.

— Это лишь теперь кажется невозможным, в свете наших последних данных, — кивнул Флеминг.

Какое-то время он шел молча, не спуская глаз с трещин, спускающихся, точно ручьи, с центральной горы.

— Самое поразительное в этом то, что астрономы даже не задавались вопросом, может ли быть жизнь на Сатурне. Они не понимали, как в этом вообще можно сомневаться. Может, ты знаешь, что великий сэр Уильям Гершель твердо считал, что жизнь есть не только на планетах, но даже и на самом Солнце. А позже Ричард Проктор, профессор астрономии в Кембридже, в Англии, утверждал, что никто не может обоснованно утверждать, что такая великолепная система, как Сатурн, может быть лишена жизни.

Дэйл сокрушенно покачал головой.

— Это просто показывает, как не правы могут быть астрономы, — заявил он. — А он, случайно, не упоминал, как могут выглядеть жители Сатурна?

— Нет, не считая того, что, по его мнению, они не могли походить на нас.

— Ну, да... и на земных животных тоже, — с усмешкой добавил Дэйл.

Когда они приблизились к основанию пика, то увидели, что бока его испещрены пещерами всевозможных форм и размеров, словно какая-то коррозия глубоко вгрызлась внутрь его. Они остановились перед одной, особенно мрачной дырой, которая могла бы послужить моделью пасти какого-нибудь сатурнианского чудовища.

— Похоже на вход в Дом Смеха на Ретонду-бич, — заметил Дэйл.

— Но что-то я сомневаюсь, что внутри мы найдем много смешного, — мрачно отозвался Флеминг.

Он сделал несколько шагов внутрь и стал водить лучом фонаря по стенам. Пещера, казалось, уходила вглубь утеса, образуя бес-

конечные галереи, карнизы и проходы. Иногда луч натыкался на какие-то места, отсвечивающие в темноте тусклым блеском. Исследователи пещеры все более восхищались, как ищущие в лесу грибы. Всегда казалось, что самые лучшие будут где-то впереди, чуть дальше. Время от времени они поворачивались, чтобы взглянуть на Сатурн, сияющий за выходом из пещеры, точно на картине.

– Осторожно, – окликнул Флеминг Дэйла, который обогнал его, устремляясь вперед. – Сначала нужно убедиться, что мы сумеем найти обратный путь, когда пройдем слишком глубоко.

– Я хочу проделать один эксперимент, когда мы окажемся в полной темноте, – отозвался Дэйл.

Они шли, пока не свернули за поворот, отрезавший их от света. Дэйл снял с пояса специальную лампу и нажал кнопку. Стены пещеры внезапно преобразились, точно по волшебству. Хотя лампа испускала едва заметный свет, пещера озарилась фиолетовым, зеленым и желтым, словно ожила. Эффект походил на сцену из «Тысячи и одной ночи».

– Странно, – пробормотал Флеминг, немного придя в себя от такого зрелища. – Зеленый напоминает виллемит, а желтый – отунит, если я не ошибаюсь. Не ожидал я найти эти полезные ископаемые на такой планетке.

– Мне бы хотелось взять образец вон того красного, – сказал Дэйл, направляя луч фонаря на светящуюся темно-красную полосу в нескольких метрах впереди.

Флеминг услышал его шаги, затем стук молотка, бьющего по камню. Внезапно наступила тишина.

– Эй, Флеминг, идите сюда, – очень тихо сказал Дэйл.

Флеминг осторожно направился туда, где Дэйл стоял, прислонившись к длинному сталагмиту.

– Что-то случилось? – спросил Флеминг.

Дэйл схватил его за руку.

– Мне кажется, я заметил впереди свет.

– Просто отблеск твоей ультрафиолетовой лампы.

– Но я не направлял ее туда.

– Очевидно, направил, сам того не заметив.

– Клянусь, я этого не делал.

Они оба уставились в темноту. Порой кому-то из них казалось, что он видит пятнышки света в темноте, но это были лишь эффекты на сетчатке глаз.

– Где ты видел этот свет? – спросил, наконец, Флеминг.

– Кажется, в том направлении, – ответил Дэйл.

Он направил луч фонаря в черноту, стоящую перед ними, точно скала. Луч остался невидимым. Он ничего не показывал и уходил словно в ничто.

— Ну, я не знаю, что это могло быть. Должно быть, ты все же каким-то образом обманулся, — пробормотал Флеминг.

— Да, наверное, — вздохнул Дэйл и повел фонарем вокруг, но это было как пытаться осветить космическое пространство. — Единственно, что я установил: перед нами пропасть и, похоже, бездонная.

— Теперь, во всяком случае, ты понимаешь, — проворчал Флеминг, — что не мог там ничего увидеть. Так как, выбираемся из этого рая спелеологов?

— Хорошая идея, — усмехнулся Дэйл. — Так... и куда же нам идти?

— Разумеется, назад.

Флеминг пошел вдоль стены пещеры, следуя за лучом фонаря Дэйла.

— Ты не можешь светить получше? — спросил тот.

Голос его казался каким-то слабым и далеким.

Дэйл встряхнул фонарем, пару раз щелкнул выключателем. В голове вдруг воскресла память о происшествии в подземной базе.

— Наверное, батарея садится, — сказал он, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал спокойно. — Попробуйте свой.

Фонарь Флеминга засветился тускло-красным, в таком свете можно было разве что увидеть металлическую застежку на его шлеме. И пока они оба смотрели, свет совсем потускнел и исчез, оставив их в полной темноте.

— Нам не нужен свет! — закричал Дэйл. — Идите вдоль стены, а я за вами.

Ответа не последовало. Дэйл позвал снова, сначала шепотом, потом все громче и громче, пока, наконец, почти что закричал. Ответа по-прежнему не было. Его окружала стена тишины, а также стена темноты.

Дэйл осторожно прошел несколько шагов и остановился, все еще держа себя в руках. Внезапно он почувствовал себя полностью дезориентированным. Мало того, что он не мог ни видеть, ни слышать, так еще и сила тяжести была такой слабой, что он в темноте не мог быть уверен, где тут верх, а где низ. Единственным чувством, на какое он мог положиться, оставалось осязание. Он чувствовал твердый камень под ногами и твердую же стену под пальцами.

Он знал, Флеминг должен быть всего лишь в нескольких метрах, но с таким же успехом он мог быть на планете, вращающейся вокруг звезды где-то в Большой Медведице. Однако, они должны

найти друг друга. Нелепо было стоять тут неподвижно, как собака, привязанная к столбу.

Собака, привязанная к столбу! Если вы привязаны к объекту, это значит, вы подключены к нему. Как он раньше не догадался? Проблема была в том, что он, настолько привыкший думать с точки зрения радиосвязи и других высокотехнологичных средствах, что забыл о других возможностях.

Он снял с пояса веревку и пропустил ее между пальцами, делая петли примерно каждые пять метров. Затем сделал на конце широкую петлю и бросил ее подальше в темноту. Раз, два и три были безрезультатны, но на четвертый раз он почувствовал сопротивление. Секунда – и они с Флемингом держали друг друга в объятиях.

Долгое время они цеплялись друг за друга со всем пылом тонущих. Когда же успокоились, Дэйл обвязал веревку вокруг своей талии и свободный конец отдал Флемингу. Затем Флеминг пошел, ведя рукой по стене и ошупывая ногой путь перед собой при каждом шаге. Они не боялись упасть в какую-нибудь трещину и разбиться насмерть, потому что на планете с такой маленькой силой тяжести, как на Рее, это было практически невозможно*. Больше всего они боялись сбиться с пути, потому что в здешнем лабиринте можно блуждать до полного истощения.

Дэйл снова и снова отчаянно пытался найти выход. Он проклинал себя за глупость. Ведь Флеминг предупреждал его. Казалось, так просто отыскать путь назад. И это было бы просто, если бы у них был свет. Но света не было, и Дэйлу казалось, что они блуждают под землей уже много часов.

Свет! Его было ни с чем не спутать. Тусклое сияние с окружающих стен. Фигура Флеминга отчетливо вырисовалась перед ним в темноте. Они свернули за угол и оказались в прямом проходе, а впереди, точно на картине, сиял круглый диск Сатурна.

Дэйл отвязал веревку и, снова смотав ее, повесил на пояс. Старая, добрая веревка! Как часто он презирал подобные предосторожности. Теперь ни шагу в космос без нее.

– Эгей!

Дэйл пораженно подскочил, и это движение унесло его метров на пять вверх.

– Это я проверял, вернулась ли связь, – сказал Флеминг, когда Дэйл стал медленно планировать вниз.

* Падение на Рее с высоты 120 метров соответствовало бы примерно падению с четырехметровой высоты на Земле (прим. автора)

— А я уж было подумал, что это радиошум от самого грандиозного солнечного пятна всех времен, — проворчал Дэйл.

— Наши фонари тоже заработали, — продолжал Флеминг. — Светят ярко и ровно. — Он пристально уставился на Сатурн, стискивая и разжимая сложенные за спиной руки. — Что-то таинственное происходит здесь. Что-то, чего я вовсе не понимаю.

— И это дает чувство полной беспомощности, — поддакнул Дэйл.

— Я могу понять, что сели батареи или ослабили контакты, но я не могу объяснить, как это само собой восстановилось. Это же невозможно.

— А как насчет других объяснений?

— Я их не знаю.

Что-то неестественное прозвучало в его голосе, заставившее Дэйла резко взглянуть на него.

— Можно придумать много простых причин, почему фонари или радиации вышли из строя, — продолжал Флеминг. — Мы с тобой могли бы найти таких десятки за несколько минут.

— Несомненно, — озадаченно глядя на него, согласился Дэйл.

Флеминг постучал пальцем по своим часам.

— Но есть кое-что, что мы не могли бы изменить ни на йоту, как бы ни пытались. Например, мы не могли бы изменить действие соли радия, из-за которой светятся цифры на моих часах. Эти атомы испускают энергию, и мы никак не можем ускорить или замедлить данный процесс.

Дэйл продолжал смотреть на него.

— Ну, так вот, что-то все же изменило emanацию радия в моих часах в то время, пока мы были в пещере. Они перестали светиться.

— Наверное, вы ошибаетесь...

— Нет, я не ошибаюсь, — заявил Флеминг. — Сначала я тоже думал, что ошибаюсь, поэтому тщательно все проверил. Окошечко моих часов стало пустым. Цифры исчезли. Часы умерли.

Дэйл взглянул на собственные часы. Цифры на них тускло светились, как и всегда. Внезапно он почувствовал сильную усталость, словно его пропустили через некий фильтр, оставив без сил. Он заметил, что у Флеминга дрожат колени, но постеснялся сказать об этом.

Наконец, Флеминг отвернулся от Сатурна.

— Как насчет того, чтобы вернуться в корабль, немного поесть и отдохнуть?

Дэйл благодарно кивнул.

— Я могу помочь, — ему не хотелось говорить, какую именно помощь он предлагал.

Флеминг не обратил на его слова никакого внимания, и они заскользили к ракете длинными, широкими шагами-прыжками. Обоих сопровождало по две тени, слабая от Сатурна и более густая от Солнца. Дэйл заметил, как из-за горизонта появляется Титан. Странно, что теперь он относился к этой планетке, как к дому. А как он обрадуется, когда закончится их облет внутренних спутников в поисках старых баз Дирборна. К тому времени Таггерт должен закончить ремонт в старой подземной базе, чтобы люди могли начать жить в относительном комфорте. Дэйл вяло подумал о том, как там сейчас капитан.

В корабле Дэйл снял скафандр и с длинным вздохом удовлетворения растянулся на одной из коек. Никогда раньше он так не радовался безопасности корабля. Казалось невозможным, что совсем недавно он ощупью пытался выбраться из той ужасной пещеры.

Из камбуза вышел Флеминг с дымящимся кофейником горячего шоколада. Дэйл с благодарностью потягивал горячую жидкость, чувствуя себя в безопасности и любуясь в иллюминатор Сатурном и его семейством спутников. Он думал о прекрасных астрономических теориях, о причинах и зарождении планет. Сколько раз казалось, что они верны, но тут же обнаруживались новые факты, на вид незначительные, но в итоге подрывающие самые основы очередной такой теории.

— Иногда я устаю смотреть на эти спутники, — сказал он, наливая себе вторую чашку шоколада. — Они вечно летят и ни куда не прилетают.

— Может, куда-нибудь они все же прилетят, — задумчиво покачал головой Флеминг. — Не забывай, что тысяча лет, это лишь секунда жизни планеты.

— Может и так. Но по-моему, они просто будут вечно летать по орбитам. Они похожи на большинство людей — с ними никогда не произойдет ничего интересного.

— Ну, не знаю, что чувствуют луны Сатурна, а по мне, так уже достаточно было волнений за последнее время, — Флеминг зевнул и поставил чашку на столик. Давай теперь спать. Отдохнув, тебе еще сильнее захочется исследовать здешние места.

— Звучит прекрасно, — пробормотал Дэйл.

Минуту спустя он уже крепко спал.

Проснулся Дэйл от какого-то металлического удара, донесшегося сверху. Ему снилось, что он ползет по высокому стальному каркасу в сопровождении маленького человечка с усами и молотком. Человечек этот был астрономом, а все сооружение имело какое-то отношение к его теории происхождения планет и спутников. Усатый

незнакомец стучал молотком по балкам, чтобы удостовериться, что у сооружения нет никаких слабых мест, которые могли бы позже сплоховать. Дэйл хотел поскорее все закончить и вернуться на Землю. Они уже проползли по сооружению дважды...

Маленький человек с молотком исчез, но стук продолжался. Дэйл лежал очень тихо, прислушиваясь. Стук резко оборвался. Теперь единственным звуком было дыхание Флеминга и вздохи воздушного кондиционера. Может, он все еще спит? Что может стучать снаружи космического корабля? Но вот стук раздался снова, даже не стук, а звуки, больше похожие на то, что кто-то карабкается по металлу за внешней стеной корабля.

Дэйл тихонько встал и скользнул к иллюминатору. Очевидно, он проспал несколько часов, так как солнце уже зашло, и единственным источником света был бледный диск Сатурна. Дэйл присел в темноте, прижавшись ухом к стене. Что бы там его ни разбудило, оно приближалось, шаг за шагом пробираясь по корпусу. Потом звуки прекратились, словно нечто неведомое собиралось с силами для последнего рывка. Теперь оно было у самого иллюминатора. По стеклу побарабанила чья-то рука...

В голове у Дэйла вихрем пронеслось все, что он когда-либо читал о роботах и пучеглазых монстрах. Фигура за окном чуть сместились в сторону, и свет Сатурна упал ему на голову. Никакой это был не монстр, а просто человек в скафандре. В большом, громоздком скафандре, какой был в ходу столетие назад.

Дэйл потянулся к фонарю, стараясь остаться в тени у стены. Затаив дыхание, он присел возле иллюминатора, держа палец на кнопке включения фонаря. Раз... два... три... давай!

Дэйл направил луч прямо в лицо, защищенное шлемом. Человек взглянул на него, человек с запавшими газами, ястребиным носом и слегка изогнутой верхней губой, придававшей ему дьявольское выражение. Он был так близко, что Дэйл видел зрачки, расширенные от яркого света фонаря. Они уставились друг на друга, затем раздался скрежет, и человек исчез.

В помещении вспыхнул свет. Флеминг сидел на койке, с удивлением глядя на Дэйла.

— Ты выглядишь так, словно увидел призрака, — воскликнул он.

— Может, так оно и было, — заставил себя рассмеяться Дэйл. — Призрака в скафандре столетней давности.

— Что?! — Флеминг вскочил с койки и бросился к иллюминатору. — Ты видел его лицо?

Дэйл кивнул.

– Это было лицо Дирборна. Те же глаза и нос, та же изогнутая губа, как на фотографии.

Флеминг оперся спиной о стенку и провел рукой по глазам. Внезапно он стал казаться гораздо старше.

– Мы знали, что на Титане происходило что-то странное. Фактически, даже ожидали этого. Но не здесь. Я думал, что здесь не будет никаких странностей.

– Что-то странное творится во всей системе Сатурна! – вспыхнул Дэйл. – Я чувствовал это с самого начала, когда мы еще миновали орбиту внешнего спутника, того, которого Дирборн назвал Три Мойры.

– Я знаю...

Их прервал сигнал радиостанции. Дэйл бросился к пульту и щелкнул переключателем.

– Флеминг и Саттон с борта «Майи», – сказал он.

– Говорит Таггерт.

Голосе из динамика внезапно заглушили помехи, он стал почти совсем не слышен. Пальцы Дэйла закрутили верньеры настройки.

– Говорите, капитан. Как там на Титане? – закричал он.

– Возвращайтесь, – раздалось в ответ.

Дэйл и Флеминг уставились друг на друга, почти не дыша. Дэйл нагнулся к микрофону на пульте.

– Что произошло? Что там у вас?

– «Перигелий» исчез.

Голос совсем утонул в помехах. Когда же помехи исчезли, капитан уже отрубил связь.

Глава 13. На Сатурн

Несколько минут Дэйл работал над настройкой, но передатчик упрямо молчал. Наконец, Дэйл бросил этодохлое дело и прошелся по рубке.

– Во всяком случае, это совсем не похоже на Таггерта, – сказал он, нахмурившись.

В ответ раздался высокий и тонкий смех Флеминга.

– Это похоже на Таггерта, когда он до смерти напуган.

– Вы уверены?

– О, таков уж наш капитан. – Флеминг опустил на край койки и подпер рукой подбородок. – Боюсь, нам придется лететь к Титану сломя голову.

– Из-за приказа?

Флеминг медленно кивнул.

— Должно быть, произошло что-то ужасное. Мы должны помочь им всем, чем можем.

— Я думаю, немного от нас будет помощи.

Дэйл вернулся к пульта управления и стал рассчитывать курс на автоматическом компьютере. Молчание тянулось несколько минут, пока машина занималась вычислениями. Наконец, на пульте зажеглась зеленая лампочка, и Дэйл кивнул Флемингу.

— Все готово, сэр. В любое время, как скажете.

Флеминг слабо усмехнулся.

— Все оборудование на борту? Все в сборе, никто не остался снаружи?

— Нет, сэр.

— Тогда старт. Чем быстрее, тем лучше.

Взревели ракетные двигатели. Местность вокруг «Майи» осветил яркий блик выхлопа. Корабль стал подниматься очень медленно, почти застыв над поверхностью, и вдруг рванулся в черные глубины неба.

— Очень жаль, что «Перигелий» выбрал не лучшее время для исчезновения, — проворчал Дэйл. — Титан сейчас находится по другую сторону Сатурна. Нам потребуется целый день, чтобы добраться туда.

— День, вот как? — Флеминг нервно побарабанил пальцами себя по колену. — Почему бы тебе не попробовать снова связаться с Таггертом? Мне кажется, это помогло бы, если бы мы все время были на связи. Хотя бы оказало нам моральную поддержку, как недавно в пещере.

— Хорошая мысль, — сказал Дэйл, улыбнувшись при воспоминаниях о пещере. — Посмотрим, что я смогу сделать.

Он принялся отправлять вызов, в то время как Флеминг бродил беспокойно взад-вперед по тесной рубке. Рация была мертва. Нестественная тишина повисла в корабле, словно они были последними живыми людьми в Солнечной системе.

Флеминг, наконец, перестал расхаживать и остановился у иллюминатора.

— Титан как раз появляется из-за колец. Гм-м... а рядом с ним еще какой-то спутник.

— Вот как? — спросил Дэйл, уткнувшись в карты. — Не знал, что тут есть поблизости что-то еще. Интересно, что это может быть.

— Как насчет Япета?

— Не уверен, что...

В динамике разделся гул. Дэйл метнулся к рации.

— Есть связь! — закричал он. — Теперь только бы она не прервалась.

— Да, это несущая частота «Альбатроса», — кивнул Флеминг, подойдя к Дэйлу.

— Ответьте, Таггерт. Отвечайте! — сказал Дэйл в микрофон, но не последовало никакого ответа, кроме гула несущей частоты.

Дэйл пошарил взглядом по приборам на пульте управления. Внезапно вздрогнул и склонился пониже к пульту.

— Да, это их несущая, но идет она не с Титана, — объявил он.

— Быть того не может! — воскликнул Флеминг.

— Смотрите сами, — ответил Дэйл. — Координата X слишком велика.

— Всегда существуют погрешности инструментов...

— Я уже сделал допуск.

Они усталились на приборы, не в силах поверить собственным подозрениям. Флеминг принялся снова расхаживать по рубке, стискивая и разжимая кулаки.

— Можно сделать лишь одно, — пробормотал он. — Засеки несущую и лети по ней, даже если она приведет нас на сам Сатурн.

Дэйл выполнил все операции, необходимые, чтобы зафиксировать их кораблик с «Альбатросом». После этого не оставалось ничего, кроме как ждать, куда приведет их новый курс. Гул несущей частоты действовал почти гипнотически. Они вяло расхаживали по рубке, слишком поглощенные в собственные мысли, чтобы разговаривать. Потом Флеминг пристально поглядел в иллюминатор и взволнованно повернулся к Дэйлу.

— Какой, ты сказал, спутник был возле Титана?

— Я ничего не говорил, — ответил Дэйл. — Судя по графикам, не могло быть никакого объекта возле него в это время.

— Но какой-то же спутник торчит рядом с Титаном, — воскликнул Флеминг. — Выглядит все так, словно они вот-вот столкнутся.

— Вероятно, какая-то звезда, — небрежно отмахнулся Дэйлд.

— Это не звезда, — стал настаивать Флеминг. — Скажи-ка... Быстрее иди сюда! Там что-то происходит.

Дэйл покорно подошел к иллюминатору, бросил мимолетный взгляд и тут же схватился за смонтированный рядом телескоп.

— Клянусь задней лапой Большой Медведицы, там точно что-то происходит! — кричал он. — Идите сюда и смотрите.

Флеминг нетерпеливо прижал глаз к окуляру телескопа.

— Это другой спутник, и он собирается столкнуться с Титаном. Им точно не разминутся.

— Да нет там никаких спутников! — взвыл Дэйл, буквально подпрыгивая от волнения. — И не может быть никаких столкновений. Такого просто не происходит.

— А я говорю, что происходит прямо сейчас! — заорал в ответ Флеминг. — Они уже почти соприкоснулись.

Дэйл испуганно взглянул в иллюминатор. Из маленького круглого диска Титан превратился в желтую каплю с ярким блеском на конце.

Флеминг резко отскочил от телескопа, словно не мог видеть уничтожение мира, из которого совсем недавно улетел.

— Но это же значит, что база уничтожена! Конец всему!

Дэйл неподвижно стоял возле него, как заколдованный. Затем резко вернулся к жизни.

— Вы что, не видите, как можно все объяснить? Вот почему несущая частота исходит не с поверхности Титана, а из точки чуть в стороне от него. Таггерт и команда вылетели на «Альбатросе» как раз вовремя, чтобы не погибнуть при столкновении спутников.

— Наверное, так и есть, — с облегчением ответил Флеминг. — Интересно, где корабль сейчас?

— Давайте узнаем, — сказал Дэйл и нажал кнопку.

Возле иллюминатора засветился смотровой экран, на котором красивыми белыми линиями появились орбиты семи внутренних спутников с Сатурном посередине. Тут же вспыхнула красная точка, обозначающая «Альбатрос» и зеленая — их собственный корабль. Движение «Альбатроса» изображалось пунктиром, уходящим за пределы экрана.

— Какой же курс избрал Таггерт? — спросил Флеминг, прослеживая курс по карте.

— Сомневаюсь, что он вообще что-то избрал, — хмуро ответил Дэйл. — Как вы знаете, каждый человек ведет корабль в своей специфической манере. Спустя некоторое время можно сказать, кто сидит за пультом управления, если, конечно, Таггерт ведет корабль вручную, словно моторную лодку. Так вот, данный курс вообще не напоминает мне манеру Таггерта. Он слишком ровный, словно корабль идет на автопилоте.

Флеминг с сомнением поглядел на экран.

— Сомневаюсь, что Таггерт стал бы переключаться на автопилот, если только не идет на посадку. Он ярко выраженный индивидуалист, и ему нравится самому вести корабль.

— Я тоже так думаю.

— Единственная другая возможность состоит в том, что корабль просто дрейфует под действием сил притяжения.

— Но в таком случае он должен следовать по особой орбите, — пробурчал Дэйл, изучая данные, полученные из компьютера.

Флеминг рассматривал каплю на экране.

– Я бы предположил, что это чрезвычайно вытянутый эллипс.
– Уж точно, вытянутый, – согласился Дэйл. – Настолько вытянутый, что, можно сказать, орбита практически представляет собой прямую..

– Прямую линию?!

– Да. И эта прямая проходит прямо через центр Сатурна.

– Но это нельзя допустить. Нам нужно его остановить.

– Будет трудно нагнать его, не разнеся на куски нашу старую лоханку.

– Но не можем же мы просто лететь за ним и дальше, – нервно рассмеялся Флеминг. – Я же шутил, когда сказал, что мы последуем за ним на Сатурн.

Дэйл долго задумчиво изучал данные из компьютера. Затем стал нажимать кнопку, управляющую масштабом экраном, до тех пор, пока Сатурн не увеличился настолько, что в экран вошла лишь часть кольца.

– Я вижу наш единственный шанс настигнуть и остановить «Альбатрос», прежде чем он достигнет Сатурна – это идти по крутой гиперболе вот сюда. – Дэйл ткнул пальцем в экран.

Флеминг ошеломленно отшатнулся.

– Ты имеешь в виду, пройти напрямик между планетой и кольцами?

– Никакого другого пути я не вижу, – ответил Дэйл. – Если мы станем огибать кольца, то никак не нагоним «Альбатрос» вовремя.

– Но между планетой и внутренним краем колец всего тысяч двенадцать километров. Одна небольшая промашка, и мы во что-нибудь врежемся.

– Я согласен, что это совершенно дикая, безумная вещь, мистер Флеминг. Поэтому я не решусь на нее без вашего согласия.

Флеминг провел слегка дрожащими пальцами по седым волосам, затем решительно повернулся к Дэйлу.

– Я чувствую, что кто-то или что-то на каждом шагу действует против нас, – сказал он. – Но такой маневр они явно не ожидают. Это может помочь поймать их врасплох.

– То есть, вы согласны?

– Врубай максимальную скорость и – вперед!

Нет ничего труднее, чем заставить развернуться летящий космический корабль, особенно когда дорога каждая секунда. То, что Дэйл сумел выполнить этот маневр всего лишь за десять минут, говорит о его растущих навыках пилота. Временами он уже представлял, как корабль будет размазан по всему кольцу, но, в конце концов, все обошлось.

Они стали чувствовать себя веселее, когда занялись конкретным делом. Сатурн стал теперь огромным, желтовато-коричневым шаром, перерезанным черной полосой – тенью от колец. А сами кольца постепенно расслаивались по мере того, как корабль мчался вниз, к планете. Одновременно пустое пространство, казалось, сжималось с каждой секундой. Дэйл чувствовал себя как мальчишка наверху крутого холма, который должен провести свой бобслей по проходу шириной в один метр в нижней части.

– Есть ли в Солнечной системе более прекрасное зрелище? – прошептал Флеминг, пристально глядя на кольца, образовавшие обхватывающую все небо дугу.

– Прекрасное, но смертельно опасное, – добавил Дэйл. – Это как радуга, состоящая из льда вместо росинок.

– Я всегда думал о кольцах, как о какой-то космической окаменелости, – заметил Флеминг. – Кажется, они единственные свидетели тех времен, когда планеты были только в процессе формирования.

– Подумайте о несметных частицах, из которых состоят кольца, – ответил Дэйл и хмыкнул. – Нам еще повезло, что они собраны вместе, и мы знаем, где они находятся.

– Конечно, – согласился Флеминг, но тут же обернулся, словно пораженный метеором. – А мы точно знаем, что они так уж плотно собраны вместе? – спросил он.

– Н-ну... Край кольца выглядит довольно резким, – ответил Дэйл.

– Значит, мы *не знаем*. То, что мы ничего не видим в промежутках между кольцами, еще не означает, что там ничего нет. Да ведь там этих частиц могут быть мириады! Достаточно, чтобы сделать из нашего корабля решето.

– Могут быть, – согласился Дэйл. – Вероятно, и *есть*.

Он склонился над пультом управления и тут же беспомощно откинулся в кресле.

– Мы уже пересекли орбиту Мимаса. Теперь мы не можем вернуться, даже если захотим.

– Гидрит твой ангидрит! – выругался Флеминг.

– Надеюсь, у нашего кораблика хороший противометеоритный буфер.

– Да его вообще нет! – простонал Флеминг. – У нас так и не дошли до него руки.

Они уставились друг на друга в тревоге.

– На складе есть самозаклеивающиеся инжекторы, – сказал Флеминг. – Можно изолировать дыру, пробитую метеором. Нужно также надеть скафандры.

— Да нет у нас время возиться со скафандрами! — закричал Дэйл, бросаясь на склад. — Через пять минут мы уже будем в плоскости колец.

Он уже спускался по лесенке, когда вдруг остановился на полпути, развернулся и бросился обратно к рации.

— Сигнал от «Альбатроса»... Он становится все слабее!

Флеминг с ужасом поглядел на Дэйла, затем на Сатурн и снова на Дэйла.

— Нужно подниматься, верно?

— Попытаюсь, — сквозь зубы ответил Дэйл, крутя ручки настройки.

Гул несущей частоты усилился было, но затем снова ослаб.

— Да ладно, — сказал Флеминг. — Сейчас нам нужно найти эти приспособления для герметизации.

Несколько минут спустя, вооруженные самоклеивающимися пушками, Дэйл с Флемингом стояли посреди рубки, готовясь к худшему. Десяток шариков лениво плавали над ними.

— И когда мы окажемся в разрыве? — спросил Флеминг.

— В любую секунду, — сказал Дэйл.

— Я пока что ничего не слышу, — с надеждой заявил Флеминг.

— Я тоже.

И тут раздался хлопок, точно выстрел из пистолета. Затем еще и еще. Потом хлопки посыпались, точно стучащие по жестяной крыше градины.

— Только бы выдержала внешняя обшивка, — простонал Флеминг.

Но тут рубку заполнил сигнал тревоги, а на пульте замигал красный огонек.

— В нас попали, — закричал Дэйл. — И как раз в рубку.

— Наблюдай за шариками, — сказал Флеминг.

Несмотря на то, что проделанная метеоритом дырка была слишком маленькой, чтобы ее можно было увидеть, шипение уходящего воздуха безошибочно указало на нее. Они оказались в страшной опасности, самой худшей, что могла случиться с людьми в космосе.

Воздушные шарики, подхваченные потоком, сгруппировались у стены возле электронных часов. Дэйл и Флеминг принялись отчаянно осматривать это место.

— Вот она! — закричал Флеминг, посылая струю жидкости в дырку не больше булавочного укола.

Через несколько минут сигнал тревоги умолк и индикатор на пульте перестал мигать. Постепенно прекратилась и барабанная дробь метеоритов по корпусу корабля.

В рубке повисла неестественная тишина. Оба космонавта уже было расслабились, как в голову им ударила одна и та же мысль.

– Радио!

Сигнал от «Альбатроса» был едва слышен. Дэйл попытался усилить его, но безрезультатно.

– Быстро загухает, – хмуро сказал он. – Мы не сможем больше следовать за ним.

– Но мы должны, – заявил Флеминг.

– Но корабль направляется прямо на Сатурн.

– Значит, вперед, на Сатурн. Мы полетим туда, куда и «Альбатрос».

Глава 14. Под поясами облаков

Сатурн заполнил все небо. Это был уже не знакомый диск планеты с кольцами и поясами облаков, а равнина ровного серого цвета, словно покрывало вуали, если смотреть на него сверху. Сначала был тонкий туман, от которого потускнели звезды и небо изменилось с черного до темно-фиолетового. По мере того, как они проваливались все глубже в атмосферу Сатурна, звезды закрыли полотнища тумана, а небо превратилось из фиолетового в молочно-голубое, и солнце теперь угрожало стать обычной желтой лампочкой.

– Где мы сейчас? – спросил стоящий у иллюминатора Флеминг.

– Я думаю, мы уже миновали стратосферу и теперь летим в слое конвекции, – ответил Дэйл. – Эти серые облака тумана, вероятно, являются перистыми облаками из аммиака.

– Замечательные расцветки у этих облаков, – заметил Флеминг. – Никогда не видел ничего подобного на Земле. Коричневые, серые, и полоса голубого у самого горизонта.

– Это благодаря следам натрия в аммиаке, – пробормотал Дэйл, снимая показания радара. – Их комбинация дает все эти оттенки.

Солнечный свет быстро гас. Их окружила темнота. Дэйл уменьшил скорость спуска до самого минимума. Пока что не было и следов твердой поверхности, но показания радара были такими путанными и сбивчивыми, что им нельзя было доверять. Несущая частота «Альбатроса» была едва слышна и исходила теперь с расстояния десяти километров под ними.

Флеминг отошел от иллюминатора, чтобы поглядеть на движущиеся капли на экране радара.

– А тут становится жарко, – сказал он, вытирая лоб. – Пойду, наверное, попить.

Принеси и мне тоже, – сказал ему Дэйл.

Флеминг принес ему тубу с водой.

– Есть кое-что, о чем мы не подумали, и это начинает меня беспокоить, – сказал он.

– Что именно? – спросил Дэйл, делая большой глоток.

— Вода... Нам ее хватит едва на неделю.

Дэйл торопливо убрал тубу от губ.

— Не нужно об этом. Или мы найдем «Альбатрос» куда раньше, или не найдем никогда.

Флеминг с тревогой поглядел на экран.

— Похоже, через несколько минут мы ударимся обо что-то твердое.

— Я думаю, это земля, — воскликнул Дэйл, глядя, как на экране радара начинает вырисовываться что-то новенькое. — Приготовьтесь к посадке.

Учитывая трудности, с которыми они уже столкнулись, сама посадка оказалась весьма легкой. Небольшой удар и тряска, а через пару секунд все успокоилось. Корабль стоял на поверхности планеты без серьезных повреждений.

Через несколько минут Дэйл и Флеминг уже выходили на поверхность Сатурна. Равнина, на которой они стояли, была окутана глубокими сумерками, и кругом была одна только серость, словно на дне океана. Фонари не могли рассеять мрак. Лучи их быстро терялись в плотном тумане, окружающим все вокруг.

Помимо опасной темноты, поверхность под ногами была предельски скользкой. Дэйл едва сделал несколько шагов, как тут же упал на колени. Направившийся к нему Флеминг тоже потерял равновесие и рухнул рядом. Сила тяжести тут, вместо того, чтобы быть такой же, как на Земле, оказалась значительно больше. Кроме того, за длительный период пребывания в невесомости в космосе и на спутниках, даже с умеренным тяготением им все равно бы казалось, будто к их ногам привязали свинцовые грузила.

Они с трудом поднялись на ноги, помогая друг другу сохранять равновесие. Мрак на мгновение осветился. Флеминг сделал несколько шагов и исчез в завихряющихся облаках тумана. Через полминуты в тумане виднелось лишь слабое, размытое пятно его фонаря.

— Флеминг, вернитесь, — позвал его Дэйл. — Если мы разделимся, то уже не отыщем друг друга.

— Где твой фонарь? — отозвался Флеминг. — Я не вижу тебя.

— Здесь. Увидели?

— Хорошо. Я возвращаюсь.

Наступила тишина, потом какой-то удар и стон. Дэйл с трудом увидел свет фонаря Флеминга, неопределенно качающийся взад-вперед.

— Что с вами?

— Да, ничего страшного. Ударился о какой-то камень.

— Вы слышите?

Словно издалека донесся треск катящихся в темноте камней, постепенно становясь все слабее, пока не исчез совсем.

— Идите осторожно, — сказал Дэйл. — Звук был такой, словно камни упали в какую-то пропасть.

Флеминг проковылял еще несколько метров.

— Если бы я хоть что-нибудь видел! — закричал он.

Словно в ответ на его просьбу неподалеку по склону горы внезапно пролился поток темно-красной лавы, окутанной паром. Она лилась по склону, а земля под ногами тряслась и качалась. Дэйла и Флеминга швырнуло на колени. Они не стали пытаться встать, а напротив, припали к трясущейся земле.

В свете лавы Дэйл, к своему ужасу, увидел, что корабль приземлился на узком выступе у самого края отвесной ледяной стены. Осторожно повернувшись на бок, он глянул с обрыва и увидел в километре внизу бушующее море, в которое лилась лава. С закружившейся головой Дэйл отполз обратно к стене утеса. Пламя пригасло, оставив пещеру, в которой они находились, в относительной темноте.

Дэйл пополз туда, где сидел, прижавшись спиной к утесу, Флеминг, глядевший на мерцающий свет вулкана.

— Это ужасно, — закричал Дэйл. — Мы должны как можно быстрее выбираться отсюда, пока нас не настигнет лава или не сбросит в море землетрясение.

Флеминг уставился на него пустыми глазами. Он казался ошеломленным, неспособным собраться с мыслями.

— Посмотри, что там светится? — прошептал он.

— Я ничего не вижу, — резко ответил Дэйл. — О чем вы?

— Оно странного цвета. Какого-то старого... как платье моей матери.

— Окраска зависит от примесей водорода, — сказал Дэйл. — Состав атмосферы планет-гигантов отличается от земного. В них полно водорода. Раскаленный же водород светится фиолетовым.

— Странно, — задумчиво пробормотал Флеминг, — что такая большая планета, как Сатурн, состоит из легкого водорода.

— Сатурн походит на толстяка, — пояснил ему Дэйл. — Он весит много, потому что в нем много вещества, но каждый кубический его фут легкий, как жир. Земля же, как крепыш с накаченными мускулами.

— А вот интересно, вернемся ли мы когда-либо на Землю?

— Не вернемся, если будет торчать тут и трепаться о пустяках!
— заорал Дэйл. — Здесь в любую секунду может произойти вулканический выброс.

Низкий рокот словно подтвердил его слова. Земля под ними поднялась, словно глубоко внутри планеты тревожно пошевелился какой-то великан. Дэйл отчаянно схватил Флеминга и затряс, чтобы тот поскорее пришел в себя. Таким образом он поднял напарника на ноги и чуть ли не силой потащил к ракете. Их возвращение походило на перенос в другой мир. Снаружи бушевала природа в самом диком, первобытном ее состоянии. Внутри же была искусственная среда, ограниченная крепким корпусом, созданным человеческим разумом.

Корабль трясся так яростно, что Дэйл едва мог идти по коридору. Больше всего он боялся, что корабль свалится в море. Флеминг принялся было возиться с застежками шлема, но Дэйл схватил его за руку и потащил к пульту управления.

— У нас нет для этого времени. Идите сюда и помогите мне поднять корабль.

В рубке управления беспорядок, казалось, был еще больше, чем в остальной части корабля. Продукты и посуда были разбросаны по картам и вычислителю. Дэйл смел их с пульта и сел на компьютер.

— Установите автопилот на два, склонение семь и шесть, — несколько минут спустя сказал он Флемингу.

— А это не слишком низко? — спросил Флеминг.

Казалось, он уже оправился от шока.

— Нет. Либо так, либо никак. Я не хочу рисковать в такой плотной атмосфере.

— Надеюсь, мы ни на что не напоремся.

— Если мы сумели посадить корабль на эту планету, то должны суметь и поднять его.

Дэйл бросил последний взгляд на пульт.

— Все установлено?

— Все установлено.

Дэйл нажал кнопку, затем пересек рубку и сел на койку. Флеминг уже лежал на соседней. Дэйл закрыл глаза и начал глубоко дышать, готовясь к взлету. Про себя он считал: раз... два... три...

Затем Дэйл повернулся, взглянул на Флеминга и продолжил считать. Он дошел уже до ста, когда Флеминг прервал его.

— Что нас держит?

— Не знаю.

— На сколько ты установил таймер?

— На минуту.

– На минуту! Да ведь прошло уже три!

Секунду поколебавшись, Дэйл встал и пошел к пульта. Стрелки на освещенных приборах дрожали, словно пытались сорваться с мест, за исключением трех, инертных и мертвых.

– Не удивительно! – воскликнул Дэйл. – Взгляните сюда!

Рот Флеминга открылся сам собой.

– Весь контур, должно быть, помер.

Пока они стояли в нерешительности, Корабль затрясся так яростно, что им пришлось схватиться за край пульта, чтобы не упасть.

– И где этот контур? – спросил Дэйл, стараясь перекричать стоявший вокруг гул.

– Где-то здесь, – сказал Флеминг, снимая секцию пульта.

– Может, просто нарушено соединение. Снимите всю панель...

Флеминг уже снял ее и полез зондом в лабиринт разноцветных проводов. Дэйл бросился в заднюю секцию корабля и быстро проверил блок топливного бака. Прошло десять минут, но они ничего не нашли. Затем прошло еще тридцать минут, а они все еще копались безрезультатно. Когда миновал час, им пришлось признать свое поражение.

– Похоже, проблема кроется в дюзах или топливном инжекторе, – нахмурившись, сказал Флеминг. – Но добраться туда будет не так-то легко. На это уйдет, по крайней мере, два дня.

Дэйл взял разводной ключ из инструментального ящика и стал бесцельно разводить и сжимать его.

– Не думаю, что что-то не так с кораблем, – сказал он.

– Хочешь сказать, он не будет работать?

– Я имею в виду, с ним нет ничего, что мы можем отремонтировать. Я думаю, продолжается то же самое, что началось еще после приземления на Титане. И пока мы не узнаем, что это такое и как с ним бороться, мы не взлетим отсюда.

– Прости, но я не знаю, в чем тут дело, – пробормотал Флеминг.

Дэйл последний раз крутанул колесико ключа и швырнул его обратно в ящик.

– Я вот думаю, не допустили ли мы серьезную ошибку. С тех пор, как мы прилетели в систему Сатурна, мы – я имею в виду, весь экипаж, – были напуганы до судорог. Все это время длилось словно бесконечный Хеллоин.

– Разумеется, все боялись.

– Я убежден, что кто-то решительно возражает против нашего присутствия в этой системе. И этот кто-то приложил все усилия,

чтобы напугать нас, причем нужно признать, что он добился успеха. На каждом шагу мы делали так, как они хотели.

— И что бы предложил ты?

— Ну, почему бы не попытаться сделать нечто противоположное? Они считают, что мы так боимся, что не можем выпустить друг друга из глаз даже на минуту. Так почему бы не прекратить это? Пусть один из нас намеренно подставится, а другой наблюдает за ним с безопасного расстояния. Так мы могли бы получить какую-нибудь подсказку насчет того, что здесь происходит.

— Вам не кажется, что если бы все было так просто, то мы давно бы нашли ответ, — возразил Флеминг.

— Давай предположим, что кто-то работает против нас. Назовем их условно сатурнианами за отсутствием лучшего имени. Что мы знаем об этих сатурнианах? Ну, у них явно есть возможность захватить и быстро куда-то унести человека. И они могут вывести из строя любые электросистемы. Но они, также, вполне материальны, так как не перемещаются по космосу, как радиосигналы. Помнишь, Чак говорил, что видел кого-то в спальне? Я тогда промолчал, но совершенно уверен, что тоже видел их. И они ушли через шлюз.

— Это правда, — признал Флеминг.

— Все выглядит так, словно сатурниане могут использовать какие-то физические законы, которые мы не знаем и которые выглядят для нас, как настоящее колдовство. Но даже если мы не понимаем их, то можем узнать что-то о том, как они действуют.

— Выглядит так, что действуют они очень быстро, — заметил Флеминг.

— Мне кажется, мы можем пойти немного дальше, — продолжал Дэйл. — У меня возникла догадка, что это действует только на ограниченной области. Другими словами, сатурниане могут вывести электросистему из строя на территории, скажем, размером с наш корабль, но не город.

— И с чего ты так решил? — спросил Флеминг.

— Этому есть доказательства. Свет потускнел в нашей спальне, но не в помещении, где хранилось оружие. Наши фонари не работали в пещере, но тут же зажглись снаружи. Ничто не работало в подземной базе Дирборна, но не было никаких трудностей с нашей установкой, расположенной в нескольких сотнях метров от базы.

— Может, и так, — осторожно признал Флеминг, — но все равно еще много чего предстоит объяснить.

— Давайте примем за рабочую гипотезу, что у сатурниан есть устройство, которое делает невозможной электромагнитную энергию на ограниченной области. Так как вопрос сводится к при-

родному электричеству, мы можем предположить, что это может влиять на живые организмы так же, как и на неживую материю. Таким образом, одному человеку или даже целой группе людей можно временно затемнить воспоминания.

– Но позже они все равно бы вспомнили, – возразил Флеминг.

– Не обязательно. Предположим, вы смотрите кино и засыпаете в тот момент, когда герой фильма взбирается на утес. И пока вы спите, человек, сидящий рядом с вами, встает и уходит. Вы просыпаетесь, по чистому совпадению, когда герой на экране снова карабкается на утес. Поэтому вы не осознаете, что прошло какое-то время. Вы не знаете, что вы спали, а просто видите, что сидящий рядом с вами секунду назад человек внезапно исчез. Теперь понятно?

Флеминг с сомнением покачал головой.

– Я громко храплю во сне. Меня бы вывели из кинозала.

– Так, а что происходит после того, как исчезает человек? – то-ропливо продолжал Дэйл, зараженный собственным энтузиазмом. – Естественно, все боятся, что и они исчезнут, поэтому все будут держаться вместе. Но это лишь упрощает сатурнианам работу, так как теперь они могут красть людей по десятку за раз. А если бы все были рассеяны по десятиакровому полю, то красть приходилось бы по одному.

– Другими словами, ты думаешь, что лучшая возможность захватить сатурниан врасплох состоит в том, чтобы пустить одного вперед, в то время как другой будет наблюдать за ним издали?

– Ну, вы должны признать, что до сих пор прежняя тактика нам ничего не дала.

Флеминг лукаво усмехнулся.

– Мне кажется, именно ты утверждал не так уж давно, что никаких сатурниан не существует в природе?

– Возможно, я немного поторопился, – смущенно признался Дэйл. – Конечно, эти сатурниане, о которых я рассуждаю...

Он не успел закончить предложение, когда мощный толчок яростно швырнул его к противоположной стене.

– Так что? – спросил Дэйл, поднимаясь с пола. – Вы готовы проделывать такой эксперимент?

Флеминг облизнул пересохшие губы и схватился за край койки, поскольку корабль подбросил очередной толчок.

– Я готов попробовать, – выдохнул он. – Только давай сначала пожем друг другу руки. У меня предчувствие, что мы долго теперь не увидим друг друга.

Глава 15. Флеминг идет

Прежде Дэйл жил в постоянном страхе, что на него вот-вот нападут сатурниане и утащат его в свое тайное убежище. Теперь же он, практически, желал начала действий со стороны местных жителей. Целых три часа они с Флемингом подставлялись для нападения, но ничего не происходило. Дэйла раздражало то, что их так откровенно игнорируют, тем более, что они были в таком отчаянном положении.

Посоветовавшись, они решили разделиться на четыре часа, причем один останется в ракете, а другой пройдет с полкилометра по перешейку, уходящему в море. Спор о том, кто должен остаться в корабле, был решен подбрасыванием монетки. И вот теперь, после трех часов непрерывного напряжения, не происходило совсем ничего, только грохотал вулкан по соседству.

Странно, подумал Дэйл, как быстро я привык к таким вещам, как землетрясение и извержение вулкана. Вулканическая активность явно была такой же обыденностью на Сатурне, как дождь или рассвет на Земле. Поэтому, всего лишь через несколько часов, Дэйл презрительно относился к землетрясениям, которые поднимали облака пыли и заставляли камни падать с утесов. Практически, он вообще перестал обращать на них внимание, пока очередной толчок не вскрыл трещину на склоне горы, и гигантские волны стали бить в подножие утеса внизу.

Самым трудным делом за последний час было заставлять себя бодрствовать. Каждая минута давалась с ужасными муками. Снова и снова Дэйл ловил себя на том, что вот-вот упадет. Мысли его крутились только вокруг койки на корабле. Землетрясения там или нет, но он собирался погрузиться в сон в ту самую минуту, когда закончатся бесконечные четыре часа и он сможет пойти на заслуженный отдых. Еще хорошо было бы напиться холодной воды. А еще лучше, уснуть в ванне, с водой...

Дэйл резко вскинул голову. Он не был уверен, но, может, проспал несколько минут, хотя и не больше десяти. Дэйл поспешил к краю утеса и облегченно вздохнул, увидев, как Флеминг идет по камням внизу. Затем он взглянул на часы. С последнего раза прошло только десять минут. Дэйл понял, что должен все время оставаться на ногах. Если он сядет, то тут же уснет, как бы этому ни противился.

Возможно, именно так все и начинается!

Дэйл резко проснулся и с тревогой огляделся, но вокруг был только утес, плывущие струи тумана, лед и скалы. В конце концов, совершенно естественно, что он хочет спать. Они с Флемингом бодрствовали уже двадцать четыре часа, и тревога, державшая их в

нервном напряжении все время, начиная с отлета с Реи, начала исчезать. Вероятно, лучше всего было бы выспаться до начала этого эксперимента, но Дэйлу так не терпелось проверить, сработает ли его уловка.

И тут началось землетрясение, перед которым померкли все предыдущие, землетрясение высшего класса, сместившее целые пласты грунта. Все вокруг запрыгало. С утеса полетели валуны, и сама гора зашаталась. Десяток потоков лавы побежал по склонам вулкана. Дэйл уже был уверен, что весь утес сейчас рухнет в море, когда тряска начала утихать. Грунт все еще дрожал, вулкан то и дело грохотал, но основной толчок миновал.

Дэйл глянул вдоль утеса туда, где стояла полузасыпанная грязью и камнями «Майя». Слава Богу, люк не засыпало. На корпусе появилось несколько вмятин, но Дэйл не увидел серьезных повреждений.

Затем Дэйл резко остановился, не в силах поверить собственным глазам. Из трещины в скале позади корабля лилась вода, литры и литры прекрасной, прозрачной, искрящейся воды. Воды, которую можно пить целую вечность. Столько воды, что в ней мог плавать целый космический корабль.

Дэйл подавил безумное желание броситься в этот поток. В скафандре он все равно бы ничего не почувствовал. Нужно пойти на корабль... найти ведро... ну, хоть что-нибудь, во что можно было набрать воды. Зрелище такого количества прекрасной, зря пропадающей воды буквально сводило его с ума. Дэйл ринулся к люку, затем сменил направление и поспешил к краю обрыва. Может, Флеминг не пережил землетрясение. Но нет, он по-прежнему шел по камням, поднимаясь по склону к кораблю. Дэйл замахал руками, как будто плывет и одновременно пьет. Флеминг некоторое время смотрел на него, затем пожал плечами и двинулся дальше. Если он и раньше подозревал, что Дэйл немного тронулся, то теперь был в этом уверен. Ну, как бы там ни было, все разъяснится позже. Главное сейчас сохранить хотя бы часть этой воды.

Странно, как трудно найти в космическом корабле хоть что-то, напоминающее ведро. Была кухонная посуда, но все емкости там были маленькие. Наконец, Дэйл вышел из корабля со стеклянным контейнером из холодильника. Через несколько минут он уже вернулся, неся полный контейнер воды. Сорвал шлем, налил целую чашку воды и залпом проглотил ее. О, как восхитительна была эта вода! Он выпил еще чашку, и еще. Вода буквально смывала с него усталость. Бессменная вахта теперь закончена, у него много воды, и он может наслаждаться отдыхом, который так долго обещал себе.

Он сорвал с себя скафандр и бросился на койку. Он так устал, что даже зарычал от наслаждения. Сон теплой волной охватил его...

Дэйл проснулся с ощущением, словно был жертвой какого-то алхимического эксперимента, имевшего весьма неприятные последствия. Руки и ноги, казалось, были налиты свинцом. Они почти не гнулись и горели, когда Дэйл с трудом слез с койки. Во рту все горело, в горле саднило, словно он наглотался чего-то едкого.

Он ожидал после пробуждения испытать ощущение обновления, но вместо этого чувствовал совсем иное. Электрические часы показывали, что он проспал всего лишь час. Он потащился к столу, взял чашку воды и вылил ее в сухое горло. Выпил еще одну чашку, а третью вылил себе на голову и лицо. Холодная вода обожгла кожу, и вскоре Дэйл почувствовал себя еще хуже, если это, конечно, было возможно. Что-то он должен был сделать, но что именно? Сидя за столом, Дэйл обхватил руками голову и попытался думать.

Флеминг! А где Флеминг? К этому времени он, разумеется, должен был вернуться. Со смутным ощущением чего-то непоправимого, которое грызло его изнутри, Дэйл с трудом натянул скафандр и вышел наружу. Над вулканом все еще мерцало пламя, облака пара по-прежнему плыли над морем. Но Флеминга не было нигде в поле зрения. Больше того, не было никак доказательств, что он вообще вернулся снизу.

Чувствуя тошноту и головокружение, Дэйл понял, что не будет ему никакого отдыха, пока он не найдет своего напарника. Он пустился вниз по склону, туда, где последний раз видел Флеминга. Когда он оказался внизу, то едва мог стоять на ногах, но упрямо пошел дальше. Теперь он был почти у самого моря. Еще поворот, и он окажется на мысе, где стоял Флеминг. Он должен быть там. И он там был!

Дэйл попытался позвать его, но язык так распух, что слова застряли в горле. Наконец, ему удалось прохрипеть:

— Флеминг! Флеминг!

Флеминг не шевельнулся. В тусклом свете фигура его дрогнула, как-то расплылась и на мгновение, казалось, исчезла совсем. Дэйл снова позвал его. И... был услышан. Флеминг повернулся и медленно пошел по мысу. Вот только пошел он не в том направлении. Он стал уходить дальше в море вместо того, чтобы вернуться к утесу.

— Флеминг, сюда!

Флеминг остановился у края моря, склонив голову набок, словно к чему-то прислушивался. Потом выпрямился, будто услышал какой-то сигнал, и пошел дальше к морю. А по камням навстречу

ему двинулось какое-то существо. Существо с руками и ногами, напоминающими человеческие, но только покрытые гладкой, лоснящейся кожей, и с глазами навывкате, точно у саламандры. И это существо схватило Флеминга своими кожистыми руками. Флеминг не сопротивлялся. Он лежал у него на руках с откинутой назад головой и свисающими безвольно, как у куклы, руками и ногами.

Дэйл бросился к ним. Существо повернулось и глянуло на него полуприкрытыми тяжелыми веками глазами. Рот его изогнулся в усмешке, какую можно увидеть у жаб или тритонов. Затем движением, слишком близко, чтобы глаз успел за ним проследить, существо исчезло со своей добычей за выступом скалы.

Дэйл попытался последовать за ним, но был слишком слаб, и через десяток шагов ноги его окончательно вышли из строя. Скала под ногами была твердой, как камень, с торчащими из нее острыми, точно бритва, осколками. Долгое время он лежал на них, слишком обессиленный, чтобы двигаться. Затем с трудом поднялся на ноги и потащился к горе. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он все же добрался до уступа, на котором стояла «Майя», но все же добрался. Несмотря на то, что он был страшно усталым и едва мог отрывать от земли ноги, голова стала яснее, а прежняя тошнота прошла. Он постоял на уступе, глядя вниз на море с ужасом, смешанным с каким-то восторгом. Теперь, когда он хорошенько разглядел одно из этих существ, часть страха исчезла. Они были грозным противником, но все же не выглядели абсолютно неуязвимыми. Где-то у них должна быть Ахиллесова пята, и Дэйл обязан найти ее.

Во время поисков корабля он двигался, буквально нащупывая каждый свой шаг. На вершине вулкана мерцал бледный голубоватый свет, словно в глубине планеты горел гигантский костер. Но когда он добрался до корабля, из трещины в скале с радостным журчанием по-прежнему текла вода. Это было единственным благодеянием, которое оказал ему вулкан.

Ярко освещенные внутренние помещения корабля представляли желанный контраст суровому миру снаружи. Сняв скафандр, Дэйл первым делом проверил запасы продовольствия. Лишь час назад он не мог даже думать об еде, но сейчас почувствовал зверский голод. Он сунул в духовку сосиски и банку овощного супа, затем откинулся на койке и стал обдумывать события, начиная с их приземления на Сатурн. Его странная болезнь... Флеминг на руках земноводного существа... возвращение обратно на утес.

Должно быть, он уснул сидя, потому что, когда взглянул на таймер духовки, стрелка стояла на нуле. Дэйл зевнул и замигал, стараясь стряхнуть с себя сон. В рубке казалось необъяснимо темно.

Внезапно жесткая кожаная полоса обвила ему грудь. Дэйл изо всех сил рванулся с койки, но вторая полоса обвилась вокруг него, привязав руки к туловищу. Дэйл стал крутиться и извиваться, но все было бесполезно. Полосы только сильнее напряглись.

В тускнеющем свете он с трудом различил лицо, склоняющееся к нему, лицо с выпуклыми глазами рептилии и широким разрезом рта, уголки которого было приподняты в застывшей самодовольной улыбке.

Глава 16. Внутри Сатурна

– Что я вам говорил? – донеслось до Дэйла.

– Дайте ему больше воздуха.

Странно было слышать человеческие голоса, говорящие так, словно они были уверены, что он их не услышит. Все это напоминало смерть и воскрешение. Только, в отличие от того, о чем он читал в книгах, Дэйл был совершенно уверен, что жив. Фактически, он чувствовал себя даже очень живым и стремился понять, что с ним произошло. А голоса были такие знакомые.

Дэйл открыл глаза.

Над ним склонился Таггерт и энергично растирал ему руки. Грубое, в синяках, лицо капитана озарилось усмешкой, когда Дэйл шевельнулся. Было время, когда Дэйл считал, что у капитана самое безобразное лицо на свете, но сейчас оно показался очень красивым.

– Я же говорил, что хорошего человека не так-то просто убить, – проворчал капитан.

Дэйл сел и огляделся. Здесь была вся команда: Флеминг, Таггерт, Коллинз, Чак, Макаллистер и все остальные. Дэйл почувствовал себя так, словно вернулся домой.

– Наверное, я должен задать стандартный вопрос, – усмехнулся в ответ Дэйл. – Так где же я?

К нему подскочил Коллинз.

– Да все еще на Сатурне. Если быть точным, на глубине примерно в несколько сотен метров, в подземном бункере, в котором местные жители держат особых гостей. Мы уже поняли, что вся планета тут пронизана пещерами, туннелями и такими, как это, помещениями. Я бы не удивился, если бы оказалось, что они докопались до самого ядра.

Дэйл уже достаточно пришел в себя, чтобы поинтересоваться окружающим. Стены помещения, казалось, были вырезаны в ка-

кой-то светлой магматической породе, вероятно, в граните, местами так отполированными, что буквально сияли. Помещение было совершенно утилитарным. Никаких там украшений, резьбы и прочего. Освещена камера была чем-то вроде ровного полярного сияния, очевидно, инициированного в самом воздухе. Самым удивительным и приятным было то, что тут был настоящий воздух или по крайней мере, кислород, смешанный с нейтральными газами в тех же пропорциях, что и на Земле.

— Ну, скажу я вам, тут совсем не дурно для Сатурна, — заметил Дэйл. — По крайней мере, куда лучше, чем наверху.

— Жил я в отелях и похуже, — отозвался Макаллистер. — Обслуживание номеров тут тормознутое, но пожаловаться не на что.

— А сколько же времени вы здесь? — спросил Дэйл.

— Немногим дольше, чем вы сами высадились на Сатурне, — ответил Макаллистер. — Только мы прилетели сюда с сопровождением. Мы мало что можем сказать о том, как сатурниане захватили нас на Титане. Нас просто поймали, сунули в «Альбатрос» и взлетели. Все произошло так быстро, что мы и моргнуть не успели, как оказались в космосе.

Дэйл сочувственно улыбнулся.

— Они и за мной прислали команду захвата. Когда меня схватили, я не сумел вырваться.

— То же и я, — проворчал Таггерт. — Я попытался бороться с одним из этих земноводных. Они сами не сознают своей силы.

— Мы и не знали, что они оказали нам добрую услугу, пока не появился второй спутник, — продолжал Макаллистер и закрыл глаза, словно от приступа боли. — Он буквально врезался в Титан.

— Значит, лагерь уничтожен?

— Лагерь? Да там вдребезги разрушено все полушарие Титана!

— Но что это было?

— Мы бы сами хотели это узнать, — пожал плечами Макаллистер. — Об этом ничего не найдешь в книгах.

— Наверное, какой-то астероид, — заявил Дэйл. — Мы уже знаем, что есть астероиды, которые, как Идальго, долетают до Сатурна. — Он поднялся и прошелся, чтобы размять ноги, чувствуя боль от синяков на руках, где схватил его сатурнианин. — Ну, вы все выглядите вполне здоровыми, — продолжал он. — Кажется, они обращались с вами вполне прилично.

— Не можем пожаловаться, — в тон ему отозвался Коллинз. — Больше всего нас тревожит вопрос: и что будет дальше?

В камере повисла неловкая тишина. Очевидно, ответа на этот вопрос не знал никто.

— Что вы узнали до сих пор об этих существах, — спросил Дэйл.
— Вы вообще знаете хоть что-нибудь о них?

Флеминг сокрушенно покачал головой.

— Боюсь, что не очень много. Как ты и подозревал, у них есть что-то, вырабатывающее электромагнитную энергию на ограниченном участке. Так они выключали нам свет, не дали ракете взлететь и временно лишили нас памяти. Это касается всех процессов вплоть до атомного ядра.

— Должно быть, техника у них развита высоко, — пробормотал Дэйл.

— В этом уж будь уверен! — взорвался Коллинз. — Но одновременно... они до какой-то степени тупые.

— Верно, — проворчал Таггерт. — Например, они так и не поняли, что на «Альбатросе» осталась включенной несущая частота радиостанции.

— И это дало очко в нашу пользу, — сказал Чак. — Но, может, они специально оставили включенной несущую, чтобы оставшиеся члены команды бросились в погоню за «Альбатросом»?

— Ой, они не настолько умны, — скривился Коллинз.

— Они гораздо умнее, — заспорил Чак.

Макаллистер утомленно махнул рукой.

— Мне плевать, умны они или нет, — сказал он. — Меня больше интересует, чем мы тут будем питаться.

— Тихо, — шепнул вдруг Флеминг. — Кажется, они идут.

В дальнем конце камеры открылся люк, впуская внутрь пять существ того же типа, что Дэйл видел на «Майе». Люди смотрели в угрюмом молчании, как сатурниане раздавали еду, двигаясь такими же порывистыми движениями, как земные рептилии и амфибии. Внешность их в основном отвратительно напоминала гротескные карикатуры на людей. Напоминала какими-то отдельными черточками, дававшими в памяти вспышки узнавания. Взять хотя бы того, что стоял на страже у люка. Сколько раз все встречали на Земле в парке людей, которые смотрели на вас со скамеек с тем же самым бессмысленным выражением глаз? А их самодовольные улыбочки? Разве они не были копиями усмешки человека, удовлетворенно откинувшегося на стуле после сытного обеда?

Постепенно Дэйл с неприятным ощущением понял, что сатурниане оказывают ему особое внимание. Затем, тщательно рассмотрев его, самый большой сатурнианин, казавшийся главным, осторожно потянул его за руку, в то время как остальные встали вокруг полукругом, безмолвные, точно статуи.

— Похоже, они жаждут твоей компании, — сказал Коллинз.

— Но почему они решили выбрать меня, — встревоженно пробормотал Дэйл.

— Ты был последним, кого притащили сюда. Может, они думают, что ты у нас главный?

— И что мне теперь делать?

— Иди с ними. Что ты еще можешь делать? — пожал плечами Флеминг.

Было ясно, что сатурниане хотели, чтобы Дэйл пошел с ними. Пока все беспомощно наблюдали. Дэйл натянул скафандр и кивнул своим пленителям, что поступает в их распоряжение. Главный сатурнианин, который, казалось, глядел на Дэйла с каким-то уважением, провел его через люк во внешний коридор с гордой улыбкой дворецкого, провожающего почетного гостя в приемный зал. Его повели по коридору, переговариваясь странными, гортанными голосами, и вся их беседа, казалось, состояла сплошь из вопросов и ответов. К своему удивлению, Дэйлу показалось, что временами он улавливает обрывки знакомо звучащих фраз. Дважды он решил, что услышал слова «имеет дело», а несколько раз был совершенно уверен, что слышит слово «ладно», повторенное в быстрой последовательности. Он ожидал встретить на Сатурне много странного, но не до такой же степени.

Сначала Дэйл пытался запомнить путь, по которому его вели, но вскоре бросил это безнадежное дело. Это походило на попытку запомнить расположение всех проходов в губке. Стены же были так исцарапаны, что за доступные ему секунды невозможно было оставлять на них хоть как-то заметные знаки. Поэтому Дэйл шел со своими похитителями, куда там они его вели, без малейшей надежды вернуться.

Примерно через час таких блужданий они остановились перед металлической дверью — единственным искусственным элементом в лабиринте, какой им встретился. Дверь скользнула в сторону, открывая какую-то обтекаемую капсулу с люком, как у космического корабля. Главный в их группке повернул колесо в центре люка, откинул крышку и толкнул Дэйла внутрь. Главный сатурнианин втиснулся следом, люк захлопнулся, затем открылся внутренний, ведущий в большую камеру, напоминающую сферу. Здесь не было ни мест для сидения, никаких других удобств — просто пустое пространство со светящимися стенами. Поколебавшись, Дэйл прошел внутрь и сел прямо на пол посреди сферы. Сатурнианин закрыл люк, нажал какую-то кнопку и сел возле него с безмятежной улыбкой на его широкой физиономии.

Целую минуту ничего не происходило. Затем у Дэйла появилось знакомое ощущение в животе. Значит, сфера падала, причем очень быстро. Постепенно неприятное чувство стало слабеть. Выходит, его везли куда-то вглубь планеты явно с какой-то гнусной целью, ради которой эти существа тратили большую часть своих жалких жизней. Дэйл бросил неровный взгляд на существо, сидящее рядом с ним. Оно казалось крепко спящим, протянув руки и ноги так, словно ничто в мире его не тревожило.

Пока они падали минуту за минутой, Дэйла все больше угнетало ощущение о миллионах и миллиардах тонн камней над ними. *Давление*. Как мало известно о нем. Ученые проводили множество экспериментов с низким давлением или в вакууме, но высокое давление почти не изучали. Дэйл знал, какие странные вещи происходят с материей, подвергаемой ужасному давлению. Это было все равно что попасть в иную вселенную, где электричество выкидывало странные трюки, а газы превращались в твердое вещество. Но все же само по себе давление не было препятствием для жизни, о чем свидетельствуют хрупкие морские создания, обнаруженные на дне океана. Чтобы существовать под высоким давлением, животное всего лишь должно уравнивать свое внутреннее давление с внешним.

Наконец, они стали тормозить. У Дэйла снова возникло знакомое ощущение, что его желудок проваливается куда-то вниз. Сатурнианин вяло пошевелился и приоткрыл глаза, прикрытые тяжелыми веками, пристально глядя на Дэйла с таким выражением удовлетворения, с каким мог смотреть отец на своего единственного, любимого сына. Затем сферу легонько тряхнуло. Сатурнианин поднялся на то, что заменяло ему ноги. Они прибыли.

Глава 17. Перед Советом

Если прежде в сфере царила глубокая тишина, то теперь из-за стен доносились какие-то звуки, скрежет и звон, словно там работали какие-то мощные механизмы. Сатурнианин оставался невозмутимым, улыбался своей спокойной, самодовольной улыбкой, и лишь изредка мигал. Чем дольше они находились вместе, тем сильнее в Дэйле росло убеждение, будто они уже где-то встречались. Это было трудно согласовать с тем фактом, что Дэйл впервые прилетел на Сатурн, но чувство, тем не менее, не исчезало. И только сейчас, пока они летели куда-то вниз, у Дэйла сверкнуло воспоминание. Этот сатурнианин был никем иным, как Ланселотом, старым приятелем его детства, только увеличенным примерно в тысячу раз. В детстве Дэйл жил возле озера, на берегу которого провел много счастливых часов, играя с процветающими там сала-

мандрами. Одну саламандру он назвал Ланселотом в честь своего любимого героя, и она стала его питомцем. Это было одно из многочисленных счастливых воспоминаний его одинокого детства, и Дэйл горевал много дней, когда Ланселот исчез в пасти особенно крупной зеленой змейки. Теперь же он почувствовал некоторое раздражение от того, что их позиции оказались изменены на обратные. Теперь он стал домашним любимцем, а Ланселот – хозяином.

Ланселот ввел его в шлюз и нажал кнопку, открывшую внешний люк. Дэйл напрягся, ожидая, что внутрь ворвется волна и собьет его с ног, но ничего такого не произошло. За люком оказалась еще одна сфера, нечто вроде батисферы, размерами только-только для одного человека.

Дэйл с некоторым недоверием заглянул внутрь сферы. Сатурнианин махнул рукой, явно показывая, что он должен лезть туда. Но Дэйл все еще колебался, и внезапно его осенило.

– О'кей? – спросил он.

Ланселот прямо-таки лучился довольной улыбкой.

– О'кей! О'кей! – прокаркал он.

Больше Дэйл не колебался и полез в батисферу.

И началась самая странная часть поездки. Через толстые иллюминаторы в боках батисферы Дэйл видел, что находится в пространстве, заполненном каким-то странным веществом, не жидким и не газообразным, но обладающим свойствами и того, и другого. Больше всего это напомнило ему гороховый суп, только прозрачный и слабо освещенный. Предметы в радиусе сотни метров были вполне видны, но дальше размывались и тускнели, как расфокусированные изображения движения на экране.

Окружающий пейзаж напоминал массу ирисок, скрученных и искаженных в самые невероятные формы, а затем охлажденных. Дэйл заподозрил, что все это было создано каким-то катаклизмом, при котором водород в турбулентном состоянии внезапно стал твердым от гигантского давления. Стены в некоторых местах были исполосованы узкими венами серебристого вещества – вероятно, водорода в металлическом состоянии. Были тут и другие минеральные структуры, происхождение которых он вообще не мог определить: гигантскими кристаллы, растущие из скал, точно лепестки цветов, и огромные сталактиты, свисающие с потолка пещеры, как блестящие сосульки.

Но самым удивительным был вид самих здешних обитателей. Все вокруг прямо-таки кишело ими. Они усеивали стены пещеры и сидели буквально друг на дружке. Они прыгали вокруг батисферы, прижимали к иллюминаторам свои усмехающиеся физиономии,

рассматривая невиданное создание внутри. Они не передвигались обычным образом — не ходили и не плавали, они *текли*.

Постепенно местность, по которой плыла батисфера, начала изменяться. Стены расступались, свет становился все ярче. Наконец, батисфера оказалась в естественном амфитеатре, образованного многоярусными стенами высотой в несколько сотен метров, которые покрывали лежащие в разных позах сатурниане. Но в отличие от тех, что были снаружи, они лежали так неподвижно, что нужно было внимательно присмотреться, чтобы понять, что они живые, а не набитые опилками чучела. Иногда кто-нибудь из них внезапно как бы оживал и принимался махать руками, в то время как его коллеги смотрели как-то обиженно, словно раздражаясь, что нарушили их отдых. Но большей частью они сидели неподвижно, в фиксированных позах, как будто не могли или не хотели сменить свои напряженные позиции.

Посреди арены была возвышенность, занятая тремя сатурнианами, которые глядели, как плывет батисфера. Они чем-то неуловимым отличались от находящихся на ярусах, хотя трудно было понять, чем именно: может, более толстая кожа, более удлиненный хвост, более мощные мышцы шеи. Но больше всего Дэйла поразили вид второй батисферы. Если бы не смутное освещение, он был бы уверен, что находящийся в той батисфере очень напоминал человека!

Дэйл, который вжимался в дальнюю стенку своей клетки в стремлении скрыться от любопытных взглядом сатурниан, теперь, напротив, прижал лицо к стеклу иллюминатора, стараясь рассмотреть своего товарища по плену. И у него буквально дыхание сперло в горле. У того человека было похожее — да что там похожее, именно оно! — лицо человека с изогнутой верхней губой. Именно этого человека он видел ночью на Рее.

Батисфера приближалась, пока Дэйлу не стало четко видна другая батисфера, а так же трое судей на возвышении. Появившийся снаружи Ланселот коснулся чего-то на боку батисферы, и тут же в нее ворвались звуки.

— Итак, вы, наконец-то, здесь, — услышал Дэйл доброжелательный, если не сказать, сердечный голос.

— У меня что-то не было большого выбора, — рассмеялся Дэйл.

— Знаете ли, вам не следовало оказаться здесь, — в голосе его собеседника послышалась слабая нервозность.

— Вот как? А мне казалось, что меня сюда притащили силой.

— О, я имею в виду другое. Не должны были прилетать на Титан... да и вообще в систему Сатурна.

— Я действовал согласно приказу. Я прилетел сюда основать колонию.

— Да, наверное, это правда. Но это, разумеется, не имеет особого значения.

— А мы, случайно, не встречались с вами раньше? — спросил Дэйл. — Что-то мне ваше лицо...

— Наверное, губы, — его собеседник коснулся пальцами своих губ. — Простите, что я не представился. Мартин Дирборн Третий к вашим услугам.

Дэйл с лихорадочным любопытством уставился на него.

— Вы хотите сказать, что вы — сын капитана Дирборна?

— Я его внук. Третье поколение. Родился здесь, на Сатурне.

— И вы прожили всю жизнь в этом... в этом месте?

— А это так плохо? — спросил в ответ Дирборн.

— Ну, я бы не избрал его своим домом.

— А я понятия не имею, потому что не знаю никаких других мест.

— Я думаю, — задумчиво протянул Дэйл и тут спохватился: — А я Дэйл Саттон из Космической Академии.

— Я это знаю, — сказал Дирборн. — Я уже довольно долго знаю о вас все.

— Ну, в таком случае, — решительно заявил Дэйл, — вы скажете мне, что все это значит. Что эти существа собираются сделать со мной?

— Существа?

— Сатурниане, жители этой планеты или как там вы их называете.

Дирборн внезапно разразился потоком гортанных звуков, очевидно, обращаясь к окружающим сатурнианам. Двое из них передвинули его шар поближе, так, что обе сферы почти соприкоснулись.

— О'кей! О'кей! — сказал он. — Теперь мы можем поговорить по-настоящему.

— Я услышал слово *о'кей*? — усмехнулся Дэйл.

Губы Дирборна изогнулись в улыбке.

— Я могу неплохо разговаривать на их языке, но лишь несколько из них потрудились частично изучить наш язык. В конце концов, а почему они должны его изучать? Они... Нас здесь теперь так мало.

— Вы хотите сказать, что на Сатурне есть и другие мужчины?

— *И мужчины, и женщины*, — поправил его Дирборн. — Первоначальные колонисты были многочисленны, но теперь остался лишь десяток их потомков.

— И что же сатурниане сделали с ними?

— Да ничего особенного. Они просто хотели держать их под контролем. Сатурниане совершенно отличаются от таких людей, как

мы с вами. Они застряли в ужасной колее... — Он резко прервал себя. — Расскажу вам об этом позже. А сейчас Совет хочет задать вам несколько вопросов.

— Совет?

— Группа, собравшаяся здесь. Фактически, они выполняют именно эту функцию. Теперь начинаем. Они хотят знать, сколько времени вам потребовалось, чтобы добраться сюда.

Следующие три часа Дэйл потратил на ответы трем сатурнианам на возвышении, а также тем, кто лежал на ярусах амфитеатра. Большею частью вопросы были достаточно тривиальные, касавшиеся устройства космических кораблей и принципов их действия. Кроме того, одни и тех же вопросы задавались по многу раз. Таким образом, Дэйл был вынужден раз десять рассказать им, зачем ему нужно было измерять магнитное поле Титана. Он объяснил сатурнианам, что эти сведения не имеют ни малейшего практического применения. Он делал измерения просто потому, что хотел получить новые знания. Но разве не любые знания имеют практическое значение для экспедиции, спросили сатурниане. Дэйл признал, что нет. Тогда зачем нужна вся эта работа? Дэйл не смог им объяснить. Сатурниане, казалось, были неспособны улавливать идеи, которые не вели к непосредственной материальной пользе.

Наконец, Дирборн сообщил ему, что на данный момент сатурниане удовлетворены, и беседа закончена. К этому времени Дэйл не только чувствовал себя полностью вымотанным, но и был зол на своих похитителей. Ему казалось, что они потратили столько усилий, чтобы перевезти его на несколько тысяч километров вглубь планеты лишь для того, чтобы задать массу никчемных вопросов, не показывающих ничего, кроме их собственной глупости и невежества. Но все же сатурниане должны быть умными существами, поскольку обладали техническими знаниями высшего порядка.

Три члена Совета смотрели на них с возвышения, а то время как лежащие на ярусах зевали и монотонно раскачивались. Дэйл почувствовал, как его батисфера пришла в движение.

— Когда меня выпустят отсюда? — крикнул он Дирборну.

— Довольно скоро.

— Но я уже устал торчать здесь взаперти.

— Вы не можете сейчас выйти. Вас здесь раздавит в лепешку.

— Я знаю. Но что будет потом?

Ответа Дэйл так и не услышал, так как в этот момент система связи была выключена, и в шаре воцарилась полная тишина. Он опустил на пол гондолы, притворяясь, что не замечает пялившихся на него во все иллюминаторы сатурниан. Затем сделал рез-

кий выпад и со всей силы стукнул кулаком в стекло. Сатурниане прыснули от него во все стороны, но через несколько секунд вернулись в еще большем количестве. Тогда Дэйл перестал бушевать и сел на пол, глядя вперед, слишком несчастный и уставший, чтобы думать о том, что будет с ним дальше.

Вскоре стало ясно, что он возвращается тем же путем, каким приехал сюда. Он узнал одно образование, напомнившее ему матушку-гусыню и одновременно огромный блок горного хрусталя. Затем был воздушный шлюз, ведущий к лифту. Его настроение тут же стало улучшаться.

Полчаса спустя они с Ланселотом вышли из лифта в тот же природный лабиринт, которым пришли. Четыре сатурнианина все так же ждали их, но была ли это та же самая четверка или просто похожая, Дэйл не смог определить. Ему показалось, что те же самые, поскольку он уже замечал небольшие различия в чертах лиц: у одного был вздернутый нос, у другого глаза расставлены шире обычного, а третий, в отличие от остальных, все время о чем-то болтал. *Неужели настанет время, когда их лица будут казаться такими же разными, как и у людей?* – подумал Дэйл.

Вся группа остановилась перед дверью в стене. Ланселот провел его через шлюз. Дэйл взглянул на собравшихся в комнате людей. Как приятно было оказаться среди себе подобных!

– Ну, вот я и здесь...

Слова застряли у него в горле, поскольку Дэйл увидел, что это не члены экипажа «Альбатроса», а совершенно незнакомые мужчины и женщины, уставившиеся на него теми же нетерпеливо-любопытными выражениями лиц, что и амфибии внизу. Это было словно пробуждение среди восковых фигур.

Из соседней комнаты вышел Дирборн с какой-то книгой в руке.

– Как прошло возвращение, хорошо? – спросил он. – Я хотел сказать вам, когда нас рассоединили. – Взмахом руки он указал на собравшихся в комнате. – Это те люди, о которых я вам говорил, последние потомки прославленного капитана Дирборна и членов его экспедиции.

Глава 18. Захватчики

Дэйл неуверенно поклонился.

– Как у вас дела? – пробормотал он.

Никто не ответил и даже не пошевелился. Под их пристальными взглядами Дэйл стал волноваться.

– Боюсь, они не знакомы с социальными условностями, – извинился Дирборн. – Я лучше знаю ваш язык и обычаи, потому что

тщательно изучал движущиеся изображения и микрокниги, которые привезли сюда наши первоначальные предки. Кроме того, хочу себе польстить, что я унаследовал вместе с заячьей губой и исследовательский дух своего деда. Но мои товарищи пошли путем сатурниан. Они ведут себя, как сатурниане. Мыслят, как сатурниане. И несмотря на внешность, они – сатурниане.

Дэйл устало огляделся.

А не принесет ли мне кто-нибудь стакан воды?

– Конечно. – Дирборн кивнул одной из женщин. – Клара, принеси пожалуйста, кувшин воды в мою студию. – Он взял Дэйла за руку. – Давайте пойдем туда и все обсудим.

Дэйл последовал за ним в следующее помещение, которое явно использовалось для исследовательской деятельности. Посредине был длинный стол, заваленный бумагами и письменными принадлежностями, по стенам висели полки с книгами. Витало здесь какое-то мистическое очарование. Все это очень напоминало кабинет некоего средневекового ученого или чародея.

Когда они сели за стол, женщина принесла кувшин с водой и стаканы.

– Спасибо, Клара.

Дирборн наполнил стаканы и хотел было передать один Дэйлу, но передумал, поднес стакан к своим губам и осторожно попробовал его содержи мое. Затем кивнул и передал другой стакан Дэйлу.

– Пожалуйста... Пейте, сколько хотите. Это совершенно безвредно.

Дэйл сделал большой глоток. Вода была очень холодной и освежающей.

– Один из нескольких плюсов, которые я обнаружил на этой планете, – сказал он, допив стакан.

Дирборн насмешливо поглядел на него.

– Возможно, до сих пор вам просто везло, – сказал он.

– О чем это вы?

– Далеко не вся вода на этой планете годится для наших организмов.

Дэйл прищурился. Какое-то подозрение зашевелилось у него в голове.

– В кувшине чистая вода, – успокаивающе добавил Дирборн. – Но, к сожалению, на Сатурне существует два вида природной воды. Чаще встречается H_2O – водородный монооксид, – какой вы привыкли пить на Земле. Но есть также и источники тяжелой воды, монооксид дейтерия – D_2O , – которая совершенно иная.

– Вы хотите сказать, что на Сатурне столько дейтерия? – воскликнул Дэйл.

– Не забываете, что это водородная планета, – сказал Дирборн. – Мы нашли источники, в которых концентрация дейтерия составляет целых десять процентов.

– Так вот что случилось со мной! – Дэйл налил себе второй стакан. – Но как вы можете их отличить, не производя анализов?

– Если концентрация выше пяти процентов, воду можно различить по вкусу.

– Появляется жгучее ощущение?

– Вот именно. Только вы сами никогда бы не заметили этого.

Дэйл мрачно рассмеялся своим воспоминаниям.

– Я понять не мог, что со мной происходит. Я был совершенно выведен из строя, ошеломлен. И стал винить за это сатурниан.

– Ну, мы не можем винить во всем их. Хотя они приложили все силы, чтобы выжить вас из системы Сатурна.

– Я бы сказал, что они вполне успешно справились с этой задачей. Дирборн внезапно посерьезнел.

– Во время войны с Сатурном вы, в конечном итоге, победите. Поначалу вы понесете некоторые потери, но в конце концов победите.

Дэйл улыбнулся, услышав, что Дирборн использовал слово «вы». Подсознательно он идентифицировал себя с сатурнианами.

– Я пока что не вижу, какие у нас могут быть преимущества, – заметил Дэйл. – Должен сказать, что технически сатурниане далеко опередили нас.

Но Дирборн отрицательно покачал головой.

– Пятьсот лет назад не было бы ни малейших сомнений относительно результатов. Сатурниане победили бы нас без особого труда. Сто лет назад, я думаю, они тоже победили бы, хотя и не так легко. Но сегодня... не знаю.

– Но у них должны быть невероятные технические средства. Например, сегодня они прокатили меня в скоростном лифте, о каком мы не можем и мечтать. А то, как они нейтрализуют излучающую энергию... – Дэйл в отчаянии взмахнул руками.

– Боюсь, проблема в том, что они уже не способны развиваться дальше, – сказал Дирборн.

– Ну, вы знаете их лучше, чем я.

Дирборн склонился над столом и стал постукивать по нему указательным пальцем, словно подчеркивая свои слова.

– Сатурниане – жертвы собственного разума. Несколько веков назад никто в Солнечной системе не мог сравниться с ними. Они

знали все о гравитации, термодинамике и ядерном делении, когда вы на Земле еще возились с законами Кеплера.

– Насколько же далеко они опередили нас!

– Да, но затем они остановились в развитии. Они были так увлечены собственными талантами, что совершенно забросили фундаментальную науку и сосредоточились на развитии того, что уже знали. Всего того, у чего есть практическое применение. Ну, ладно, они создают удивительные устройства. Так можно протянуть долго, но все равно когда-нибудь достигнуть дна.

Дэйл сделал еще глоток воды.

– Почему же вы не расшевелите их? – спросил он немного спустя. – Почему не заставите размышлять над чем-нибудь новеньким? Они же все равно должны еще значительно опережать нас.

Глаза Дирборна вспыхнули.

– Вы думаете, это хорошая идея?

– Ну, это их уникальный шанс, – сказал ему Дэйл. – Вы знаете этих существ. Они доверяют вам. Под вашим руководством они могут стать доминирующей в Солнечной системе силой.

– Это вполне возможно.

– Просто позор, если они будут продолжать деградировать. Я вас предупреждаю, что мы на Земле развиваемся быстро. Еще лет пятьдесят, и у нас появится преимущество.

– А кого это заботит?

Дэйл недоверчиво посмотрел на него.

– Но вы же не можете просто топтаться на месте.

– Идите сюда.

Дирборн подошел к столу в углу комнаты, на котором на тяжелых каменных подставках лежали семь толстенных томов с металлическими застежками.

– В этих книгах описана история Сатурна за тысячи лет до того, как на сцене появился мой отец. Я думаю, мне понадобится еще лет двадцать, чтобы закончить ее. – Он открыл один из томов и мягко, почти нежно стал перелистывать страницы. – Здесь описаны события десяти тысяч лет, разумеется, десять тысяч сатурнианских лет. Конечно, трудно было все это написать. Я проработал семь лет только над одним этим томом.

Дэйл с любопытством смотрел на страницы. Прежде до него не доходило, что у Сатурна есть своя история.

– А это что? – спросил он, пробегая глазами абзац наверху страницы. – Здесь упоминается вторжение.

Дирборн снисходительно улыбнулся.

— Мой дорогой мальчик, вы же не предполагаете, что вы первые, кто когда-либо вторгнулся на эту планету? Сатурн пережил вторжения тысячи лет назад, когда люди еще считали Землю центром Вселенной и думали, что Луна и планеты вращаются вокруг нее в хрустальных сферах.

— Но откуда тогда были эти вторжения?

— Вы еще не знаете этого, но существует планета, примерно в пять раз крупнее Земли, вращающаяся вокруг Солнца на расстоянии шестидесяти астрономических единиц, с периодом оборота в четыреста шестьдесят пять лет. Я назвал эту планету Антерос. У меня есть причины верить, что вся жизнь в Солнечной системе пришла с Антероса. Эта планета была сформирована еще тогда, когда Земля и Марс были всего лишь протопланетными сгустками материи. Ее обитатели достигли высокого развития цивилизации, когда кратеры на Луне еще только формировались, вероятно, задолго до возникновения Моря Дождей. Тысячи лет назад обитатели Антероса отправили флот исследовать и колонизовать Солнечную систему. Разумеется, Сатурн был одним из самых интересных объектов из-за своего кольца. — Он закрыл том и нежно поглядел на него. — Моей самой трудной задачей было найти надежные способы записи информации. Мне пришлось опросить тысячи сатурниан, чтобы найти тех, память которых еще уходит в далекие века ко времени вторжения Антероса. Я сделал столько заметок, что ими можно было бы заполнить сотню таких томов.

— Позвольте спросить прямо, — прервал его Дэйл. — Вы хотите сказать мне, что эта история основана на личных беседах?

— Это единственная записанная история Сатурна, — кивнул Дирборн.

— И вы говорите, что вам пришлось начать все с нуля?

Дирборн снова кивнул, не в силах скрыть свою гордость.

— А вам никогда не казалось странным, что на Земле лишь человек старается сохранить историю своей деятельности? Даже муравей — вероятно, самое разумное существо после человека, — кажется, заботится лишь о настоящем. Муравьев вообще не интересуют сражения, которые его предки вели десять тысяч лет назад с соседними термитниками.

— Не могу утверждать, что я когда-либо думал об этом, — признался Дэйл.

— У сатурниан нет никакой литературы. Они никогда не слышали о книгах, пока мы не прилетели сюда. Все их знания, все культурное наследие хранится в их памяти. Все, что они знают, они пере-

дают устно из поколения в поколение. У меня есть несколько хороших записей людей, которые достигли возраста свыше двухсот лет.

— Будущие истории должны быть вам благодарны.

Дирборн безразлично пожал плечами.

— Я как-то не думал над этим.

— Все прекрасно, но какой в этом смысл? — нетерпеливо воскликнул Дэйл. — Зачем это вам? Вы же сказали, что сатурниане понятия не имеют о книгах. А вы, вероятно, умрете, прежде чем о вашем труде узнают на Земле.

— Я не уверен, что в этом вообще есть смысл, — ответил Дирборн.

— Я начал писать историю, когда еще был совсем молодым человеком, я просто хотел тогда как-то провести время, развлечься. Я стал прослеживать взлет и падение династий. Люди, жившие тысячи лет назад, стали для меня более реальными, чем мои нынешние соплеменники. И постепенно это стало самым важным в моей жизни.

— Но почему бы вам самому не творить историю, а не просто записывать ее? — спросил Дэйл. — Вы сами сказали, что сатурниане остановили нас сейчас, но они не смогут сдерживать нас вечно. Мы, земляне, упорный народ. У нас есть стимул, который не позволяет нам остановиться. И, в конце концов, мы завоюем эту планету.

Дирборн насмешливо глянул на него

— Вы забываете, сколько раз уже Сатурн проходил через это. Бывали времена, когда лихорадочная деятельность сменялась длительными периодами вялости, когда время, казалось, практически останавливалось. Сейчас мы находимся как раз в одном из таких периодов... возможно, близко к его концу. Не исключено, что сатурниан может побудить к действиям какой-нибудь молодой, энергичный человек, лидер, такой, например, как вы.

Дэйл вздрогнул. Дирборн словно читал его мысли.

— Не могу сказать, что я чувствую себя героем-завоевателем, — пробормотал Дэйл. — Нас разгромили. Мы здесь всего лишь совершенно беспомощные пленники. Даже базы, которую мы пытались построить на Титане, больше не существует. Вы знаете наверное... Скажите, что же произошло на Титане?

— На Титане? — Лицо Дирборна на секунду приняло озадаченное выражение, но затем он рассмеялся с каким-то сожалением. — Несчастный случай, да? Вы когда-нибудь слышали о Фемиде?

— О Фемиде? — задумчиво повторил Дэйл. — Кажется, был такой спутник Сатурна, по крайней мере, астроном по фамилии Пикеринг считал, что обнаружил его в самом начале двадцатого века. Но с тех пор больше никто не мог его найти. Поэтому Фемида никогда не была включена в официальное семейство Сатурна.

– Да, Фемида – член семейства системы Сатурна. Точнее, *была* им, поскольку Фемида больше не существует. Фемиде не повезло, она столкнулась с Титаном.

– Но спутники Сатурна вращаются почти по круговым орбитам, – возразил Дэйл. – Они никогда не пересекаются.

– Все, кроме Фемиды, – кивнул Дирборн. – Отличающаяся от остальных, Фемида перемещалась по овальной орбите, растянутой за орбиту Гипериона в одном конце и до внутренней орбиты Титана в другом.

– Звучит так, словно она была пришлой в этой системе.

– Вероятно, она являлась захваченным астероидом, – со вздохом согласился Дирборн. – Во всяком случае, ее существование теперь завершено. Отныне Титан и Фемида будут вращаться вокруг Сатурна, как единое тело*.

– А я-то считал, что в системе Сатурна ничего уже не будет происходить, – с сожалением сказал Дэйл.

– Даже Пикеринг отмечал возможности столкновения Фемиды с Титаном, – добавил Дирборн. – Это можно найти в его публикациях Обсерватории Гарвардского университета.

Дэйл изо всех сил пытался скрыть свое растущее нетерпение.

– Все это очень интересно, но не решает наших проблем. Как мы можем сбежать из этого дворца с привидениями?

– Тут настолько плохо? – небрежно спросил Дирборн. – Но с вами ведь обращаются достаточно хорошо, разве не так?

– Вы прожили здесь всю свою жизнь, – с горечью закричал Дэйл. – Вы не видели ничего другого. Но с нами все иначе. Мы или выйдем отсюда или умрем.

Дирборн слегка нахмурился.

– Боюсь, что я не могу сделать того, что вы думаете. Сатурниане предоставили мне значительную свободу и даже приходят ко мне время от времени за советами. Но, в целом, я весьма похожу на тех бесполезных созданий, которых некоторые насекомые держат в качестве домашних животных.

– Я не собираюсь стать чьим-то домашним животным! – с негодованием заявил Дэйл.

– Это не такая уж плохая жизнь.

– Вы должны нам помочь! – отчаянно воскликнул Дэйл. – Вы так долго вели оранжерейное существование, что не представляете,

* В результате коллизии период обращения Титана был сокращен на 2,37 дня (прим. автора)

что значит жить под открытым небом, в борьбе, как люди. Ваш дедушка был борцом. Или вы забыли об этом?

Дирборн устало махнул рукой.

— Тем более бесполезно вести со мной такие разговоры, — спокойно сказал он. — Меня не волнует, что думаете обо мне вы или ваши люди, хотя я не столь равнодушен к вашему благосостоянию, как вы, вероятно, предполагаете. Исследование истории совершенно изменило мою точку зрения, — продолжал он, говоря словно больше себе, чем Дэйлу. — Для меня больше не существует ни прошлого, ни будущего, одно лишь вечное настоящее. Я не отличаю события, произошедшие десять тысяч лет назад, от тех, что происходят сегодня.

Дэйл хотел было его прервать, но Дирборн торопливо продолжал:

— Почему же меня должно заботить то, что происходит с вами или что вы думаете обо мне? Разве вы не понимаете, что вы — всего лишь самое мелкое событие в истории этой планеты? Почему меня должно заботить мнение человека, жившего давным-давно? Видите ли, вы вообще для меня не настоящие. Но я обеспокоен, что вы можете быть одним из древних захватчиков с Антероса.

Дэйл молчал, но глядел на Дирборна так пристально, словно видел его впервые. Дирборн склонился над столом, не спуская с Дэйла глаз.

— А теперь давайте перейдем к фактам. Совет, перед которым вы уже представляли, будет рассматривать ваш случай. Независимо от моих личных суждений, я склоняюсь к тому, чтобы помочь вам. Решение Совета будет передано мне. Я сообщу о нем сразу же, как только узнаю.

— И как вы думаете, что они сделают с нами?

— Вероятно, мало чего. Просто будут держать вас здесь, как и нас. Они, скорее, расположены в вашу пользу. — В глазах Дирборна мелькнул намек на улыбку. — Видите ли, вы вели себя тут мирно и не пытались никого ранить.

— У нас просто не было возможности защищаться, — возразил Дэйл. — Мы не пробыли здесь и десяти часов, как все наше оружие было украдено... — Он резко замолчал, с подозрением уставившись на Дирборна. — А не вы ли это...

Дирборн опять вяло махнул рукой.

— Возможно, я имел к этому некоторое отношение.

— Значит, вы и виновны в том, что мы очутились здесь. Теперь вы можете помочь нам выбраться отсюда.

Дирборн вздохнул.

— Как я уже сказал, я ничего не могу сделать, пока Совет не примет решение.

— И сколько времени это займет?

— Трудно сказать. Несколько дней... неделю... возможно, месяц.

— А мы, тем временем, должны сидеть без дела, пока эти амфибии все решают за нас?

— Вы обнаружите, что время пройдет быстрее, чем вы думаете. Здесь много чрезвычайно интересных достопримечательностей, которые стоит увидеть. Так же у вас будет замечательная возможность размышлять — чтобы лучше узнать себя. Я уверен, что сатурниане устроят вас со всеми удобствами. Они ведь на самом деле очень доброжелательные существа.

— Позвольте мне сказать вам кое-что. — Глаза Дэйла сверкнули. — Я бы посоветовал вам держаться подальше от наших людей. Если они узнают, что это вы предложили украсть у нас оружие, то возникнут проблемы.

— Позвольте мне тоже дать вам совет, — сказал Дирборн, отбросив подтрунивающий, несколько свысока тон, и голос его прозвучал очень искренне. — Пожалуйста, наберитесь терпения. Я убежден, что все завершится вполне удовлетворительно.

Позади раздался скрип двери и звуки шагов. Дэйл резко обернулся. В комнату входил Ланселот. Дэйл к этому времени страстно желал, чтобы появился Ланселот и дал ему возможность закончить этот разговор. И вот он здесь.

— Ну, кажется, мне пора идти. Вот и Ланселот.

— Кто? — не понял Дирборн.

— Ланселот, мой стражник. Он напомнил мне саламандру, которая была у меня в детстве. Ее звали Ланселот.

Дирборн сердечно рассмеялся.

— Вы имеете в виду старого... — Он произнес какое-то слово, которое прозвучало так, словно состояло целиком из последних букв в алфавите. — Он прекрасный парень. И совершенно безобидный. Я знаю его уже тридцать лет. Он один из моих лучших источников исторических сведений.

Дэйл уже направился к двери, когда Дирборн внезапно схватил его за руку.

— Не думаю, что я вам понравился, только помните, что я вам сказал. Не совершайте ничего опрометчивого.

Дэйл коротко кивнул.

— До свидания.

Затем повернулся и последовал за Ланселотом к двери.

Глава 19. Оружие

Ланселот провел Дэйла через зал. Внешне Дэйл был совершенно спокоен, но внутри у него все кипело. Он негодовал на вмешательство Дирборна в их дела и одновременно его раздражало, что он оказался во власти этих отталкивающих созданий. Дэйл с отвращением глянул на Ланселота. Только воспоминание о его громадной силе помешало попытке получить свободу прямо здесь и сейчас.

Помещения, в которых разместили членов экипажа, оказались лишь в нескольких сотнях метров от апартаментов Дирборна. Ланселот открыл люк и самодовольно улыбался, пока Дэйл не вошел внутрь. Люк тут же закрылся за ним, и Дэйла окружила команда «Альбатроса», желающая знать, что с ним произошло после того, как его увели.

– Так, значит, Дирборн и был тем человеком, которого ты видел в иллюминаторе ночью на Рее? – задумчиво протянул Флеминг, когда Дэйл закончил свой рассказ.

– Очевидно, он с самого начала держал нас под наблюдением, – сказал Дэйл. – Я так же думаю, что именно Дирборн напугал Чака в общей спальне на временной базе.

– Что же они там делали? – спросил Чак.

– Понятия не имею, если не считать того, что они лишили нас оружия и боеприпасов. Не знаю уж, почему, но Дирборну казалось, что без них нам будет лучше.

– Он явно проявлял большой интерес к нашим делам, – проворчал Чак.

– Не забывай, что эти люди всю жизнь прожили здесь, – сказал ему Дэйл. – они больше походят на сатурниан, чем на людей.

– Тьфу!

Некоторые с отвращением отвернулись. Они бы не согласились ни с кем, кто позвал бы их подружиться с похитителями.

Взгляд Дэйла сделался задумчивым.

– Некоторые замечания Дирборна звучали так странно, что я бы не удивился, если бы он и в целом оказался не совсем нормален. Хотя в других отношениях он был совершенно логичен и рационален.

– И что он собирается делать теперь, заманив нас сюда? – спросил Таггерт.

– Он сказал, что никто ничего не может сделать, пока Совет не примет решение. А до тех пор он советует нам набраться терпения и ждать.

– Терпения! – фыркнул Таггерт. – Он говорит, чтобы мы были терпеливыми, пока сидим взаперти на этой лягушачьей ферме.

Если спросить меня, то я думаю, что он преследует какие-то свои цели.

Дэйл отрицательно покачал головой.

— Он выглядит совершенно поглощенным историей Сатурна, над которой работает.

— Погоди, пока тебя не отпинают так, как меня, — зло рассмеялся Таггерт. — Вот тогда ты обнаружишь, что у каждого есть свои цели.

Люди разошлись по помещению в самом удрученном состоянии. Оптимизм, который в них поначалу пробудил рассказ Дэйла, быстро испарился.

Дэйл беспомощно пожал плечами.

— Кажется, мы должны доверять Дирборну. Что нам еще остается?

Макаллистер прислонился спиной к стене и закинул руки за затылок.

— Почему бы не поиграть с сатурнианами так, как советует Дирборн? Набраться терпения и вести себя хорошо. Но пока мы терпеливо ждем, то будем все замечать и держать уши на макушке. Так никто не скажет, будто мы что-то замышляем.

— Например, что? — проворчал Таггерт.

— Ну, возможно, очень и очень маловероятно, что мы можем найти украденные винтовки.

У Таггерта отвисла челюсть.

— А ведь мысль верная. Где-то они должны лежать.

— Где-то они наверняка есть, — согласился Чак. — И вероятно, не в тысяче километров отсюда.

— У меня есть догадка, что наши винтовки где-то совсем близко, — спокойно заявил Макаллистер.

— И что заставляет тебя так думать? — спросил Флеминг.

— Если их действительно украл Дирборн со своими приспешниками, то он спрятал их где-то рядом, где может следить за ними. — Макаллистер критически обвел взглядом помещение. — Я также догадываюсь, что если мы вернем наше оружие, то сумеем выбраться отсюда. Я выбирался из мест, куда более худших, чем это.

— Почему же ты не подумал об этом, пока мы не попали сюда? — спросил Чак.

— Ну, потому что я не знал о сатурнианах столько, сколько знаю теперь. Ладно, у них есть несколько интересных трюков, но как насчет остального? Если мы привлечем на свою сторону существо, которое привело сюда Дэйла...

— Вы имеете в виду Ланселота? — спросил Дэйл.

— Кого?

— Я зову его Ланселотом, — коротко пояснил Дэйл.

– Нам нужно привлечь Ланселота, – продолжал Макаллистер.
– Не похоже, что у него высокий IQ. Предположим, Дэйл сумеет через некоторое время подружиться с ним. Пусть они пошарятся вокруг. Нельзя сказать заранее, что они могут найти. Понимаете, что я имею в виду?

– Лучше бы я умер, – застонал Дэйл.

– Это вполне может случиться, если мы не сумеем вернуться на «Альбатрос», – бодро сказал ему Макаллистер.

После периода сна, условно называемого «ночью», Дэйл проснулся, чувствуя почти такую же усталость, как тогда, когда шестью часами ранее почти засыпал на ходу. Завтрак состоял из каких-то водянистых растений, груды которых сатурниане оставили у двери. Дэйл поел без особого аппетита, ожидая, что ему станет плохо, и был даже разочарован, когда не испытал никаких последствий. Люди пребывали в угрюмой депрессии. Они провели военный совет, во время которого было решено рассмотреть и изучить все возможности и способы бегства. Если не будет никакой перспективы получить свободу как-то иначе, они решили взять ее силой. Любая судьба казалась предпочтительнее бесцельного существования в мрачных подземельях. Каждому было дано определенное задание. Дэйл должен был развивать свои отношения с Ланселотом и с его помощью попытаться исследовать ближайшие проходы в надежде найти украденное оружие и боеприпасы.

Его дружба с сатурнианином постепенно укреплялась. Главная проблема была в том, что у них с Ланселотом было слишком мало точек соприкосновения. Во многих отношениях сатурнианин казался не умнее, чем жабы и тритоны, которых он напоминал. И все же Дэйл иногда вспоминал, что это существо обладало разумом, настолько превосходящим его собственный, что бросало в дрожь. Ланселот обладал каким-то жутким инстинктом точно знать, когда Дэйл жаждет его компании, а его возможность различать различные объекты на большом расстоянии оставляла далеко позади любой радар. Дэйл вспомнил, что некоторые позвоночные животные, стоящие на низкой ступени развития, такие, как ящерицы туатара из Новой Зеландии, обладают специальным разделом мозга, названным шишковидное тело, которое вроде бы может функционировать как третий глаз. Если вся жизнь в Солнечной системе действительно произошла из Антероса, как верит Дирборн, то нет ли возможности, что этот третий глаз, который имеет значение только у земных амфибий, может быть источником воспринимающей силы сатурниан?

Еще одной особенностью сатурниан, которая изумляла Дэйла, была их экстраординарная возможность корректировать свое внутреннее давление. Во время поездки на Совет он видел, как эти существа резвятся в среде при давлении, вероятно, в тысячи атмосфер, и в то же время весьма непринужденно чувствуют себя почти в полном вакууме на Титане. В этом отношении сатурниане напоминали мифических саламандр, которые, по мифам, чувствовали себя, как дома, и в воде, и в огне.

Проведя много часов в компании Ланселота, Дэйл не узнал почти ничего, что помогло бы им совершить побег. С другой стороны, он узнал, как Ланселот относится к нему самому. Дэйл явно понравился этому странному созданию. Практически, Ланселот относился к Дэйлу с какой-то застенчивой нежностью, которая временами даже смущала парня. Он много раз проявлял к Дэйлу доброту того же рода, как люди баловали домашних животных. Но вместо того, чтобы радоваться или чувствовать благодарность, Дэйла это внимание решительно раздражало. Он съезжился при виде своего неповоротливого хозяина и только и хотел, чтобы поскорее настало время, когда он освободится от него навсегда. Лишь надежда на то, что Ланселот может быть полезен в осуществлении их плана, помогала Дэйлу терпеть его присутствие.

По мере того, как тянулись долгие часы вынужденного бездействия, люди становились все более и более раздражительными. Поначалу некоторые были склонны послушаться пожеланиям Дирборна и терпеливо ждать решения Совета, но время тянулось, ничего не менялось, и в космонавтах росло чувство жестокой неприязни к своим похитителям, которое ничто не могло сдерживать. Не то, чтобы с ними плохо обращались. Как раз наоборот. Отношение к ним сатурниан походило на отношения фермера к своим цыплятам. Они хорошо питались и даже имели свободу перемещения по туннелю, если держались в стороне от «ограды» в его конце. Ограда в данном случае была просто сужением туннеля, который охраняли три бдительных сатурнианина. А за ним лежала свобода. Люди видели открытое пространство снаружи и ракеты, по-прежнему стоявшие там, где их оставили. Но не было возможности пройти через охрану.

Один из членов экипажа – бывший когда-то на Земле взломщиком, – разработал план, выглядевший сначала весьма обнадеживающим. Он считал, что они делают из бегства слишком большую проблему. А нужно просто воспользоваться тем же методом, какой он успешно использовал на Земле на стадионах и в кассах. Нужно было с деловитым видом дойти до охраняемого входа, вежливо

кивнуть охраннику и выразить удивленное негодование, если тот спросит билет. Этот человек утверждал, что такой метод срабатывает более чем в пятидесяти процентах случаев, и был уверен, что окажется столь же эффективным и на Сатурне. Нужно было только вести себя уверенно.

Все смотрели, как он шел, пока не оказался в нескольких метрах от выхода, но тут у него внезапно подломились ноги, и он обвис в руках одного из сатурниан. Из этого опыта был получен один маленький факт. Все убедились, как полагал ранее Дэйл, что главное оружие сатурниан – ослабляющий любые электромагнитные излучения процесс, – был эффективен лишь на небольшом расстоянии. За пятьдесят метров от входа никто не чувствовал вообще ничего, а чуть ближе – легкое головокружение.

– Есть что-нибудь от Дирборна? – спросили Дэйла после утомительной сессии в компании Ланселота.

– Он все еще полон надежд, – ответил Дэйл, растянувшись на полу. – Готовит, что Совет собрался, и можно ждать решения в любое время.

– Это же самое он говорил и неделю назад.

– Теперь он кажется еще более оптимистичным.

Таггерт обрушил сотню проклятий на головы сатурниан вообще и Дирборна в частности.

– Подумать только, я должен сидеть без дела и ждать решения жаб-переростков! – ревел он.

– Ты так и не получил ни намека на то, где может храниться оружие? – спросил Дэйла Макаллистер. – Ты со своим приятелем вроде бы облазили все вокруг.

– Проблема в том, что я не могу ничего сделать, не возбуждая его подозрений, – ответил Дэйл. – Он таскает меня по тем местам, которые хочет, чтобы я увидел, но от которых нам нет никакого толку.

– Ну, так скажи этому олуху, чтобы поторапливался.

– У меня есть план, который я попробую в следующий раз, – сказал Дэйл. – Это всего лишь догадка, но может сработать.

Проснувшись после очередного периода сна, Дэйл увидел, что Ланселот ждет его за дверью с различными кусочками еды на завтрак. Дэйл поел с таким энтузиазмом, какой только мог изобразить, в то время как Ланселот восхищенно глядел на него. После завтрака сатурнианин направился было по проходу, ведущему в пещеру, где были исключительно красивые кристаллы кальцита, но вместо того, чтобы охотно, как прежде, последовать за ним, Дэйл нахмурился и покачал головой. Ланселот стоял неподвижно, печально глядя на него черными глазами. Дэйл указал на помещение

Дирборна, затем поднял руки и прищурил один глаз, словно стрелял из винтовки. Ланселот снова указал на пещеру с кристаллами, но Дэйл нахмурился и покачал головой еще энергичнее прежнего. Затем опять указал на резиденцию Дирборна и изобразил человека с оружием. Ланселот все также глядел на него. Дэйл изобразил все, что можно проделать с оружием. Затем начертил на стене пещеры схему винтовки. Внезапно Ланселот принялся возбужденно покачиваться взад-вперед, показывая на апартаменты Дирборна. Дэйл осторожно последовал за ним, сомневаясь, понял ли его сатурнианин. Ланселот привел это к жилищам Дирборна и его людей, но не вошел внутрь, как ожидал Дэйл, а торопливо прошел в узкий, темный коридор, в котором они еще не бывали. После многочисленных поворотов Ланселот остановился у какой-то пещеры и гордо указал на сложенные у стены предметы. Дэйл рухнул перед ним на колени. Это было то, на что он так надеялся! Оружие, аккуратно сложенное, а рядом с винтовками – боеприпасы.

Дэйл провел пальцами по шее и плечам Ланселота жестом благодарности. Губы создания сложились в самодовольную улыбку, в то время, как он пристально глядел на Дэйла полуприкрытыми глазами. Теперь, найдя оружие, Дэйлу не терпелось избавиться от своего компаньона и сообщить экипажу хорошие вести. Но Ланселот никогда еще не цеплялся за него так упорно. Лишь через час Дэйлу удалось освободиться от него. Он вошел в жилую пещеру с обычным удрученным видом, но как только Ланселот ушел, торжествуя вскинул руки.

– Я нашел оружие!

Мгновение все смотрели на него, слишком ошеломленные, чтобы говорить. Затем взволнованно столпились вокруг.

– Ну, где оно?

– Спрятано в одном коридоре в двадцати минутах ходьбы отсюда. Я запомнил дорогу.

– Как ты нашел его?

– Мне показал Ланселот.

– Ланселот показал тебе оружие?

Дэйл согнулся пополам от хохота.

– Все было так, как я и подозревал. Ланселот был среди тех, кто совершил той ночью набег на наш временный лагерь. Он помогал украсть оружие и перевезти его на Сатурн.

– Тогда давай быстрее туда! – закричал Макаллистер. – Иначе он пойдет к Дирборну и все расскажет...

– Я так не думаю, – покачал головой Дэйл.

– Я не доверяю никому из их компании.

— А я совершенно уверен, — возразил Дэйл, — что Ланселот никогда прежде не видел оружия и понятия не имеет, для чего оно нужно.

Глава 20. Побег

Тут же вспыхнули бурные препирательства. Большинство людей были за немедленные действия. Они устали ждать. Задержка на пути к свободе была для них невыносима. После долгих споров, грозивших перерасти во всеобщую драку, было решено подождать несколько часов, пока Дирборн и его люди лягут спать. В здешнем подземном мире не было смены дня и ночи, и у каждой группы было свое время для еды и сна. Сложилось так, что группа Дирборна укладывалась спать примерно в то время, когда экипаж «Альбатроса» принимался за завтрак.

По мере приближения решительного часа, ожидание становилось все нестерпимее. Таггерт поминутно глядел на часы. Затем сунул хронометр в карман и вскочил на ноги.

— Как там в общем зале?

— Никого нет, — прошептал Макаллистер.

— Тогда вперед! — приказал Таггерт.

Люди, надев скафандры, проскользнули в коридор с Дэйлом и Таггертом во главе. Дэйл не мог избавиться от ощущения, что все происходит как бы понарошку. Он снова казался себе новичком в Академии, идущем на какую-то студенческую авантюру. Это могла быть драка со старшекурсниками, но все было не взаправду, и никто не собирался причинить никому вреда по-настоящему. Наверное, и сейчас лучше продолжать притворяться, что все происходящее не серьезно.

Когда они подошли к коридору, ведущему в апартаменты Дирборна, Дэйл поднял руку и жестом велел остальным отступить.

— В чем дело? — спросил Таггерт.

— Я увидел, как к Дирборну входят три сатурнианина, — сказал ему Дэйл. — Что-то произошло.

— Мы зашли уже слишком далеко, — возразил Таггерт, — и не можем теперь остановиться.

— И потерять единственную возможность убраться отсюда? — шепнул Макаллистер. — Включи же голову.

— Что же тогда делать?

— Думать, — отрезал Макаллистер.

Следующие несколько минут все интенсивно думали.

– Предположим, некоторые вернутся, будто просто прогуливались, – предложил Дэйл. – А остальные тем временем могут перенести оружие в наше жилье.

– Сколько человек потребуется? – спросил Макаллистер.

– Да хватит троих.

Макаллистер кивнул Таггерту и Коллинзу.

– Вы пойдете с Саттоном. До встречи.

Макаллистер вернулся с остальными в жилье, в то время как Дэйл шел прогулочным шагом вместе с Таггертом и Коллинзом. Так они побродили по общему залу, разделявшись, чтобы не возбуждать подозрений. Другое дело, когда они будут возвращаться с оружием. Тут уж придется положиться на удачу.

Когда они проходили мимо апартаментов Дирборна, из-за стены послышались голоса. Говорил больше Дирборн, а сатурниане лишь изредка прерывали его какими-то вопросами. Несколько раз Дэйлу показалось, будто он узнал характерный голос Ланселота.

Они заставили себя идти медленно, пока не миновали дверь, а затем метнулись в боковой туннель. На развилке Дэйл заколебался. Дальше было три пути. Который же из них правильный?

– Ищите стрелку на одной из этих стен, – сказал Дэйл остальным.

Они потратили четверть часа, осматривая стены, и когда уже собирались сдать в отчаянии, Коллинз схватил Дэйла за руку.

– Это она? – закричал он.

Дэйл глянул ему через плечо.

– Верно! Она!

– Куда идти теперь? – спросил Таггерт.

– Прямо вперед. По центральному коридору. Оружие должно быть в пещерке справа.

Они двинулись вперед с такой скоростью, с какой только позволял узкий, извилистый проход. *Но там ли еще оружие?* – билось в голове у Дэйла. Желание заполучить винтовки превратилось у него в навязчивую идею. Поначалу это вообще казалось невозможным. До сих пор все на Сатурне было трюками или ловушками. Но тут его страхи рассеял голос Таггерта. Он стоял на коленях, сжимая в руках сразу три винтовки.

– Смотрите, как новенькие! – ликующе воскликнул он, поднимаясь на ноги. – Теперь нужно перенести все это к нам.

– Хорошо, что идти меньше километра, – проворчал Коллинз, сгибаясь под тяжестью винтовок. – Эти штуки такие тяжелые.

– Только бы миновать апартаменты Дирборна, – пробормотал Дэйл. – Кажется, я догадываюсь, что там происходит.

— Может, он просто работает над своей историей, — буркнул Таггерт. — Ну как, вы готовы?

— Вы идите вперед, — сказал ему Дэйл. — А мы с Коллинзом немного отстанем.

К тому времени, когда они добрались до резиденции Дирборна, Дэйл казалось, что руки у него вот-вот оторвутся. Голоса из-за стенки звучали еще громче прежнего.

— Встреча вот-вот закончится, — задыхаясь, пропыхтел Коллинз, изо всех сил пытаясь не выронить свою ношу. — Может, нам лучше спрятаться?

— Еще чего! — проворчал Таггерт. — Я успел зарядить одну из винтовок, и теперь меня никто не остановит.

Дэйл с Таггертом уже миновали дверь, когда позади раздался грохот. Они резко обернулись. Коллинз растянулся на полу вместе со своей ношей.

— Не мог больше держать их, — простонал он. — Наверное, я не так силен, как вы.

— Дай мне несколько винтовок, — рявкнул Таггерт. — Дэйл, берите остальные. Быстрее, от этого зависят ваши жизни!

За стеной наступила зловещая тишина. Они собрали винтовки и помчались по коридору. Когда прибежали в свои апартаменты, Макаллистер запрыгал вокруг них, повизгивая, словно щенок терьера. Остальные изумленно уставились на оружие, словно не в силах поверить собственным глазам.

— Быстрее разбирайте оружие! — завопил Таггерт. — Начинаем!

Через несколько минут все с мрачными лицами решительно прошли через общий зал и направились к выходу. Наконец, оставалось совсем немного, и они наткнутся на охрану у выхода. Дэйл поднял винтовку наизготовку. Это была первая — и, возможно, единственная — проверка. До сих пор при каждой стычке они были побеждены без особой борьбы.

Но на этот раз результат мог быть иным. По крайней мере, у них было чем защищаться.

Охранники стояли у входа, наблюдая за приближающимися людьми с добродушными, как всегда, улыбками. Внезапно Дэйла охватило отчаяние. Разве у них был хоть один шанс против этих существ с тысячелетним опытом за плечами? Зачем вообще бороться с ними? Лучше сдаться, пока они еще настроены благосклонно.

И тут он почувствовал первые легкие уколы ослабляющего излучения устройства. Какое коварное это было оружие! Дэйл чувствовал, как подкашиваются ноги... как он обмякает...

Словно издалека, он услышал звуки выстрелов.

Дэйл помотал головой, пытаясь собраться с мыслями. Случилось что-то ужасно важное. Он дико огляделся. Охранники валялись на полу. Люди выиграли первую стычку. Это оказалось так просто!

Кто-то схватил Дэйла сзади и толкнул вперед. Голова быстро очищалась. Победа была как ушат холодной воды. Как замечательно снова почувствовать свободу! А «Альбатрос» стоял в четверти километра от входа, готовый к взлету.

Люди помчались к кораблю, не обращая внимания на торчащие повсюду острые обломки скал, которые могли легко вскрыть скафандры, как консервные ножи. Они уже были в сотне метров от корабля, когда бегущий впереди всех Макаллистер внезапно вскинул руку.

— Стойте. Там тоже охрана.

— Сейчас мы их всех перебьем, — нахмурился Таггерт.

— Они вне досягаемости. Мы не сможем достать их, пока не приблизимся метров на двадцать. Но тогда они тут же справятся с нами.

— Если нужно, мы подойдем, — уперся Таггерт. — Вперед!

Но Макаллистер покачал головой.

— Должен быть иной способ. Дайте-ка мне рассмотреть их лучше. — Он поднес к глазам бинокль и рассмотрел фигуры возле корабля. — По-моему, среди них приятель Дэйла. Как там его зовут — Ланселот? — Он передал бинокль Дэйлу. — Вот, взгляни сам.

Дэйл глянул в бинокль на сатурниан, стоявших у корабля.

— Да, это Ланселот, — пробормотал он.

— Значит, Ланселот, — задумчиво протянул Макаллистер. — Ну-ка, подумаем. Должно же быть что-то, что мы можем сделать.

Он несколько секунд молчал, пытаясь всей силой своего ума решить возникшую проблему.

— Понял! — внезапно вскричал он. — Предположим, мы просто пойдем туда. Тогда Ланселот включит шоковый луч. И все. Нам конец. А что будет, если туда пойдет один Дэйл? Есть вероятность, что ничего такого не произойдет. Ланселот встретит его, как давно потерянного брата. Дэйл всадит в него пулю, тут же перестреляет остальных — и все! Мы в корабле!

Таггерт с неприкрытым восхищением поглядел на Макаллистера.

— Мак, я всегда говорил, что у тебя на плечах гениальная голова. — Он повернулся к Дэйлу. — А что думаешь ты, парень?

Дэйл пристально взглянул на корабль.

— Идея хорошая, — медленно проговорил он.

— Великолепная идея!

Макаллистер глядел на Дэйла, сощутив глаза.

— У меня вопрос: ты в игре?

— Разумеется, он в игре, — взревел Таггерт. — Кто сказал, что он не в игре?

И как раз в этот момент позади, у выхода, возникло какое-то движение.

— Кто-то идет! — взвизгнул Макаллистер.

— Это Дирборн с группой сатурниан! — заорал Чак.

Таггерт схватил Дэйла за плечо.

— Итак ты идешь или нет? — рявкнул он.

Дэйл пошел вниз по склону, тщательно выбирая дорогу среди предательских валунов. Когда он вышел на открытое пространство вокруг ракеты, Ланселот глянул на него дружелюбно, без малейшего удивления или враждебности, как обычно глядят сатурниане. Дэйл подумал о том, узнает ли его это существо? Но, конечно же, Ланселот узнал его и нетерпеливо пошел ему навстречу. Дэйл подождал, пока сатурнианин подойдет поближе. Затем поднял винтовку и выстрелил. А секунду спустя он почувствовал парализующее действие шокового луча...

Когда Дэйл пришел в себя, над ним стоял Дирборн, насмешливо глядя из-за стекла своего древнего шлема. Дэйл поспешно вскочил на ноги. Вокруг царил суматоха и беспорядок. Люди толпились у корабельного люка. Несколько сатурниан валялось на земле у корабельных опор. Дэйл неуверенно шагнул туда, где лежал Ланселот.

— Плохо, — пробормотал Дирборн, тыкая тело Ланселота носком ботинка. — У него были лучшие воспоминания во всем моем штате. Нелегко мне придется, пока я не подыщу ему замену.

— Мне очень жаль, — сказал ему Дэйл.

— Совет проголосовал за то, чтобы вас отпустить. Вы свободны улететь, когда пожелаете. — Дирборн стоял, положив руки на бедра, и глядел на высящийся перед ним «Альбатрос». — В следующий раз сатурниане могут быть настроены и не столь дружелюбно, — добавил он. — Они мирный народ. Им не нравится все это насилие и стрельба. Именно по этой причине я и завладел вашим оружием. Решить проблемы еще до ее начала было моей идеей. — Но вздохнул, пристально взглянул вниз на Ланселота, и внезапно его лицо озарилось улыбкой. — Я только что завершил восьмой том истории. К тому времени, как вы вернетесь, надеюсь разобраться с девятым томом.

— К тому времени, как я вернусь? — рассеянно спросил Дэйл.

— Эй, Саттон! — проревел голос с верхней площадки лестницы, ведущей к люку. — Может, ты поторопишься? Вылет через минуту.

Дирборн указал рукой на вулкан, смутно мерцающий через плывущие волны тумана.

— Как же вы можете бросить все это? — восторженно воскликнул он. — Где вы еще найдете другой такой прекрасный мир?

— Может, когда-нибудь я и вернусь, — сказал ему Дэйл. — Может, когда-нибудь мне станет родным это место, а также Уран, Нептун и даже Антерос.

Поднимаясь по лестнице к люку, Дэйл уже чувствовал, как оживает застоявшийся корабль, торопясь рвануться в звездное небо.

(Филадельфия • Торонто, 1953)

Phillip Latham. Missing Men of Saturn, (Winston, 1953) Пер. Андрей Бурцев

ANC

OTHER WORLDS

SCIENCE STORIES

October 1951
35c

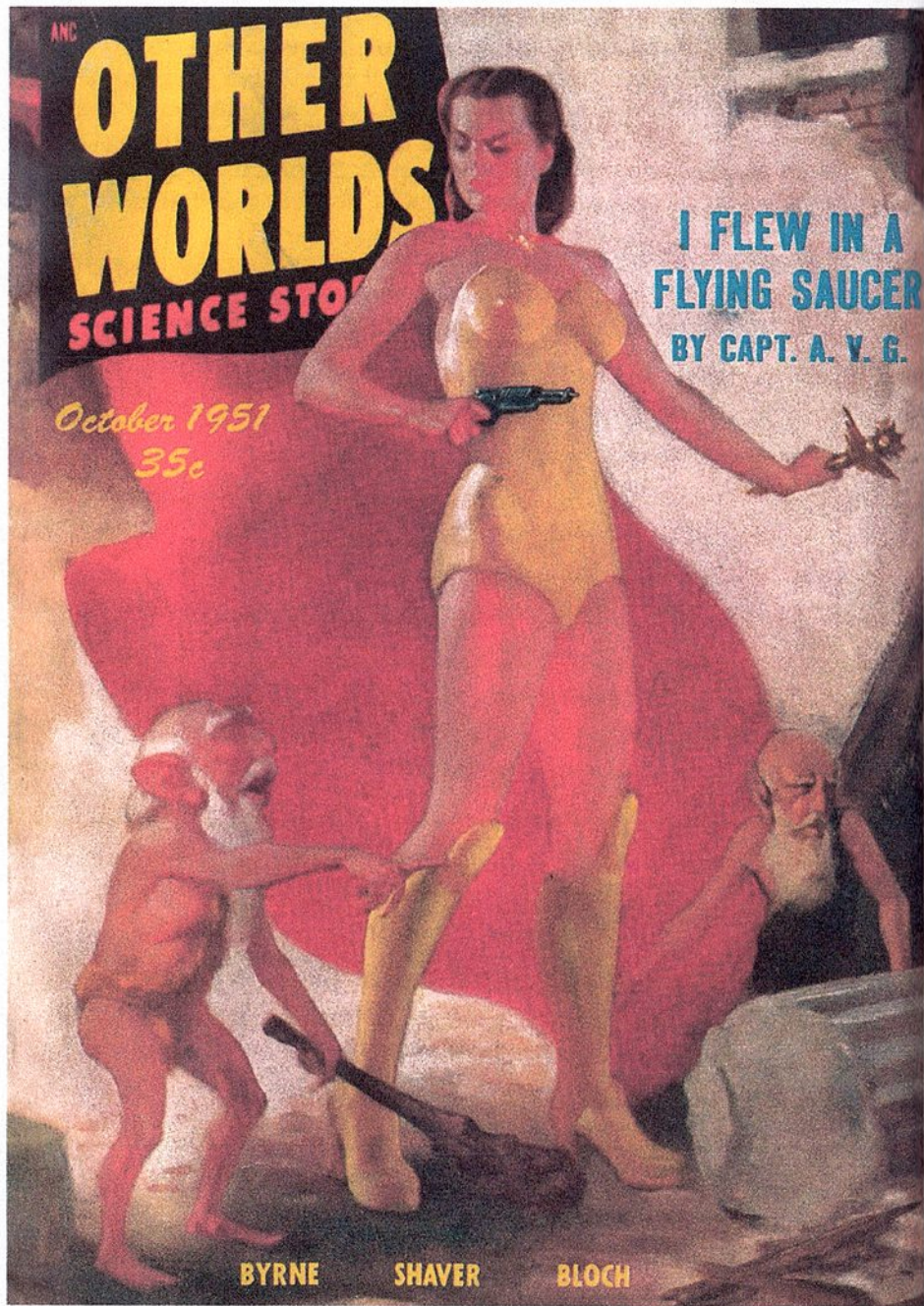
I FLEW IN A
FLYING SAUCER

BY CAPT. A. V. G.

BYRNE

SHAVER

BLOCH

МОЛНИИ НАД САТУРНОМ

БЕН ВОЛЬФ уже чувствовал, что что-то идет не так, когда вел корабль на посадку на гористый кусок скалы в кольцах Сатурна, который Арна Вирлинг из глубокой привязанности окрестила Лабораторией. Сначала не последовало ответного сигнала, что показывало какую-то неисправность детекторов, которые должны были предупредить Лабораторию о приближении корабля. Затем его вызов по радиации остался без ответа. Лаборатория хранила молчание – жуткое, угрожающее молчание.

Строгое лицо Вольфа было холодным за стеклом шлема космического скафандра – скафандра, который всегда надевали те, кто летел в смертоносном лабиринте колец. Вольф подумал с грызущей тревогой об Арне и Карле Вирлинг, тех двоих, которые значили для него больше, чем жизнь – даже до некоторой степени больше, чем «Старквест», плод их общих усилий за последние три года. Если с ними что-то произошло...

Но что могло с ними случиться? Несчастный случай? Да, эксперименты старого Карла частенько бывали опасными. Но несчастный случай из-за них не мог заставить замолчать всех на Лаборатории.

Внезапно Вольф пожалел, что не настоял на том, чтобы полететь на Титан вместе. Большая часть продовольствия и оборудования, за которыми он полетел, не были так уж необходимы и состояли, в основном, из подарков и деликатесов, чтобы отпраздновать завершение «Старквеста». Потому что это было действительно важное событие. «Старквест» – это предтеча кораблей, которые впервые унесут человека за пределы Солнечной системы, к бесчисленным мирам Галактики.

Со «Старквестом» начнется эра межзвездных полетов.

Стиснув зубы, Вольф посадил корабль в чашевидной впадине примерно на экваторе Лаборатории. Он выскочил из шлюза и прошел с десяток метров, отделяющих его от огромного входа в пещеру, ведущую вниз, в жилые помещения в сердце этого маленького мирка.

Добравшись до внутренней части пещеры, он обнаружил первый ключ к разгадке несчастья, которое тут произошло. Потому что «Старквест» стоял в пещере во время установки генераторов гипердвигателя, которые придумал и построил старый Карл Вирлинг,

LIGHTNING over SATURN

By Richard S. Shaver & Chester S. Geier

The Starquest had all organized piracy chasing her; the trouble was, she was unarmed. But old Carl Vierling had an idea about Saturn's lightning.

и которые помогали создать Вольф и Арна. Но «Старквеста» тут не было.

Он исчез!

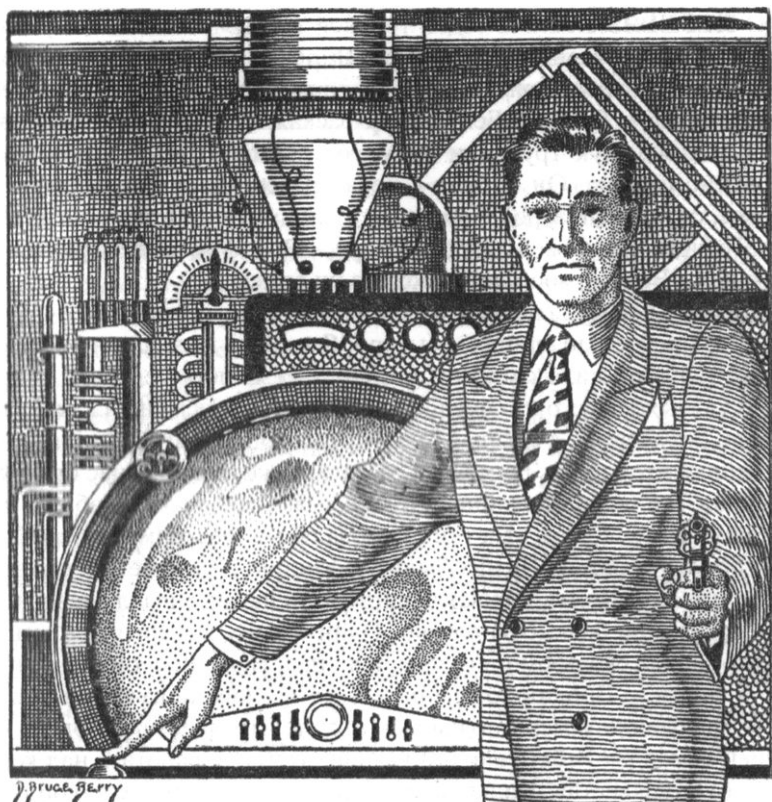
Вольф остановился, ошеломленный. Он тупо смотрел на пустое место, где прежде стоял корабль, и холод сковал все его тело. Затем у него в голове пронеслась мысль об Арне и Карле, и через секунду он уже мчался к воздушному шлюзу в дальнем конце длинной пещеры, который являлся входом в жилые помещения Лаборатории.

Там его встретила разруха — и смерть. Люки шлюза были распахнуты, а помещения за ними пострадали от взрывов, и стены их покрылись пузырями от боевых лучей. В коридоре валялись тела трех техников, помогавших в создании «Старквеста», их скафандры были пробиты и почернели от попаданий лучей. Было ясно, что они оборонялись и пали под превосходящим числом противника.

Вульф на секунду остановился, молча глядя на мертвых. Он работал вместе с ними, они ему нравились. Их гибель не так-то просто было принять, и Вольф тут же поклялся себе, что они не будут забыты.

Сердце его бешено колотилось, когда он торопливо пошел дальше. Что там с Арной и старым Карлом? Неужели они тоже мертвы?

Далее проход был перекрыт герметичной аварийной изоляцией, за которой был и воздух, и тепло. Жилые комнаты, спальни и кухня были пусты и безжизненны. За ними лишь механический цех и лаборатории. Вольф побежал еще быстрее.

Наконец, он достиг огромного помещения, загроможденного технической аппаратурой и научными приборами. Здесь тоже были воздух и тепло. И нехорошая тишина.

Вольф нашел Карла Вирлинга лежащим на полу у верстака, его серо-стальные волосы были запачканы кровью. Но не было никаких следов Арны.

Чтобы удостовериться, что старик мертв, Вольф нагнулся над ним, и горе стиснуло ему горло. Но когда он приподнял его седую голову, то увидел, как дрожат веки старика и чуть подрагивают конечности. Старый Карл был все еще жив! Чувствуя растущее в груди облегчение, Вольф стал освобождаться от скафандра.

С ПЕРЕВЯЗАННОЙ седой головой и старческим лицом, осунувшимся от отчаяния и боли, Карл Вирлинг сидел на кухне, уставившись в чашку черного кофе, сдобренного изрядной порцией венецианского бренди. Бен Вольф расхаживал рядом, стискивая зубами мундштук трубки и время от времени выпуская облако ароматного дыма. Он бродил с нерастроченной энергией зверя в клетке, окутанный аурой ярости.

– Те люди, которых вы видели, Карл, – Вольф резко повернулся к старику. – Вы что, вообще не можете их описать?

Вирлинг покачал головой.

– Все произошло слишком быстро. Я вообще не знал, что происходит, пока не стало слишком поздно. Внезапно я услышал свист воздуха, выходящего из соседних помещений, и услышал какую-то возню. Разумеется, я слышал предупреждающий сигнал детектора, но решил, что это вы, Бен. Арна сказала то же самое. У нас столько времени все было спокойно, что, я думаю, мы просто забыли об осторожности. Когда налетчики ворвались в двери мастерской, я был просто поражен. На них были скафандры, но я заметил, что эти люди мне незнакомы. Я схватил пистолет и нажал сигнал тревоги... И то, и другое было бесполезно. Один из них выстрелил в меня. Пуля ударила скользом по голове, и я упал. Наверное, они решили, что я мертв. – Вирлинг отхлебнул кофе и снова покачал головой. – На мгновение у меня появилась мысль, что налетчики были из нашей команды. Ребята как раз вышли, чтобы поработать над корпусом «Старквеста». Налетчики не могли их не заметить, войдя в пещеру. Но, думаю, все произошло слишком быстро.

Вольф взмахнул рукой.

– Это же просто безумная ситуация, Карл! Три человека мертвы, Арну похитили, «Старквест» украли – и ни единой зацепки, кто стоит за всем этим! Мы должны спасти Арну и вернуть корабль... Но куда лететь? – Он яростно запыхтел трубкой, его янтарные глаза под медно-красными бровями зло сощурились. – Одно мне все же ясно. Тот, кто организовал этот налет на Лабораторию, знал о том, что я улечу на Титан, и воспользовался этим. Очевидно, у этого человека есть целый отряд, потому что атака на Лабораторию была совершена опытными бойцами.

– Он мог проследить за тобой на Титане, – предположил Вирлинг.

– В этом я не уверен, – медленно пробормотал Вольф. – Мои покупки на Титане ничего не говорили о «Старквесте». И не было никаких указаний, что налет на Лабораторию будет прибыльным. Поэтому единственный для него повод – удовлетворение личного

любопытства... или личной злобы. И единственный человек, который мог бы что-то иметь против меня, это Ханк Палио.

– Ханк Палио... Лури! – воскликнул Вирлинг, в волнении вскочив на ноги. – Конечно, Бен! Любая информация рано или поздно поступает на Лури. А Палио мог легко изучать твои путешествия на Титан, чтобы понять, что мы уже готовы.

– Палио всеми кишками ненавидит меня, – мрачно кивнул Вольф. – Он воспользовался бы любым шансом, если бы решил, что это даст ему преимущество передо мной. Если «Старквест» попал в его руки... хуже этого уже ничего не могло быть. Палио безумно амбициозен. С нашим гипердвигателем он сможет править всем космосом. Никто не сумеет противостоять ему. – Лицо Вольфа застыло, он стиснул кулаки. – Я должен лететь на Лури, Карл. Если у Палио «Старквест» и Арна, нужно помешать ему как можно быстрее.

– Но это же самоубийство! – протестующе воскликнул Вирлинг. – Ты не сможешь пойти против Палио и его головорезов.

СОЧНАЯ КРАСОТКА с зелеными крашеными волосами и облегающим платьем без бретелек, склонилась позади большого рабочего кресла Ханка Палио. Огромная стеклянная стена кабинета, прозрачная лишь изнутри, сразу же показывала, что все тут сделано по последнему писку моды. Более внимательный наблюдатель понял бы, что находится в кабинете самого порочного богатея во всех семнадцати колониальных мирах.

– Ханк, – сладеньким голоском сказала зеленоволосая красotka, – а что это за большой корабль привели парни ночью? Все напускают на себя такой таинственный вид, когда я пытаюсь узнать, что происходит.

Ханк Палио сделал большой глоток негуса. Иначе ему захотелось бы укоротить ее любопытный нос.

– Это корыто – самое большое дело, какое я когда-либо осуществлял, детка. Погоди немного. Скоро ты все узнаешь. Пусть только еще кто вздумает решить, что Ханка Палио можно оттолкнуть. Кончилась им лафа, детка! Теперь я большая шишка, понятно?

Зеленоволосая «детка» погладила его небритую, щетинистую щеку.

– Вот это дело, Ханк. Покажи им, кто босс!

Палио откинулся от захламленного стола, зажег сигару и встал. Затем поводит толстым пальцем у ее носика.

– Только запомни, Джени, что корабль – это секрет. Если кто-то начнет о нем спрашивать, я хочу это знать. Здесь, на Лури, могут

быть шпионы, и я выплачу премию, если ты их разоблачишь. Держись меня, детка. Мы теперь на самой вершине орбиты!

Его глубоко посаженные черные глаза на мгновение яростно сверкнули. Это был приказ – и одновременно предупреждение. Затем Палио повернулся и вышел из кабинета, где можно было сидеть и обозревать весь большой салон снаружи, не выдавая себя. Джени следила за его массивной фигурой с короткими, толстыми ногами, и в ее серых глазах мерцало тайное отвращение. Через секунду она тоже покинула кабинет и встала у гласситовой стены обеденно-танцевальной части купола, накрывшего все громадное сооружение.

Когда-то на Лури было запланировано построить роскошную астрофизическую лабораторию, задолго до того, как космические банды разбили слабые попытки правительства установить свою власть в пространстве, разделяющем тогда семь колоний. С того места, где стояла Джени, можно было увидеть обширный ковер огоньков, нарезающих волшебные круги, которые вместе и составляли кольца Сатурна. Завершая это сравнение, нельзя не заметить, что кольца внушали страх. Разработчики Лури – как назвал это место Ханк Палио после того, как вступил во владения им, и это имя являлось для него поэтическим и одновременно именем собственным, как у ребенка, – так вот, разработчики распланировали большой купол таким образом, чтобы лучшие помещения располагались у внешней гласситовой стены.

Пираты давно уничтожили первоначальный штат сотрудников обсерватории Нио. Ханк был третьим владельцем Лури, два предыдущих умерли отнюдь не от старости. Прошло долгих двадцать лет с тех пор, как пираты завладели лучшим оружием и более быстрыми кораблями, после чего разнесли в пух и прах еще совсем слабый, только что созданный Межпланетный полицейский Патруль. Патруль все еще существовал и даже имел несколько кораблей, но все знали, что МП подчиняется главным конторам гангстеров.

Отдельными группами гангстеров никто не управлял. Пока что не управлял. Но, чтобы действовать эффективно, они создали объединенный центральный офис и организовали справедливое распределение информации. Эту организацию они шутивно называли «Миссии, Инкорпорейтед». Самими «миссиями» были пиратские набеги с массовыми убийствами и организованной продажей краденного.

У «Миссий» были филиалы во всех больших городах колоний, но основной офис, управляющий информацией и сбытом товаров, находился на Земле, в старом добром Нью-Йорке. Каждая банда гангстеров имела собственный сектор пространства, получала ин-

формацию, полезную именно для их сектора и, соответственно, поддерживала «Миссии, Инк» Разумеется, возникали заминки и неловкие моменты, но в целом эта система работала. МП был бесполезной, номинальной силой, поскольку в космосе правил центральный офис «Миссий».

Кольца Сатурна имели приблизительно десять километров толщины, но для космических кораблей это были смертельно опасные десять километров. Слишком много осколков окружает громадную планету, включая и астероид, на котором стоит большой гласситовый купол Лури. Этот астероид, Нио, был не одной из лун Сатурна, а внешним осколком кольца, чуть больше, чем просто грубая скала.

ЗЕЛЕНОВОЛОСАЯ ДЖЕНИ глядела на расстилающийся ковер светящейся пыли, покрытый разноцветными пятнышками — большие камни и скалы в кольцах. У каждой скалы было собственное флюоресцирующее колечко пыли, что сделало кольца Сатурна самым прекрасным зрелищем во всем космосе. Кольца являлись одной из причин успешной торговли на Лури. Каждый космический турист «просто обязан был увидеть кольца Сатурна». Ханк Палио захватил большой купол, круживший как раз на таком расстоянии от колец, что с него было лучше всего наблюдать это зрелище во всем его сияющем блеске — и превратил его в туристический курорт с добавлением не переменных «красных фонарей». Джени тоже была одним из его «добавлений». У нее не было в этом деле никакого выбора, потому что все колонии делали то, что велели им банды.

Джени было всего двадцать пять лет, и семь из них она провела в презренном рабстве здесь, на Нио. Она частенько думала о том, каково это быть свободной и иметь настоящий дом. У нее никогда не было дома.

Помимо азартных игр, экзотических продуктов, ликеров и наркотиков, на Лури женщины тоже являлись товаром, и Ханк Палио следил, чтобы они стоили его клиентам как можно дороже. Поэтому Палио был признан самым сильным из боссов банд. МП вынужден был закрывать глаза на каждое ограбление, связанное с именем Палио, или их просто стерли бы с лица Солнечной системы. Потому что у Палио были большие боевые корабли, куда лучше тех, чем обладал Межпланетный Патруль.

Рядом с Джени встал, переминаясь с ноги на ногу, клиент — крупный пузан с красным носом. Она рассеянно достала из украшенной драгоценностями кобуры на бедре маленькое устройство, похожее на пистолет, и распылила струйку специального газа прямо в лицо клиента, чтобы подбодрить явного новичка. Лицо пузана тут же

изменилось с бледного и рыхлого, к тускло-багровому, и на плечо девушки легла его толстая, дряблая рука. Он улыбнулся, продемонстрировав полный рот дорогих искусственных зубов. Джени уже ненавидела его, но улыбнулась нежно и завлекаяюще.

— Как тебя звать, большой мальчик? — спросила она.

— Меня зовут Уилл Мазер, красавица. А тебя как? Ты здесь работаешь или просто туристка, восторгающаяся пейзажем?

— А ты как будто не знаешь! — ответила Джени. — Только работающие здесь девушки могут распылять *афдар*. Кстати, как он тебе?

— Словно новый мотор вставили в старый корпус, — с энтузиазмом воскликнул пузан Мазер. — Я чувствую себя богом! Но для чего использовать его на клиентах?

— Предполагается, что это заставит их чувствовать себя щедрыми. Вы вообще видели наши тарифы? — с легким налетом сомнения спросила Джени.

Он походил на обычного семьянина, а Джени уже приходилось на этой неделе снижать плату. К тому же она прекрасно знала, что происходит с девочками, которые приносят мало прибыли — их отправляют туда, куда она надеялась еще долго не попасть. А кроме всего, ей не хотелось попусту тратить время на подкаблучника, который в любую секунду может сбежать к жене.

Пузан Мазер громко расхохотался, словно у него вызывал смех даже намек на какие-то там тарифы. Но Джени точно знала, что значит подобный смех — она уже не раз слышала такой. Это означало, что он уже потратил больше, чем намеревался. Она улыбнулась, поднырнула у него под рукой и пошла вдоль прозрачной гласситовой стены, рассматривая толпу в поисках более вероятной перспективы.

И тут она увидела Арну Вирлинг. Вирлинг — здесь?!

Мысли ее вернулись на семь лет назад, когда она была маленькой дурочкой, пытающейся прорваться в шоу-бизнес. Арна уже тогда была успешной актрисой. Джени прочитала в газетах, что Арна вышла замуж за знаменитого Рэя Вирлинга, изобретателя лучей смерти. Теперь эти лучи использовались на каждом космическом корабле, а лучеметы висели на поясе каждого мелкого хулигана, который возомнил себя суперкиллером.

Арна выглядела иначе, и Джени подумала, что она и сама изменилась. Можно было подумать, что Арна замаскировалась. Она стала более худой, ее прекрасный профиль заострился, хотя прежде был мягко очерченным, брови стали простыми черточками. Но все равно это была она...

ДЖЕНИ НАПРАВИЛАСЬ в ее сторону, ее тянуло к ней любопытство, восхищение и старое детское преклонение перед кинозвездой. Арна сидела за столиком в углу огромного бара.

Джени подошла поближе и шепотом, который нельзя было слышать уже за пару метров, сказала:

– Привет, актриса, только не говори мне, что ты тут инкогнито.

Голос у Джени был неуверенным. В конце концов, она встречалась с Арной лишь дважды, и, вероятно, та не запомнила ее. Но волноваться ей не пришлось. Арна протянула руку и махнула ей, словно Джени была ее старой приятельницей.

Глубокий, взволнованный голос, известный миллионам зрителей, прошептал так, что был слышен чуть ли не половине бара:

– Садись и давай поболтаем. Я так одинока.

Джени села рядом с ней, чувствуя, как в душе ее просыпается какой-то страх. Взволнованный голос продолжал шептать ей чуть ли не в самое ухо:

– Раз ты меня узнала, то не выдавай, маленькая лисичка! Я здесь по делам, так что притворись, будто меня не знаешь. – Затем она продолжала громче, тем бесконечно соблазнительным голосом, который мог так меняться, становясь то интимно-мягким, то враждебно-холодным: – Значит, ты артистка в этом восхитительном... – тут она снова понизила голос до шепота, который нельзя было услышать и за два метра, – ...публичном доме! А теперь води себя так, будто никогда не видела меня прежде. – И снова громко, для любопытных ушей тех, кто паялился на двух красавиц: – Это действительно самый восхитительный... – голос ее снова понизился, – ...переплет, в какой я когда-либо попадала. Надеюсь, что выберусь из него живой! Как ты вообще можешь здесь жить?

Джени начала говорить о преимуществах здешних клиентов: инженеров с шахт на титане, строителей быстро растущих городов на Рее, работников космопорта на Япете, рабочих фабрик на Каллисто, туристах, офицерах кораблей...

– С Лури открывается самый великолепный вид на кольца, такого нигде нет на лунах, – завершила рассказ Джени и тоже понизила голос. – И поверьте мне, я устала от всего этого великолепия! Не волнуйтесь, я вас не выдам. Я ненавижу это место и всех, кто живет здесь. Если вам нужна моя помощь...

Арна протянула тонкую руку, подтащила Джени поближе и прошептала:

– Он здесь... корабль?

Джени кивнула, и Арна продолжала:

— Расскажи мне, что знаешь о нем. Где он, что Палио планирует с ним сделать? Это важно... Ужасно важно! — затем она повысила голос: — Я хочу, чтобы ты рассказала мне об этом звездном источнике, милая! Здесь действительно так обворожительно...

БАНДАМИ УПРАВЛЯЛИ главари, которые пришли к власти благодаря своему превосходящему уму, или превосходящей жестокости, или комбинации того и другого. Каждая банда была, в основном, независима, хотя сплошь да рядом банды мелкие и слабые объединялись на взаимовыгодной основе. Все понимали преимущества объединения в еще большем масштабе. Были даже предприняты попытки объединить банды в единую организацию — неуспешные попытки, поскольку гордый и не терпящий никаких законов дух налетчиков не так-то просто было сковать приказами и какими-либо правилами. Огромные богатства и громадная власть ждали того, кому бы удалось это выполнить. Но такой человек должен иметь что-то, чего не имели другие. Самым важным из этого «чего-то» были более быстрые корабли и более мощное оружие.

Зеленоволосая Джени ворошила волосы и думала об этом, пока глядела из обзорного купола на внушающее страх зрелище колец. Ее прекрасное кукольное личико скрывало острый ум, о коем мало кто подозревал.

Более быстрые корабли? Неужели имелся в виду именно тот таинственный корабль, которым только что завладел Ханк Палио? Для ответа на этот вопрос требовалось время. Но Джени знала о грандиозных планах, которые строила эта горилла в человекоподобном облике. Палио нравилось представлять себя императором всех банд, управляющим богатейшим финансовым потоком, текущим между Сатурном и Юпитером, в который вливались бесконечные ручейки и реки дани и налогов.

Джени знала, что Палио создал на Лури курорт наслаждений, как важный шаг к исполнению этих амбициозных планов. К тому же, не участвуя непосредственно в налетах, как делали главари других банд, Палио завоевывал друзей там, где другие получали врагов. Поэтому Нио — астероид на внешней стороне колец Сатурна, на котором располагалась Лури, — стал нейтральной территорией. Главари разных банд и их починенные могли посещать Лури, не опасаясь нападения других банд. За этим следил «миротворческий корпус Палио» — вежливые вышибалы, обученные специально для такой работы. И вооруженные отряды Палио были постоянно готовы к отражению атак тех, кому не терпелось пощипать такой лакомый кусочек, каким был Лури.

Лури был яркой приманкой, которую Палио повесил перед носом главарей других банд. Лури удовлетворял любую прихоть, любое желание и порок от азартных игр до райских дев, нежных, как дыхание утра, от крепких ликеров и экзотических яств до таких порочных наркотиков, как, например, венерийский *дымок кадэшии*. Главари прилетали, наслаждались – и постепенно завоевывались. Не выходя из роли обворожительного, внимательного хозяина, Палио узнавал об их достоинствах и недостатках, их вражде и стремлениях. Эта информация тщательно записывалась, добавлялась и редактировалась, ожидая поры, когда может стать полезной. Когда, Палио, наконец, будет готов сменить хитрость на силу, он будет точно знать, сколько усилий и где именно надо будет применить.

Джени поняла, что у коварных планов Палио есть превосходные шансы на успех. И эта мысль заполнила ее эмоциями сродни ужасу. Вероятно, не могло произойти ничего хуже, чем власть Палио, распространяемая за пределы Нио на кольца и все спутники Сатурна. Палио был злым, дурным человеком. Все, к чему он прикасался, гнило и умирало. Никто не знал этого лучше, чем человек, постоянно живущий в Лури – такой, как Джени.

А когда-то, с горечью подумала она, *я считала Лури очаровательным, романтичным местечком*. Но теперь она узнала правду. Она увидела жизни, разрушенные игрой на деньги и попавшие в наркотическое рабство, страдания человеческие, людей, потерявших всяческую надежду, развращенность и злобу, скрывающуюся за милыми с виду лицами. И ничто не хотелось ей сильнее, чем уничтожить Лури – а вместе с ним и Палио. Особенно Палио.

И если бы ей когда-нибудь выпал такой шанс...

Внезапно возле нее появился какой-то человек и по-свойски обнял ее за талию. Он подошел тихими, лисьими шагами, так соответствующими его узкой, лисьей физиономии и узко посаженным глазкам.

– Что ты тут делаешь, Джени? Восхищаешься зрелищем?

Она резко отступила, в первую секунду испуганная, затем сердитая.

– А, это ты, Заточка! Сколько раз я говорила тебе держать свои лапы подальше?

– Ну, почему ты не хочешь быть ласковой со мной, а, Джени?

– Задай этот вопрос Ханку. Может, ты его верный помощник, но это еще не оправдание, чтобы лезть ко мне под юбку.

– А какое ему до этого дело? – сердито надулся Заточка. – Ты не женщина Ханка. Пора бы тебе уже понять, что единственная причина, по какой он держит тебя здесь, это то, что ты приносишь ему

прибыль. Может, ты знаешь, что Палио сам летал нынче на дело, чтобы забрать девочку Бена Вольфа, эту белобрысую Вирлинг. Но он получил нечто гораздо большее. Но ты, конечно, не знаешь...

Джени умело скрыла волнение, внезапно охватившее ее. Она поняла, что должна обработать Заточку, чтобы получить от него побольше информации. Волнение на его лисьей физиономии показывало, что он ляпнул больше, чем намеревался.

Она презрительно отмахнулась от него.

– Знаю я твои низкие уловки, Заточка, поэтому не парь мне мозги. До меня дошли слухи о каком-то корабле, но блондинку ты выдумал сам.

– Это корабль совершенно уникальный, Джени. Другого такого нет во всем космосе.

– Где-то я уже слышала это, – пробормотала Джени. – А дальше, Заточка, ты собираешься мне сказать, что эта таинственная блондинка находится здесь, в Лури.

– Нет, ее вообще не нашли. Но блондинка – подружка Бена Вольфа. А Вольфа тоже не было, когда наши парни захватили этот корабль. Они специально убедились, что его не будет, потому что Бен Вольф жесток и полон сюрпризов. Я был там и знаю, что он... что этого парня действительно опасается Ханк. Но во всяком случае, парни приволокли оттуда самый быстрый в мире корабль... а блондинку Палио поймают в следующий раз, ты же знаешь, какой он упорный. Для него это единственная возможность поквитаться с Беном. Так что тебе бы лучше дружить с Заточкой, девочка. Ханку ты станешь не нужна, когда он получит ее.

Джени пыталась справиться со странной слабостью, вдруг охватившей все ее тело, и голос ее прозвучал по-прежнему рассеянно.

– Бен Вольф? Не тот ли это парень, что прежде был подручным у какой-то важной шишки, прежде чем ему в голову не ударило научное дерьмо, или что-то в таком роде? Это было до того, как Ханк захватил Лури.

– Ханк был никем, пока Бен Вольф не вышел из игры, – кивнул Заточка. – Вольф много раз оставлял его в дураках, и Ханк этого никогда не забудет. Это одна из причин, почему его парни захватили корабль. Вольф как раз бросил все, чтобы работать над этим кораблем, Джени. И теперь Ханк сравнял счет.

– О, Боже! – Джени почувствовало, что ее сердце готово выпрыгнуть из груди, и в притворном замешательстве схватила руками за голову. – Это слишком сложно для моих бедных мозгов! Я хочу выпить и забыть то, что ты мне тут наплел, Заточка.

Человек с лисьим личиком схватил ее за руку. В его близко посаженных глазах горело нетерпение.

— Разве я ничего не получу за эти сведения, Джени? Каждое слово в них святая истина!

— Дырку в башке ты получишь, если не втянешь свои клешни туда, где им и положено быть! Ты не сказал мне ничего, за что бы я тебе была должна хоть пенни.

Заточка с тревогой остановил ее, когда Джени уже повернулась, чтобы уйти.

— Послушай, Джени, не говори никому о моих словах. Если Ханк узнает, что я тут тебе наболтал, будут проблемы. Он не хочет, чтобы хоть слово просочилось к Бену Вольфу.

— Зачем бы мне рассказывать кому-то то, во что я не верю? — презрительно бросила Джени и поспешно ушла. Оставив Заточку глядеть ей вслед, взволнованного, растерянного и сердитого.

Заточка Фреддин только сейчас понял, что был полным кретином, что доверился ей. Он смутно надеялся выиграть ее расположение, но она оказалась такой же неуловимой, как и всегда. Если она расскажет это кому-нибудь, кто знает Ханка Палио, будет беда, просто беда. А Заточке не нужны проблемы с Ханком, особенно теперь, когда пошли полным ходом его планы надуть Ханка и захватить Лури. Заточка знал, что должен переманить как можно больше парней Ханка на свою сторону, прежде чем у него появится шанс победить. Ханк — это вам не какая-нибудь пешка.

Что-то нужно решать с Джени. Заточка Фреддин решил сразу же позаботиться о ней. Нужно действовать тонко — но это он умел. Он мог легко подстроить все так, будто какой-то шахтер, спятивший от *дымка каджии*, зарезал ее...

ДЫМЯ СВОЕЙ СИГАРОЙ, Ханк Палио спокойно шагал по обширному обеденному залу Лури. Зал был построен, как мелкая миска с ярусами столиков, поднимающихся со всех сторон от ярко освещенной танцплощадки посередине. Почти все столики были заняты, многие со включенным непрозрачным пологом, дающим конфиденциальность посетителям. Пары волнообразно колебались на танцплощадке в такт неторопливым минорным волнам венерианской музыки.

Палио весело взмахивал толстой лапищей, поскольку многие посетители приветствовали его, останавливаясь перед некоторыми столиками, чтобы обменяться парой словечек со знакомыми и шел дальше. Таким образом он миновал обеденный зал и прошел в изобилующий пещерами зал игорный, где толпы взбодораженных

игроков облепили игорные столы или стояли у обширной полукруглой панели. Шум и грохот игровых устройств тонули в многоязычном гаме полусотни разных языков, когда люди различных земных национальностей боролись с белокожими венерианами, а мохнатые марсиане из шкуры вон лезли, надрывались, чтобы их услышали. Здесь цветасто одетые бандиты и их разукрашенные женщины толкались локтями с небрежно одетыми шахтерами и космонавтами в форме, с изуродованными излучением лицами, инженеры и механики перемешались с высокомерными владельцами ранчо и барственными плантаторами. Каждый из них был каплей в широких потоках коммерции, текущих между спутниками Юпитера и Сатурна. И часть этих потоков оттягивала к себе Лури, направляя их богатства в казну Ханка Палио.

Ханк Палио слушал приятный звон поступающих денежек, когда черные глаза уставились на работу вежливо-безразличных уборщиков и строго одетых дежурных девиц. Но мысли его витали далеко отсюда.

Возможно, потому, что он в своей жизни почти не встречал таких женщин, как она. Она была высокая, грациозная и гибкая, с рельефной фигурой богини, ее роскошные светлые волосы обрамляли овальное лицо с тонкими чертами, полными, ярко-красными губами и темно-фиолетовыми глазами. Но у нее было не только физическое очарование. В ней чувствовалась порода... Слово, сочетающее в себе качества, которые так редко встречал Палио в женщинах: интеллект, утонченность, грацию и самообладание. Те самые качества, которые каким-то мистическим образом разжигают ему кровь. Словом, блондинка была чем-то особенным, чем-то из ряда вон выходящим.

Блондинка нужна была Палио для получения информации, хранившейся в ее прекрасной головке... но к чему останавливаться на этом? — спросил он себя. Дыхание его участилось. Палио была нужна информация, если он вообще собирается воспользоваться украденным кораблем. О корабле он узнал по перечню закупок, которые Бен Вольф производил на Титане, закупок, которые предполагалось держать в секрете. Но в Лури к Палио стекались все новости обо всем семнадцати колониальных мирах. Его девушки были обучены выдаивать важные сведения из пьяных клерков, инженеров и космонавтов.

Закупки Бена Вольфа подтвердили слухи, что он занят неким научным проектом. Зная Вольфа, Палио тут же сообразил, что такой человек не станет тратить время на какую-нибудь малозначительную цель. Ставки были всегда высоки в любой игре, в которую

играл Бен Вольф. Поэтому Палио решил заняться расследованием. Для него проследили за Беном Вольфом от Титана к определенному мирку в кольцах Сатурна – и Палио начал строить планы. В результате он захватил корабль. Но упустил блондинку.

Она была девушкой Бена Вольфа. Через нее Палио рассчитывал ударить Вольфа побольнее. Вольфа он ненавидел еще с тех времен, когда был главарем мелкой банды, а Вольф превосходил обычных бандитов своим неординарным умом и особой дерзостью. Он несколько раз выставял Палио на посмешище – и Палио этого не забыл. Теперь он мог рассчитаться и даже получить вдвойне.

Растоптав брошенный на пол окурок сигары, Палио пошел к выходу из игорного зала.

ГЛАЗА БЕНА ВОЛЬФА были полны гнева, когда они со старым изобретателем перебрались из разрушенной Лаборатории на другой астероид, поближе к Нио, откуда могли наблюдать за действиями банды Палио с расстояния около четырех сотен километров.

– Карл, мы должны вернуть корабль! Ты же знаешь, что МП не может и не хочет действовать против Лури. А с нашим кораблем Ханк Палио и его убийцы станут править всем космосом. Палио станет Императором в самой ужасной эпохе Человечества, если мы не найдем способа вернуть себе корабль. Никто не сможет противостоять им!

– Это невозможно, Бен, – покачал головой Вирлинг. – Мы не могли выступать против бандитов прежде, почему же ты думаешь, что получится сейчас, когда в их руках самый мощный корабль? Конечно, я понимаю, что мы должны попытаться. Но это самоубийство, как на него ни смотри.

Бен направил телескоп в нужную сторону, и старый Карл включил проектор. Настенные экраны засветились, показывая поверхность Нио, астероида, на котором был построен купол Лури. Астероид, куда перебрались Бен и старый Карл, был их собственным частным убежищем, подземельем, вырытым в бесплодной скале, где были устроены роскошные жилые помещения, большой телескоп и маленькая мастерская, где Вирлинг разрабатывал свои изобретения. Они верили, что Ханк не знает ее местоположение, так как изо всех сил старались держать его в тайне. Карл сфокусировал телескоп на пусковых шахтах Нио, расположенного в сотнях километров от кольца. Нио сейчас проходил ближе всего к их астероиду. Лури находился на другой стороне этого камешка. Здесь был черныи ход Палио, та сторона, которую мало кто имел чести увидеть, откуда его корабли взлетали на грабеж и разбой. Это так же было

то место, где сейчас находился плод долгих лет тяжелого труда Бена Вольфа, Карла Вирлинга и еще четырех человек, сейчас погибших или похищенных.

И тут внезапно вошла Арна Вирлинг с раскрасневшимся лицом и сверкающими глазами. Оба замерли, ошеломленно уставившись на нее, затем бросились к ней. Вирлинг стиснул девушку в своих объятиях.

— Арна, с тобой все в порядке? — почти что прорыдал он.

— Я только что прилетела из Лури, — вместо ответа сказала Арна.
— Корабль все еще там.

— Я думал, что тебя похитили! — воскликнул Бен.

— Нет, я пряталась, пока бандиты хозяйничали у нас. Затем села в маленькую спасательную шлюпку и последовала за ними, чтобы узнать, кто они такие. В Лури я притворилась туристкой и встретила девушку, которую видела как-то давно. Она и рассказала мне все.

Старик кивнул на экран, на котором виднелись бегущие к шахтам люди. А из шахт медленно поднимались и занимали стартовую позицию два корабля с открытыми люками.

— Вон еще два налетчика, — проворчал он. — Вооружены нестандартными лучеметами, по сотне дополнительных бойниц для оружия с обеих сторон. У Межпланетного Патруля нет ничего подобного. — Вирлинг пригладил рукой волосы, на его лице отражалась полнейшая безнадежность. — Что же мы можем сделать? Нет никакого способа вернуть то, что попало в лапы Палио.

Арна внезапно выругалась, что было ей несвойственно.

— Черт бы их всех задрал! Еще несколько месяцев и они смогут захватить даже Землю!

Бен нажал кнопки на пульте и сделал изображение крупнее. Они увидели на черных скалах крохотные фигурки, загружающие еще один приземистый, серый корабль орудиями смерти и готовя его к полету.

— Если бы у нас был «Старквест», мы могли бы стереть Палио, как жирное пятно, — ровным голосом сказал Бен. — Я собираюсь украсть его. Хочу проникнуть к нему там, в шахтах.

Арна Вирлинг подалась вперед с изменившимся лицом.

— Ты нужен здесь, Бен! Пойду я. Я запросто могу проникнуть в Лури, как уже доказала. Я просто смешалась с туристами, пока они толпились у внешней, прозрачной стены купола, а затем бродила с ними. Никто не понял, что я не вхожу ни в одну из тургрупп. И никто не обратил на меня внимания.

Но Бен покачал головой.

— Это задание не для женщины, Арна. Тебе бы пришлось выполнить работу, грязную даже для профессиональных убийц. Карл тоже не может пойти. Это *должен* сделать я!

На лице Арны появилось упрямое выражение.

— Если есть какой-то способ вернуть корабль, я воспользуюсь им. У вас с папой не будет ни единого шанса.

Бен уныло нажал кнопку и смотрел, как экран медленно гаснет и изображение на нем исчезает.

— Тебя узнают, Арна. Неужели ты думаешь, что твое лицо мог забыть хоть один из тех, что видел его в кино?

Арна рассмеялась своим сочным, дерзким смехом. Было время, когда этот смех заставлял волноваться весь мир, и теперь он прозвучал здесь.

— Много ты знаешь о женщинах! Да я могу заставить самого Ханка Палио показать мне все, что захочу!

— Бен прав, Арна, — прервал ее Вирлинг. — Они схватят тебя, если ты вернешься. Ты слишком красива, чтобы смешаться с толпой. Вероятно, они уже потеряли тебя, и прямо сейчас пытаются выяснить, кто ты такая и куда ушла.

Арна стиснула красивые зубы.

— Вы оба можете быть героями — но ничего не даете сделать мне! Не забывайте, что я — актриса, одна из лучших! Прическа, грим, и вы бы сами не узнали меня на улице. Иду я — и это окончательно!

Оба мужчины молчали. Бену очень хотелось, чтобы не было ни малейшей надежды и не пришлось бы принести эту жертву. Он любил Арну и не мог даже думать о том, что потеряет ее. И так уже слишком много было смертей в их маленькой команде...

Начинали они всемером. Теперь их осталось лишь трое, старый Карл Вирлинг с копной седых волос, его дочь Арна и Бен Вольф, когда-то главарь банды, но теперь, под влиянием Арны и Карла он полностью изменил свою жизнь и встал на сторону закона.

По прихоти Вирлинга они построили дом и лабораторию на далеком, бесплодном астероиде, но эта прихоть имела большой смысл. В свое время бандиты узнали о том, что на Земле Вирлинг разрабатывает лучи смерти... и ученый познал на горьком опыте, что его изобретения не должны попасть в руки нечестного человека, и это можно сделать, только ведя работы в тайне. Теперь они работали над самым большим достижением Человечества, поэтому тайну нужно было беречь еще пуще.

Нынешний «дом» был идеальным убежищем, потому что на поверхности не было ни малейших следов его существования. Зато отсюда открывался прекрасный вид на Лури, что теперь было про-

сто необходимо. Нио миновал скалу, где они прятались, и полетел вдоль кольца. В убежище было много помещений, хранивших все необходимое, а мастерская Вирлинга на самом деле оказалась прекрасно укомплектованной лабораторией. Но оба они жалели, что пришлось бросить свою главную базу, где они целых три года вели отшельнический образ жизни, работая над «Старквестом» и пытаясь сохранить свою деятельность в глубокой тайне. Но, видимо, это было невозможно. Здесь, также, в одном из подземных помещений хранились три маленьких дисколета, пассажирские модели «Старквеста», первые экспериментальные конструкции с новым вихревым гипердвигателем.

Было решено, что Бен с Арной отправятся к Нио, и они стали готовиться. Больше не было причин скрывать дисколет, ведь у бандитов уже был такой. Но им могла понадобиться его превосходящая скорость, поэтому решено было воспользоваться маленькой моделью, прообразом большого «Старквеста».

Наконец, маленький кораблик вылетел из укрытия в горном кольце и устремился в черное небо. Арна внимательно наблюдала, как Бен управляет корабликом, чтобы суметь потом самой справиться с ним. Возможно, ей предстоит вести большой «Старквест», если удастся попасть в него на Нио.

Астероид находился сейчас на самом близком расстоянии от Нио. Нужно было пересечь всего лишь немногим больше четырехсот километров космической пустоты. Они с легкостью проделали это и вскоре скрылись в черной тени гор на безопасном расстоянии от большого купола Лури.

— Как ты пробралась внутрь в первый раз, Арна? — спросил Бен, теребя рукоять маленького кислотного пистолета, который дал ему Карл перед отлетом. Это изобретение старый ученый никогда не пытался продать, слишком оно было ужасным. Теперь он лежал в кобуре на поясе Бена, и будучи необычной формы, весьма отличался от курносого «лучемета вирлинга», которым теперь пользовались все.

Арна протирала лицевую пластину шлема антиконденсатом, лицо ее было жестким и сосредоточенным.

— Просто присоединилась к толпе туристов. Ты же видишь, как они топчутся возле Лури, забавляясь почти полным отсутствием тяготения. Когда они будут возвращаться в купол, просто войди вместе с ними. По пути не отвечай ни на какие вопросы. Лучше останься, посмотри, как это делаю я, и последуй моему примеру. Конечно, если у тебя не появится собственный план. И держись подальше от девушек Ханка Палио, слышишь?

Надев шлемы, они покинули корабль и длинными прыжками направились к далекому зареву большого купола, высившегося впереди.

БЕН ВОЛЬФ ЦЕЛЫХ пять лет не окунался в эту атмосферу бурного, похотливого веселья, за которым, как он хорошо знал, скрывались такие беспощадные негодяи, как Палио, безжалостные космические бандиты. Теперь он вдруг обнаружил, что чувствует себя неуместным здесь и не знает, как вести себя, чтобы остаться незаметным. Это было его первой ошибкой. Он смешался с толпой, направляющейся в бар, и выпил несколько порций горячительного, чтобы произвести человека, измученного жаждой.

Когда-то он знал, но забыл, что никакие законы не соблюдались в переполненных заведениях Лури, разве что среди сотрудников. Он забыл, что в первые порции, подаваемые новоприбывшим, подмешивались наркотики, способные раскрепостить ум самого осторожного трезвенника. Под воздействием этих наркотиков даже самый закоренелый жмот быстро расставался со своей «капустой».

Таким образом, Бен Вольф, потенциально самый умный главарь из всех жестоких космических банд, огляделся, уже ни о чем не думая, а только желая новых наслаждений, какие тут были в избытке.

Зеленоволосая девушка вышла из дверей игорного зала и осмотрела толпу. На гладком бедре у нее висела украшенная драгоценностями кобура с игрушечным на вид пистолетиком. Она тут же выделила из толпы Бена и сделала то, что было для Бена в новинку, но привычно для нее. Она выхватила свой игрушечный пистолетик, нацелилась в него, и он вдруг почувствовал странную дрожь, пробежавшую по его телу, дрожь безобразного желания немедленно обладать райской девой с зелеными волосами. Это и было целью «игрушки», древнего инструмента, созданного культом Афдара на Венере и запрещенного законами Земли.

Девушка повернулась и пошла, уверенная, что ее жертва побегит вслед за ней. И Бен пошел за ней, немного шатаясь, и догнал ее, когда она, казалось, чуть было не сбежала от него в толпе. Когда же он наткнулся на нее, она широко улыбнулась его неуклюжести и внезапно крепко схватила за руку. Она прошептала ему в самое ухо, и этот шепот на мгновение отрезвил Бена и разогнал облака, сгустившиеся в его голове.

— Вы просто дурак! Вас же кто-нибудь непременно узнает! Быстро притворитесь, что пытаетесь меня поцеловать, и я, возможно, сумею вам помочь.

Бен застыл, как парализованный.

— Кто Вы? Откуда вы знаете меня? — спросил он, отчаянно пытаясь собраться с разбегавшимися мыслями.

Затем, постепенно, в его сознание просочилась холодная мысль о том, что он здесь делает. Ханк узнает его, если они столкнутся нос к носу, да и многие другие бандиты если не знают его лично, то прекрасно осведомлены об его репутации.

Девушка провела его вдоль стены, словно остановилась на секундочку лишь для того, чтобы перекинуться парой словечек со стойким клиентом, и Бен следовал за ней на полшага позади.

Лестница вышла на узкую галерею, ведущую вдоль верхней части громадного купола, у самого прозрачного потолка, так что от высоты спирало дыхание.

Наверху висел чудовищный диск Сатурна с большим пятнистым поясом посередине, кроваво-оранжевом и молочно-белым. Бена всегда охватывал страх при виде колец, в которых постоянно происходили мириады сложных перемещений, и груды темных пятнышек вращались над ними на фоне яркого свечения. Бен знал, что каждое пятнышко вблизи окажется громадным, как гора, куском скалы. Но здесь, на Нио, кольца выглядели громадным огненным ковром, украшенным хрупкими пламенными цветами.

Зеленоволосая девушка прислонилась к гласситу купола, обшаривая Бена взглядом. Алый рот ее был чуть приоткрыт, словно призывая к действиям, а тело было самым совершенством даже по сравнению с телом Арны, которая являлась для Бена стандартом. Он хотел о многом спросить ее, но язык стал вдруг неуклюжим и отказался повиноваться. Тогда девушка опередила его.

— Зачем вы прилетели сюда, Бен Вольф? Хотите упростить для Палио задачу уничтожить вас? Вы что, не понимаете, что он не хочет, чтобы о дисколете узнал кто-то еще?

— Это с вами говорила Арна? — пробормотал Бен, отчаянно пытаясь собраться с мыслями.

Это давалось с трудом, ум его все еще застилал наркотический туман.

— Она не хотела разговаривать со мной. Но я знала Арну несколько лет назад по шоу-бизнесу. Я знаю, что вы прилетели сюда в отчаянной попытке вернуть корабль. Но мне кажется, это все не имеет смысла.

Бен с гневом поглядел на нее. Эта женщина явно решила, что он неспособен сделать то, что должно быть сделано. Он помотал головой, пытаясь прогнать из нее туман.

Девушка снова «выстрелила» в него из своего пистолета-грушки. Стимулирующая дрожь пронеслась по всему его телу,

пробуждая каждую железу. Бен задрожал от шока внезапного возбуждения.

– Прекратите, женщина, вы же знаете, как это действует!

– Кому еще знать, как не мне? Но это поможет вашему разуму избавиться от дурмана.

– С чего бы мне довериться вам? Я не могу доверять здесь никому.

– Но вам придется доверять мне! Вам будет нужна вся помощь, какую вы сумеете получить. Если бы у меня была хоть капля здравого смысла, то я и на километр не должна была приближаться к вам. Но Ханк задолжал мне кое-что. Поэтому я хотела бы свести с ним счеты.

ЗЕЛЕНОВОЛОСАЯ ДЕВУШКА продолжала говорить тихим, но напряженным голосом, словно бормоча себе под нос:

– Космические бандиты разоряют все колонии. Они совершают налеты повсюду, кроме Земли. Но теперь они смогут захватить и Землю, так что у землян не будет ни малейшего шанса избавиться от них. И везде девушки станут такими же рабынями, как и я. Вы не знаете, каково это – делать то, что делаю я, не так ли? И мне жаль, что не знаете. Я ненавижу вымогательства и то, что они творят с людьми. Вот почему вы можете доверять мне.

На металлической лестнице, ведущей к узкой галерее, где они стояли, послышались чьи-то шаги. Бен сразу же подумал, что это за ним, и по лицу девушки понял, что не ошибся. Очевидно, его узнали тайные осведомители, как только он появился на Лури, и теперь бандиты собираются взять его здесь, где не увидит публика.

Бен почувствовал прежнюю острую вспышку адреналина, по спине пробежал холодок, и гнев смыл последние следы наркотического тумана, гнев на то, что бандиты украли дело всей жизни, как его собственной. Так и старого Вирлинга. Он выхватил кислотный пистолет, которым снабдил его старый ученый, и бесшумно направился к лестнице. Ему очень не хотелось использовать это оружие на *любом* человеке. Но он использует его, если его к этому вынудят. Пистолет действовал бесшумно, почти что мгновенно и невероятно жестоко, выплескивая сильную кислоту, действующую куда эффективнее любой пули. Старый Карл хотел рассказать ему, что входило в состав этой ультра-сильной кислоты, но Бен и слушать не стал. Он сам боялся ее. Там, где кислота попадала на живую плоть, та немедленно вскипала, а болевой шок не давал жертве выстрелить в ответ.

Мысли прекратили метаться в голове. Бен стал холоден и осторожен, увидев, как из темноты на лестнице появилось чье-то лицо, отвратительно светясь во мраке.

— Что вам нужно? — пробормотал Бен, сжимая в руке пистолет.

Человек, застыв, словно замороженный, казался удивленным. Он стоял на верхних ступеньках лестницы, и лишь его голова была видна с площадки. Затем он заговорил грубым, самоуверенным голосом, явно привыкшим к тому, что все пресмыкаются перед ним.

— Мне нужен парень, который ищет проблемы. Думаю, вы и есть тот самый, хотя я никогда не видел вас прежде. Но кто еще мог бы ждать меня с пистолетом в руке?

У говорившего самого было оружие в свободно опущенной руке, но он явно не собирался стрелять в своего противника. Он даже не пытался поднять пистолет, а просто стоял и ждал, жадно глядя на Бена, словно прикидывая, как бы половчее завладеть его пистолетом.

— Бросьте пистолет, — прорычал Бен. — Я не хочу убивать вас.

— Да вы и не сможете этой игрушкой, мистер, — глаза говорившего были по-прежнему совершенно спокойны. — Уберите свой водяной пистолетик и идемте к боссу. Он хочет поболтать с вами о деле, и я думаю, вы знаете, о каком именно.

Вольф отступил на шаг, он не хотел, чтобы брызги кислоты попали на него самого.

— Бросьте оружие, и тогда я пойду с вами. Это вы явно ищите проблем.

Бену очень не хотелось стрелять, поэтому он все оттягивал момент, когда придется использовать свой пистолет. Но его собеседник помотал головой.

— Послушайте, мистер, я просто *не могу* подчиниться вам! Босс отправит меня в шахты, если я отдам клиенту свое оружие. Будьте же разумны!

— Простите, но это ваша жизнь. Можете потерять ее сейчас или позже. Бросайте оружие.

Это оказался «лучемет Вирлинга», произведенный на фабрике старика, которая теперь была в руках «Миссий, Инк.» Незнакомый собеседник Вольфа начал было поднимать его, но Бен тут же нажал на курок. Светящееся в темноте лицо тут же исчезло в кипящей пене. Пострадавший не мог даже закричать, а просто покатился вниз по металлическим ступенькам. Бен знал, что до низа лестницы докатился лишь труп. Он повернулся к девушке, но та исчезла. Ну что ж, это ее дело. А Бену нужно бежать отсюда как можно быстрее, пока его не подстрелили другие.

Он побегал по галерее и почти завершил оборот вокруг громадного купола, когда снова увидел зеленоволосую девушку. Она стояла у небольшого люка, ведущего наружу. Туда нельзя было идти без шлема и кислородной маски. Но у нее на голове уже был шлем, а другой она протянула Бену, когда тот подбежал.

— Нужно выйти из купола и попасть в ангары снаружи, — сказала она. — Я знаю, это длинный путь, но ангары находятся почти на другой стороне Нио.

— Ты хочешь повести меня к кораблю? — спросил Бен, не в силах поверить этому.

— Если люди когда-нибудь освободятся из-под власти банд, то, я думаю, этому поспособствует какая-нибудь женщина, такая, как я, — пробормотала она, глядя, как он надевает шлем, закидывает за спину баллон и соединяет все это шлангом. — Почему бы мне не показать вам, где корабль? У вас есть всего лишь одна попытка попасть в него. Корабль охраняют. Но если вы вообще хотите вернуть свой дисколет, прежде чем бандиты построят целую тысячу таких, то сейчас самое время.

БЕН ОТКРЫЛ вентиль баллона и вышел вслед за девушкой в темноту, в узкий проход, ведущий вдоль купола снаружи. Ему очень хотелось не лезть в эту заваруху. Если бы он только мог бросить все это. Его ведь убьют. Почему он вообще придумал этот самоубийственный план? Он решил выступить в одиночку против сотен вооруженных бандитов.

Проход вывел на длинную крышу. Они, казалось, бесконечно бежали по ней. Бен знал, что так им предстояло пробежать несколько миль. Но здесь они были далеко от генераторов искусственной тяжести, поэтому Бен весил всего лишь пару килограмм. Бежали они бесконечно длинными прыжками, и, казалось, прошли часы, прежде чем перед ними возникла, как стена, голая скала. Они запрыгнули на ее вершину. Затем пробежали по гребню еще одной крыши и оказались перед более высокой стеной с дверным проемом. Девушка вошла в дверь, Бен последовал за нею, и стоял, пока она запирала воздухонепроницаемый люк. Затем они сняли шлемы. Бен снял и свои тяжелые ботинки и взглянул на сандалии девушки.

— У них подошва из пористой резины, — прошептала та.

Девушка шла бесшумной кошачьей походкой. Бен следовал за ней по треугольным фермам крыши. Они были выше больших, флюоресцентных ламп, от которых спускались вниз узкие лесенки, и Бен понадеялся, что они не столкнутся по дороге с электриками. Затем его нога ударилась о железо в том месте, где дорожка свора-

чивала под прямым углом. Бен замер. Он видел, как внизу двигается около десятка рабочих. Но никто из них не поднял головы, а стук, металлические удары и снопы искр от сварочных аппаратов подсказали ему, что внизу и так предостаточно шума.

— Вон он! — махнула рукой девушка.

Бен увидел знакомые очертания большого корабля, который был много лет средоточием его жизни. Возле корабля виднелись лишь две фигуры, одна у носа, другая перед большим воздушным шлюзом в середине корпуса. У обоих были лучевые винтовки. Бен коснулся рукой рукоятки кислотного пистолета, чувствуя, что оказался в глупом положении. Отсюда он мог их достичь, лишь оказавшись у них над головой. Но где найти позицию, подходящую для стрельбы? И еще Бен подумал, что будет чувствовать, убивая человека, который даже не видит его.

Они с девушкой осторожно пошли вперед. Лампы у них под ногами и густые тени служили прекрасным укрытием.

Шум внизу заглушил бы любые их звуки. Вольф остановил девушку.

— Я даже не знаю, как вас зовут, но спасибо, — прошептал он. — Я буду стрелять отсюда. А вы должны уйти, прежде чем начнется заваруха.

Он двинулся вперед. Девушка секунду смотрела ему в спину, затем быстро отступила и исчезла в полутьме. Вольф присел над людьми внизу, но никто из них не поднял головы. Он был у них над самыми головами и увидел еще четырех охранников, стоявших на дорожке, ведущей на верхний ярус ангара. Корабль стоял на поворотном ремонтном стенде, смонтированном по образцу древних железнодорожных депо. Безумием было думать, что он сможет увести отсюда громадный корабль без посторонней помощи... к тому же корабль мог уже быть частично разобранным. Бен вздохнул и сосредоточился на охраннике, стоявшем у корабельного люка. Бен медленно опустился на корточки и тут увидел на голове охранника защитную каску. Кислота не смогла бы проникнуть через толстую пластмассу, в отличие от пули. Но Бен все же нажал курок. Охранник выпрямился и потянулся к каске. Затем кислота проникла сквозь его одежду. Бен предположил, что она попала на позвоночник ниже края каски. Охранник рухнул, словно ноги его внезапно охватил паралич.

БЕН ТУТ ЖЕ скользнул по балке, чтобы оказаться над охранником у носа. Тот не спеша шел вокруг носа. Бен скользнул к углу балки, думая, что охранник перейдет на другую часть возвышения

и присоединится к группе, находившейся у края поворотного стола. Там его было не достать отсюда. Тогда Бен сунул свой пистолетик в кобуру, подтянулся на руках на непрочной верхней балке и кончиками пальцев дотянулся до вентиляционной трубы, идущей вдоль балок.

Охранник подошел к группе из четырех человек, что-то сказал, и один из них быстро пошел в обход. Вольф тут же понял, что именно он им сказал. Охранники принялись осматривать свои винтовки, явно проверяя заряды магазинных энергетических капсул.

Наверное, они просто нашли человека, которого он убил на лестнице. Не было времени задаваться вопросом, сколько ему осталось времени. Бен присел, стараясь найти упор на трехдюймовом угольнике. Достал кислотный пистолет, повернул рычажок, чтобы брызги кислоты летели как можно шире. Ему повезет, он может одним выстрелом накрыть всю группу.

Тщательно прицелившись, он нажал спусковой крючок. Вся группа застыла. Двое взглянули вверх, прямо на Бена. Их лица казались зеленоватыми в свете флюоресцентных ламп, но вдруг побурели от кислоты, затем вскипели кровавыми пузырями. Двое подняли было винтовки, но тут же с воплями упали на пол. Винтовки в падении выбросили смертоносные лучи.

Когда Вольф выстрелил, один из охранников как раз отвернулся, собираясь обойти корабль с другой стороны. На него попала лишь пара капель, но он все равно закричал от ужасной боли, выпустил винтовку и принялся срывать с себя прожженную кислотой одежду.

Вольф огляделся в поисках возможности спуститься и захватить лучевую винтовку. Его пистолетик был уже пуст. Он оставил его на угловой балке. Если потом будет время, нужно его разобрать и выбросить в космос. Там бы его никогда не нашли. А у космических бандитов не было подобных пистолетов, и лучше бы они у них и не появились. Именно этого хотел старый Карл.

В центре поворотного стола высился столб, на котором сверху сходились опорные балки. По столбу тянулись металлические скобы лесенки. Вольф прыгнул с балки прямо на столб и схватился за скобы. Сила тяжести в ангаре была примерно в половину земной, что упростило ему задачу. Рядом со скобами свисал металлический трос, и Вольф мгновенно спустился по нему. Приземлился у носа, бросился по захламленному поворотному столу и поднял с пола лучевую винтовку. В ноздри ему ударил смрад от дымящихся тел. Вольф споткнулся о тело человека, который все еще был жив. Он стонал и корчился в муках. Вольф выстрелил ему в голову, и белесые мозги расплескались по полу. Больше не взглянув на него,

Вольф помчался к большому люку в корпусе корабля, испытывая свирепое ликование.

Он поднял рычаг, открывающий люк. Тот легко поддался. Люк должен был распахнуться, но даже не дрогнул! Вольф ошеломленно стоял, уставившись на упрямую стальную пластину. Затем он увидел, что люк окружают рубцы сварки. Бандиты не стали рисковать. Они заварили люк, ожидая, пока придут эксперты, чтобы изучить конструкцию корабля и построить по его подобию множество дисколетов. Вольф установил рычажок на винтовке на четверть мощности, отступил и выстрелил лучом в нижний рубец сварки.

Полетели сверкающие искры металла. Вольф почти что ослеп от их блеска. Затем он еще уменьшил мощность и ударил лучом по следующему рубцу. Сварка плавилась почти мгновенно, и через минуту люк уже был освобожден. Твердая сталь люка не была при этом повреждена, поскольку была создана, чтобы противостоять куда более разрушительным силам, чем луч винтовки Вирлинга.

Вольф уже открывал люк, когда сзади раздались крики и послышался топот ног. Он успел нырнуть внутрь и захлопнуть за собой толстую пластину люка, когда в нее ударил луч. Полетели расплавленные остатки сварки. Вольф запер люк изнутри и оказался в безопасности. Теперь бандиты не смогут открыть люк снаружи.

ВОЛЬФ ОТБРОСИЛ винтовку, распахнул внутренний люк шлюза, закрыл его за собой и поднял рычаг, окончательно запирая корабль. Его шаги простучали по коридору, когда он помчался в пилотскую рубку. Вольф надеялся, что бандиты не догадаются попытаться проникнуть в корабль с носа. Носовые гласситовые пластины могли бы и не выдержать прямые попадания лучей Вирлинга.

Ворвавшись в рубку, он первым делом выглянул через прозрачную носовую панель наружу, но не увидел ничего, кроме тянущихся во всех направлениях балок, поддерживающих крышу.

Тогда, сев в кресло пилота, он щелкнул вихревым выключателем нагревателя, затем повернул основной тумблер, запускающий динамо-машины. Затем медленно досчитал до десяти и потянул на себя рычаг подъема.

Невольно втянул голову в плечи, когда корабль ударился в крышу. Раздался треск и скрежет ломающихся балок и раздираемого пластика крыши ангара, затем стук падающих обломков смешался с сухими щелчками лучевых винтовок, палящих по носу. Двигатели оглушительно взревели, когда Вольф вытянул до упора на себя рычаг подъема. Вихревые токи поставили корабль на хвост, а затем

с силой швырнули его в космос. От страшного удара Вольф, которому некогда было пристегнуться, вылетел из кресла и, врезавшись в заднюю стенку рубки, потерял сознание. Последнее, что он услышал, был рев двигателей, вой динамо-машины, а перед глазами его медленно затухали бешено скачущие стрелки приборов. Затем сработал главный выключатель, и ускорение прекратилось. Но к тому времени «Старквест» уже был далеко от Нио, направляясь к Сатурну, чуть не задев светящийся ковер из камешков, скал и мелких астероидов, составлявших собственно кольца. Еще бы километр, и корабль бы врезался прямо в кольцо. Вольф лежал без сознания. «Старквест» летел вперед, буквально на миллисекунды полета выше роящихся обломков кольца.

НА НИО ХАК ПАЛИО стоял, воткнувшись глазом в окуляр своего телескопа, и глядел во след «Старквеста». Он тихонько ругался сквозь зубы, наблюдая, как рушатся все его планы, и улетает все дальше возможность захватить власть во всей Солнечной системе. Он уже поднял с Нио флотилию своих налетчиков.

— Захватите этот корабль или вообще не возвращайтесь!

Явно не поздоровится тем парням, кто виновен в потере корабля...

Корабли Палио осторожно приблизились к смертельно опасному вращающемуся кругу скал. Когда до них осталось километров двадцать, они полетели параллельно кольцу — и Палио знал, почему. Какими бы мощными не были их атомные двигатели, но если они спустятся еще ниже, то уже не сумеют вырваться из мощной гравитации огромной планеты. «Старквест» же летел все быстрее вниз, к верхним слоям атмосферы планеты, поверхность которой была по-прежнему неизвестна. Потому что ни один корабль, пытающийся увидеть эту поверхность, скрытую вечно несущимися облаками, еще не вернулся назад.

СТАРЫЙ КАРЛ ВИРЛИНГ тоже наблюдал за безумным полетом «Старквеста» на экране на стене убежища. Его большие, костлявые кулаки были стиснуты так, что побелели костяшки пальцев. Затем он развернулся в своем вертящемся кресле, резко включил радиопередатчик и проревел в микрофон:

— Уходи оттуда, слышишь? Какого черта ты творишь? Уходи от планеты, Бен!

В пилотной рубке корабля Бен, очнувшись, словно издалека услышал крики ученого.

Он с трудом поднялся на ноги, подстегиваемый ревом старика, человека, которым он восхищался больше всех на свете. Чувство

опасности сгустилось в наэлектризованной атмосфере корабля. Вихревые двигатели сами по себе работали тихо, но теперь автоматика отключила их вовсе, и корабль находился в свободном падении. Впереди светились бескрайние равнины облачных поясов Сатурна, закрыв собой весь космос.

Бену хватило одного вида этой планеты, чтобы окончательно прийти в себя. Опасность ударила ему по нервам, как электрический разряд, он тут же вернулся в пилотское кресло, включил двигатели и глядел, как стрелки приборов задергались, а затем стабилизировали свои показания. В голове у Бена творился кавардак, поэтому и речи быть не могло о каком-либо вычислении курса, он только знал с мертвенной уверенностью, что радиальная скорость его далеко превосходила ту, на которую был рассчитан дисколет, а для торможения оставались буквально считанные километры. Из всех сил пытаясь прийти в себя, Бен понял, что единственная надежда состояла в том, чтобы повернуть нос корабля под прямым углом к его нынешней траектории и врубить двигатели на полную мощность. Если он таким образом сумеет преобразовать силу падения в тангенциальную скорость, и если при этом умудрится пролететь сквозь светящиеся облака, которые были теперь низом, то корабль опишет дугу, и сама набранная уже скорость вынесет его за пределы опасного тяготения планеты.

Напрягая зрение, он, не отрываясь, глядел за прибором, показывающим степень нагревания динамо-машин. Если снова включится автоматический прерыватель, то это будет означать смерть. Лишь один небольшой факт, о котором говорили приборы, давал ему слабый лучик надежды. Чем ближе он подлетает к огромной планете, тем сильнее становится ее магнитное поле, из которого вихревые двигатели корабля черпают дополнительную энергию. Как только приборы показали, что корабль все больше отклоняется от траектории падения, Бен с облегчением откинулся на спинку кресла. Если ему суждено умереть, то больше он все равно ничего не может сделать. Он даже не глядел вниз, на светящуюся равнину, которая заполонила уже весь обзор, а по гласситу носа корабля стегали капельки аммиака.

Затем туман закрыл весь обзор. Корабль летел все дальше и ниже, с полной скоростью, за которой Бен даже уже не следил по приборам. Возрастающая сила тяжести вдавила его в спинку кресла и принялась стискивать, пытаясь сломать, ребра. Сила эта все увеличивалась, пока за каждый вздох не пришлось бороться, как за последний глоток воздуха в жизни. Затем сознание милосердно

покинуло Бена. А «Старквест» продолжал в одиночку бороться за жизнь.

Внезапно Бен пришел в себя. Когда в глазах прояснилось, он мельком увидел за прозрачным гласситом беспорядочную россыпь гор и пропастей между ними, идущих, казалось, до самого огненного сердца планеты. Бен был очень слаб, но любопытство проснулось в нем, когда он увидел, что Сатурн не был шаром, как все известные ему планеты. Эта была безумная, сплоченная масса разнородных скал, каждая размером с земную Луну или еще больше. Сатурн еще только готовился стать планетой, уже собралась вместе масса материи, из которой когда-нибудь, через миллионы лет, возникнет однородная планета. Сейчас же все эти обломки покрывали вращающиеся толстенные облака газов.

Затем, миновав нижнюю часть дуги, корабль снова пошел вверх, и облака закрыли обзор.

АРНА ЖДАЛА во внешнем офисе резиденции Ханка Палио приема и слышала отчаянные проклятия бандита, топот бегущих ног и резкий лай приказов. Она понимала, что что-то происходит, и лишь молилась про себя, чтобы это была не гибель Бена Вольфа. Не собираясь довести до конца свой рассчитанный обман Палио, собираясь лишь воспользоваться своими способностями актрисы, чтобы понять внутреннюю работу преступной организации, Арна встала и, покинув приемную, смешалась с взволнованной, беспорядочно движущейся толпой туристов в помещениях Купола. Она обнаружила, что большинство столпилось у прозрачной внешней стены Купола, пытаясь увидеть, куда устремился десяток больших, вооруженных космических кораблей, стартовавших с противоположной стороны Нио.

Догадываясь, что Бен, вероятно, снова украл «Старквест», Арна спросила у стоявшего рядом человека:

— Что происходит? На нас напали?

Заточка Фреддин повернулся к ней, бросив обшаривать взглядом толпу в поисках вероятного сообщника похитителя, поскольку решил, что если когда и будет удачное время ударить по Палио, так это именно сейчас, когда большая часть его людей улетела в погоню за «Старквестом», а остальные заняты суматошными поисками тех, кто мог быть вместе с Вольфом и кто остался в Куполе.

Заточка сразу узнал Арну, что изменило все его планы. Здесь стояла та дама, которую искал Палио, чтобы расквитаться с Беном, который только что его обокрал! Но Заточка мог и сам использовать ее, возможно, даже попытаться обменять дисколет на Арну

Вирлинг. Она была ценной заложницей. А если бы все обернулось против него, Заточка мог бы даже использовать ее для заключения сделки с Палио.

— Привет, детка, где я тебя мог видеть? — спросил Заточка самым обворожительным голосом.

— Нигде. Но вы можете сказать мне, что вызвало такое волнение?

Арна тут же пожалела, что заговорила с этим человеком, потому что лицо Заточки не могло вызвать никаких иных чувств, кроме глубочайшего недоверия.

— Ну, я мог бы сказать, если бы ты была *любезна* со мной. Но только не здесь, где слишком много посторонних ушей. Если бы мы остались наедине, там, где нас не могут подслушать, я бы все объяснил.

Арна последовала за ним, внутренне содрогаясь при мысли, что останется с ним наедине. Заточка привел ее в собственную квартиру, запер дверь, повернулся к ней и усмехнулся.

— Ты пробудешь здесь еще долго, детка! У меня относительно тебя обширные планы. Я знаю, кто ты, поэтому не стоит кричать. Палио не станет обращаться с тобой так же любезно, как Заточка Фреддин. А теперь будь хорошей девочкой и жди здесь. У меня есть еще срочное дело, но потом я вернусь. Пока...

Заточка нырнул из комнаты, запер дверь снаружи и, хихикая, пошел приводить в исполнение свои планы захвата власти в Куполе. Арна Вирлинг оказалась пленницей человека, о котором не знала ничего, но догадывалась, что он запер ее здесь не для Палио, а по каким-то своим причинам. Немного придя в себя от неожиданности, она принялась искать способ сбежать отсюда, но все было тщетно.

ПОСТЕПЕННО ТЯЖЕСТЬ, давившая на грудь Бена, стала уменьшаться, и он смог шевельнуть рукой, выпрямить спину и пошевелить затекшими ногами. Уже стало возможно дышать, и воздух со свистом втягивался в его измученные легкие. Снаружи исчезли светящиеся облака, а наверху раскинулся ковер колец. Он сумел убраться оттуда, откуда никогда бы не смог улететь ни один корабль! «Старквест» прошел более трудное испытание на прочность, чем любое, которому кто-либо посмел его подвергнуть!

— Бен! — раздался в динамике видеофона взволнованный голос Вирлинга, и сердце Вольфа подпрыгнуло, поняв, что волнуется старик именно о нем. — Послушай, Бен, у меня уже сердце ушло в пятки. Ради Бога, скажи же хоть что-нибудь!

Бен еще раз вобрал пылающими легкими воздух.

— Мне пока что трудно говорить, Карл! Скажи мне, где сейчас парни с Нио?

И Вольф надсадно закашлялся.

— Боже, наконец-то я услышал твой голос! Я был уверен, что ты без сознания, когда корабль нырнул с сумасшедшей скоростью в атмосферу Сатурна. Бандиты отступили, когда ты скрылся в облаках. Некоторые полетели вдоль колец по часовой стрелке, а некоторые против, полагая, что твой курс продолжится так же в плоскости колец.

— Ты можешь увидеть меня в телескоп, Карл?

— Я не хочу открыть твоё местоположение в том случае, если они подслушивают наши переговоры, Бен. Не говори, где следует тебя искать. Просто лети назад, когда появится такая возможность.

Бен сориентировался и понял, что удача не изменила ему и на этот раз. Дикий курс вывел его над северным полюсом Сатурна. Нио был на противоположной стороне, на краю внешнего кольца. Он не мог бы рассчитать лучший маршрут для бегства, даже если бы заранее планировал его. Не было никаких признаков, что преследователи его обнаружили. Вольф решил попытаться вернуться в убежище, зная, что они со старым ученым могли быстренько собрать кое-какое оружие, хотя бы лучи Вирлинга, которые теперь чаще всего используются в космических стычках.

— Лечу к папочке. Открывайте двери... — сказал Вольф и нажал кнопку выключения передатчика.

ПАЛИО ПРИКОСНУЛСЯ к рукоятке пистолета в кобуре у него под мышкой, стреляющего высокоскоростными пулями. Пистолет ему мог пригодиться, если откровенный разговор с Заточкой Фрединдом пойдет так, как он планировал. Затем, оглядевшись в последний раз, Палио ткнул пальцем в кнопку у двери, ведущей в жилище Заточки. Когда дверь отказалась открываться, Палио понял, что правильно оценил своего лейтенанта. Тот или сам прячется внутри, или прячет там что-то ценное. Поэтому Палио достал из кармана универсальную отмычку, способную вскрыть любую дверь. Ханк не мог позволить своим людям хранить от него секреты и запираť двери. Он приложил отмычку к двери, и болты вывинтились сами собой под воздействием особых лучей отмычки, которая была секретом Палио.

Арна безнадежно бродила по комнате. Когда Палио распахнул дверь, она резко повернулась к нему. Ее внешность даже в пластикатном рабочем комбинезоне, какие все носят в космосе под

скафандрами из-за удобства и практичности, не могли скрыть ее очарование.

Через секунду она узнала Палио, поскольку знала его в лицо. И он тоже знал ее. Палио был поражен даже больше, чем Арна.

— Так это тебя, Арна Вирлинг, запер в своей комнате Заточка Фреддин? — спросил он хриплым, ошеломленным голосом. — Что ты вообще здесь делаешь? — Затем он глумливо усмехнулся, поскольку знал, что если хочет заставить людей говорить, то нужно сначала их разозлить. — А, так я наткнулся на тайное любовное гнездышко? И безупречная Арна Вирлинг, ангел среди людей! Положительно, теперь я даже стыжусь, что когда-то любовался тобой на экране!

Арна поднесла руку ко рту и в замешательстве попятилась от Палио. Она подумала, что Палио послал Заточку, чтобы тот допросил ее, поскольку понятия не имела о соперничестве за власть между ним и Заточкой. Когда значение его слов постепенно дошли до нее, гнев заставил щеки Арны порозоветь. Ее прекрасные глаза засверкали.

— Вряд ли вы когда-либо смотрели хоть что-то, кроме новостей, мистер Палио, — ответила она. — Мистер Фреддин запер меня здесь с известными лишь ему целями. Я полагаю, вы пришли, чтобы освободить меня?

Палио усмехнулся ей, в нем бурлила сложная смесь ярости на Заточку, явно строившего какие-то тайные планы, и жажды при виде этой женщины — женщины его врага Бена Вольфа. Прикрывая тонкой рукой горло, Арна стала отступать, когда Палио обезьяньей походкой направился к ней. Он подумал, что может поразвлекаться в ожидании Заточки. Убийство Заточки было бы приятным делом, и несколько уменьшило бы его ярость от потери «Старквеста».

ЗАТОЧКА ФРЕДДИН, в сопровождении четырех боевиков Палио, которым надоело страдать под тяжелой дланью своего босса, вернулся в свое жилье, чтобы доказать, что женщина Вирлинг действительно у него, и провести военный совет, прежде чем он попытается убрать Палио со своего пути. Палио же, потерявшему уникальный «Старквест», до зарезу требовался заложник, которого можно было обменять на этот корабль. Заточка был уверен, что теперь ему все удастся. Ошеломленно увидел дверь своей квартиры приоткрытой, и бросился внутрь, чтобы убедиться, что заложница все еще там.

Все пятеро столпились в дверях с выражениями развлечения, удивления и веселья на лицах. Палио стоял спиной к двери, обхватив обеими руками блондинку, и изо всех сил пытался опрокинуть

ее на широкий, удобный диван. Он дышал тяжело, со свистом, а блондинка боролась, как тигрица, извиваясь всем своим телом со стремительностью змеи. Ее яркие волосы метались, совершенно закрыв лицо.

Заточка мгновенно, змеиным жестом выхватил свой духовой пистолет. Сами Небеса послали ему такую возможность! Гнев на нарушение Палио неприкосновенности его жилища и его прав на пленницу давал ему оправдание за убийство, которое Заточка так долго планировал. Остальные тоже достали оружие и ожидали действий Заточки.

Но Заточка не мог стрелять, боясь попасть в заложницу. Смешавшиеся в голове мысли толкали его вперед, прямо к спине Палио, и, хотя Заточка страшно не хотел терять возможность заставить Палио повернуться и тоже схватиться за оружие, он все же перехватил тяжелый духовой пистолет за ствол и рукояткой с силой ударил по голове своего босса.

Раздался глухой стук металла о кость. Палио навалился на Арну и мягко сполз на пол, где остался лежать, не двигаясь, а на его багровой физиономии застыло глупейшее удивление.

Арна отбросила волосы с лица и уставилась на Фреддина.

— Спасибо, мистер Фреддин. Мне даже не верится, что это вы.

И она попыталась поправить свой порванный комбинезон.

— Не благодарите меня, он еще жив. Просто держитесь Заточки Фреддина, и выберетесь отсюда, по крайней мере, живой. — Он повернулся к остальным, понимая, что если сейчас упустит момент, то часы его будут сочтены. — А теперь мы должны захватить власть в Куполе, прежде чем остальные парни вернутся. Будем надеяться, что им еще долго придется гоняться за Беном Вольфом. Их корабли не могут сравниться по скорости с дисколетом. Легс, возьми Джима и отправляйтесь в святая святых Ханка. У него есть там оружие как раз на такой случай, и оно нам понадобится...

Правильно распределив свои слабые человеческие ресурсы, Заточка запустил в действие план по захвату власти в Куполе Лури и организации Палио в целом. Слушая его, Арна, наконец, поняла, каким боком она сама вписывается в планы этого проходимца. Она была нужна ему живой, в качестве заложницы для обмена на дисколет Вирлинга.

ДВАДЦАТЬ МИНУТ спустя зеленоволосая Джени услышала полное изложение событий от самого Заточки.

Заточка велел Джени позаботиться о документации и внешнем офисе, пока в Куполе снова не воцарится порядок. Так она ока-

залась в офисе Ханка Палио одна, во внутреннем святилище Заточка оставил троих охранников. В картотеке Джени нашла карту Лури и проследила маршрут к квартире Заточки Фреддина через вентиляционную шахту. Затем вернула карту на место и занялась собственноручной миссией спасения. Она была кровно заинтересована, чтобы Арна Вирлинг не оставалась пешкой в планах бандитов относительно установления власти во всем космосе.

Запомнив маршрут и все повороты вентиляционной трубы, Джени отвернула болты, держащие решетку. Затем сняла ее и с трудом пролезла в трубу. Там было слишком узко, чтобы передвигаться на четвереньках, можно было лишь ползти, извиваясь по-змеиному.

Только Джени с худенькой, гибкой фигуркой сумела проделать этот путь. Так она попала на этаж, где находилось жилище Фреддина.

Арна расхаживала по квартире, думая над тем, как вырваться на свободу. Услышав какие-то звуки, она бросилась в соседнюю комнату. Джени, вылезая из вентиляционной трубы, поразила ее.

— Арна! С вами все в порядке? — воскликнула Джени. — Я волновалась, не зная, что эти гориллы сделали с вами!

— Джени!

Арна обняла маленькую зеленоволосую гурию, и на сердце ее стало теплее при виде дружественного лица.

— Нам сейчас некогда болтать, мисс Вирлинг. Заточка пока что занят, и нам нужно раздобыть оружие, прежде чем все уляжется. Но пока все в порядке. Что они сделали с Ханком?

— Не знаю, Джени, но меня это не волнует. Они утащили его отсюда, сначала наградив ударом рукояткой пистолета по голове, но я думаю, что он все еще жив. У тебя есть какие-то планы, или ты просто пришла ко мне в гости?

— Вы знаете, что вашему другу Бену Вольфу все же удалось завладеть кораблем?

— Я поняла это из их разговоров. Думаю, они хотят использовать меня в качестве заложницы, чтобы вернуть себе корабль.

— Что ж, идея не глупая. Ваш папа бы сдался. По крайней мере, вы даете им в руки рычаг, который они используют против него. А поэтому я планирую вытащить вас отсюда. Лезь в шахту, подруга, и радуйся, что ты по-прежнему худая.

Две растрепанные, грязные женщины, наконец, появились из вентиляционной шахты за пределами купола, где царил космический вакуум. Но по пути Джени заглянула в хранилище за парой шлемов и кислородных баллонов. Таким образом им удалось пройти к до

сих пор не обнаруженной космической шлюпке, на которой Арна и Бен Вольф прибыли на Нио.

КОГДА БЕН ВОЛЬФ завел «Старквест» в относительно безопасное убежище и вышел из корабля, Арна уже вернулась. Она бросилась вперед и отчаянно стиснула его в объятиях.

— Ты сделал это! — закричала она. — Да ты просто герой! Ты бы слышал, как бандиты...

Бен крепко обнял ее. Он никогда еще не был так рад кого-либо видеть. Странно, что он ведь уже собирался умереть, но теперь захотел жить с новой силой.

— У тебя были какие-либо трудности при возвращении сюда, Арна? — спросил он.

Арна отпустила его и повернулась к застенчиво ждавшей позади Джени.

— Эта девушка буквально вырвала меня из лап сам знаешь кого, поэтому мы оба многим обязаны ей.

— Девушка с зелеными волосами! — воскликнул Бен.

Джени поклонилась и со смехом обменялась с ним рукопожатиями.

— Зовите меня просто Джейн, мистер Вольф. Я ваша старая поклонница, с тех пор, как услышала, как вас проклинают те, кого я ненавижу.

Старый Карл с нетерпением глядел на них.

— У нас нет времени, как бы ни было это интересно, — прервал он, наконец, их взаимные расшаркивания. — Они очень быстро найдут нас. Слишком мало есть мест, где можно спрятать «Старквест», всего лишь с десяток астероидов. Они быстро определяют наше местоположение, даже если никто не видел, как вы летели сюда. Нам нужно быстрее установить на «Старквест» оружие и смыться. Корабль оказался быстрее и гораздо мощнее, чем мы ожидали. В полете мы будем в большей безопасности, чем прячась здесь.

— Я пронесся над самыми скалами на поверхности Сатурна, Карл! — в голосе Бена звучала гордость и уверенность. — Еще ни один корабль из тех, что проникли за облачный покров этой планеты, не вернулся, чтобы рассказать об увиденном. Теперь я точно знаю, на что способны твои дисколеты. Но у кораблей бандитов есть ракетное оружие и много чего еще. Одной скорости недостаточно. У нас нет оружия, способного справиться с ними. Конечно, мы можем бегать от них, но, рано или поздно, они сумеют подойти к кораблю на расстояние выстрела.

— У меня есть одна идея, которую я еще не использовал, но на это потребуется время, — ответил ему старый ученый. — Нужно время,

чтобы протестировать это оружие, Бен. Мы не можем положиться на него, не опробовав, когда от этого зависит наша жизнь. Это оружие – простая молния, Бен. Кольца и облака Сатурна являются самими громадными конденсаторами в Солнечной системе. Они под завязку заряжены электронами и готовы к работе. Я бы сказал, что с их помощью мы можем создать самую большую молнию в мире. Мы сможем создать управляемый ионный луч такой мощности, перед которым не устоит никакая защита.

– Ионный луч ненадежен. Ты ведь не можешь управлять его энергией, как в обычном лучемете Вирлинга, – возразил Бен.

– Да, это так, но тут иное дело. В обычном лучемете Вирлинга количество энергии управляемо и ограничено. В данном же устройстве будет громадная энергия естественной молнии. Это же колоссальная мощность!

Бен сел, подумал и быстро начертил схему.

– Это может быть сделано двумя лучами, Карл, – сказал он. – Глазами его будут цель, источник энергии и наш корабль.

– Идея верная, Бен, но схема не совсем точна, – возразил Карл Вирлинг. – То, о чем я говорю, является сеткой, как сетка вакуумной лампы, которая пропускает электроны. Свободные электроны всегда стремятся оттуда, где их много, туда, где их мало. Ионизированный луч сыграет роль проводника, по которому они потекут. Сетка нужна, чтобы воспрепятствовать потоку вернуться по ионизированному лучу обратно к нашему кораблю. Я хотел испробовать это еще несколько лет назад, но из-за работ над кораблем оставил на потом. Предположим, что мы установим на носу корабля большую сеть и ионный луч, идущий по ее центру вдоль корабельной оси. Сеть с одинаковым зарядом отразит молнию, и та устремится от большего напряжения к меньшему. Это триггер, похожий на затвор камеры. Ионный луч проложит путь молнии от облаков Сатурна до цели, а сеть не даст ей уйти обратно вдоль по лучу. Ты понял?

Глаза Бена Вольфа сверкнули от восхищения.

– Это сработает, Вирлинг, старый вы гений! Это сработает!

Старый ученый усмехнулся.

– Думаю, я добавил еще одно смертоносное оружие к немалому арсеналу Человечества, но будем надеяться, что оно будет использовано только во имя добра. Позади сети мы смонтируем ионную обмотку как в лучевой винтовке Вирлинга, а кольца и облачный покров Сатурна будут нашим источником энергии. Сомневаюсь, что у Палио и его банды есть что-то помощнее!

Бен стиснул кулаки. Брови его насупились. Квадратный подбородок выдвинулся вперед, зубы ощерились.

– Давайте быстрее смонтируем это оружие, Карл. Клянусь своим именем, именем Бена Вольфа, я вымету Палио из кольца поганой метлой!

Польщенный старик принялся натягивать скафандр на испачканный рабочий комбинезон.

– Мне потребуется примерно час, чтобы разобраться в деталях. Ты, Бен, пока отдыхай, а мне помогут девушки. Ты уже через многое прошел, а если ты хочешь сразаться со всей флотилией бандитов, то тебе понадобятся все силы.

– **ЭТО ВСЕ РАВНО**, что играть с вулканом и ожидать, что он станет вести себя, как комнатная собачка, – пропыхтела Арна, таща тяжелую цепь вдоль направляющих на нос «Старквеста».

Джени, которая помогала старику загружать грузовик деталями оружия и больше путалась под ногами, спросила:

– А что помешает этой молнии ударить вдоль луча обратно по нашему кораблю?

Старик вздохнул, поскольку у него и так было слишком много дел, но все же попытался объяснить ей основные принципы действия электросхемы.

– Не беспокойся, девочка, все получится. Меня волнует лишь одно... Их слишком много, и продержится ли Бен достаточно долго, чтобы уничтожить всех?

Установить большой шарнир, ствол и сетку было тяжелым трудом для старика и двух девушек, но через два часа все было готово.

Арна отказалась остаться в убежище, так же, как и Джени, и все вчетвером устроились у только что установленного оружия, а «Старквест» вынырнул из туннеля убежища и устремился в звездное небо, к светящимся скалам, составляющим внешнее кольцо. Они направлялись к громадному диску Сатурна под углом, который должен на время скрыть их стремительное передвижение, направляясь туда, где плоскость кольца делила этот диск пополам.

Когда старик повернул тумблер аккумулятора, они висели над самым уровнем облаков, скрытые от возможных наблюдателей. Громадное кольцо высилось впереди всего лишь в нескольких километрах, точно стена света. Сеть задрожала, а Бен стал с нетерпением ждать момента, когда сможет направить в цель ионизирующий луч. Он знал, что сейчас в сети пульсирует сила всего Сатурна, и надеялся, что сеть все-таки спасет их, и они не получают обратный импульс. Если этот электронный клапан не сработает, им настанет конец, потому что вряд ли они сумеют долго бегать от кораблей

всех космических бандитов. Бандиты не успокоились бы, пока бы не заполучили или не уничтожили «Старквест».

— Все, что нам нужно для проверки, так это пустить радиоуправляемую торпеду. Я жду команды.

Вольф посмотрел на Вирлинг, тот кивнул, и Вольф щелкнул переключателем, разрядившим ионизирующий луч. Вокруг носа корабля ниже прозрачного глассита рассыпались снопы искр. Закрепленное орудие зажужжало от отдачи, сеть безумно завибрировала от внезапного скачка напряжения. Далеко впереди в облака Сатурна ударила огромная молния. Отдача завертела «Старквест», как веточку в океане.

Бен издал ликующий крик, и все с тревогой поглядели на все еще светящийся луч, опасаясь, что молния может вернуться и ударить по кораблю. Но сеть решительно преградила дорогу лучу с противоположным зарядом, и через несколько секунд все поняли, что она выполнила свое предназначение.

— Я думаю, у нас есть уничтожитель, папа, — пробормотала Арна, восхищенно стискивая руки отца.

— Я просто ослеп, — проворчал Бен и помотал головой, пытаясь прояснить зрение. — Эта молния была ярче, чем вспышка магния перед самыми глазами. Нужны очки с закопченными стеклами, если я хочу сражаться с кораблями бандитов.

— Ты полетишь не один! — захохотал старый Карл. — Полетим мы все, и мужчины, и женщины, и все тебе пригодится. Так что даже не думай оставить нас в убежище. Ты не можешь вести корабль и одновременно стрелять. Так, а теперь попробуй выстрелить по цели, я хочу увидеть, что молния может сделать с металлическим корпусом.

ШЕСТНАДЦАТЬ ПОЛНОСТЬЮ оснащенных боевых кораблей вылетели с Нио на поиски «украденного» корабля. Это были самые мощные боевые корабли в Системе, ведь только у кораблей Палио было самое мощное вооружение, защитные экраны и все, что нужно для сражений в космосе. Главари никогда не жалели денег на вооружение. Эти корабли получили приказ найти «Старквест» и вернуть его, даже если придется его преследовать до самого Ада.

Часы за часами проходили в бесплодных поисках, так как «Старквест» спрятался за облаками атмосферы Сатурна. Но космос велик, и если корабль уцелеет при таком погружении в атмосферу ужасной планеты, то его трудно будет быстро отыскать. Так что бандиты бросили поиски, решив, что корабль устремился на окраины Солнечной системы. Но затем Бен проверил свое новое оружие, и вдоль

облаков, ниже колец, возникли странные явления, никогда раньше не наблюдаемые. Бандиты собрались в том месте, где произошел странный «шторм». Арна, сидя на своем посту у телескопа, не замечала бандитские корабли, пока «Старквест» не высунулся из-под облаков, решив сам отправиться на поиски вражеских кораблей.

Они вышли из облаков непосредственно под флотилией Палио, и мимо «Старквеста» полетели смертоносные лучи, но тут Бен провёл корабль по короткой дуге и снова нырнул в облака. Когда корабль исчез, пираты стали стрелять по облакам наугад.

Один из пиратских кораблей ринулся за ним, поскольку пилот был охвачен горячкой погони и надеялся увидеть его на инфракрасном экране. Бен немного поднял корабль и тут же увидел удары лучей на пути «Старквеста». Бен быстро вильнул в сторону, затем передал управление кораблем Арне и сел за прицелом лучевой установки Вирлинга.

Арна вернула корабль на прежний курс, перевернула его на сто восемьдесят градусов, и Бен инстинктивно нажал гашетку нового оружие, когда перекрестие нитей прицела поймало как раз посередине тусклый в облаках корпус преследующего корабля.

Ослепительная молния, казалось, одела цель в огненную корону. Основной удар мгновенно разогрел корпус до звездных температур, тот лопнул и разлетелся оплавленными осколками, а за ним в десятки направлений полетели трупы вперемешку с содержимым корабля: оружием, пневматическими подушками кресел, кухонной утварью, постельными принадлежностями, неистово вращаясь, словно Солнечная система в миниатюре, и так, вращаясь, все это рухнуло в непроницаемые облака и скрылось из глаз.

– Они падают, как яблоки! – закричала Джени и плюнула на пол, подчеркивая свое презрение к погибшим бандитам.

Но никто из находившихся на взорванном корабле уже не смог бы услышать ее слова.

– Как фейерверк в День Независимости! – крикнула ей в ухо Арна, и мгновенно обе женщины зачарованно, как дети, глядели в опустевший экран.

Бен не был уверен, видела ли остальная флотилия его корабль, на мгновение вынырнувший из облаков. Но на всякий случай он снова послал «Старквест» вниз, пролетел под облаками и вынырнул носом к висевшим над Сатурном кораблям. Молнии снова прочертили небо между облаками и кольцами, ослепительные, ужасные, сметающие все на своем пути. Летевшие навстречу корабли, делая не

меньше двух тысяч километров в час, не имели возможности остановиться или хотя бы отклониться от курса.

Они задрожали, когда ударные волны разорвали пространство перед ними, затем оказались в пределах досягаемости, и Бен ударил ионным лучом по каждому из них. Молнии пробили защитные экраны и бронированные корпуса. Еще два корабля брызнули осколками и полетели вниз, погружаясь в облака аммиака, чтобы уже не вернуться. Флотилия, понеся потери, пролетела по инерции дальше и вышла из зоны стрельбы, причем ни один из уцелевших не знал, что случилось с другими кораблями.

— Интересно, они поняли, что происходит? — спросил Вольф, усмехнувшись Арне.

— Я весьма сомневаюсь в этом, — голос Арны был холоден и тверд. — Не думаю, что они так быстро соображают. Они знают, что нечто бьет по ним, но им не хватит мозгов понять, что именно.

— Я думаю, мы должны снова приманить их к себе, — заявил Карл Вирлинг, пристально вглядываясь в темноту над уровнем облаков. — Если мы улетим дальше в космос, то у нас не будет энергии для молний — мы можем сражаться только здесь, между кольцами и облаками. Тем более, если они определили наш курс и выслали корабли на перехват, то поймают нас в ловушку. Нет, безопаснее оставаться на месте.

Не думая, что какой-то корабль мог нанести подобный урон почти неуязвимым прежде крейсерам космических бандитов, оставшиеся корабли разлетелись по широкому кругу в поисках «Старквеста». Они были уверены, что ударившие по ним молнии были всего лишь необычным природным явлением, случайностью, а не делом человеческих рук.

— Ну, теперь мы по-настоящему ударим по ним! — проворчал Бен, когда группа бандитов совершила разворот и ринулась к ним. Он послал луч серий коротких очередей, и результат был похож на залп батареи скрытых ракет, вот только вылетевшие из облачного слоя молнии были куда мощнее и разрушительнее, чем любые человеческие ракеты. Поворачивая тяжелую сеть вместе с ионным лучом, Бен стал работать им, как садовым шлангом, выплескивая яростную энергию с одного корабля на другой. Силовые экраны крейсеров могли сопротивляться лишь долю секунды, а затем погасли, когда сеть создающих их проводов, протянутая под броневыми плитами корпусов, расплавилась и разлетелась брызгами металла вместе с этими корпусами. Но это все же заняло какое-то время. И бандитские стрелки увидели «Старквест» и светящийся ионный луч. Голубоватые лучи Вирлинга ударили по нему и попали

по корме «Старквеста», оставив в ней зияющую рану, из которой с ревом устремился в космический вакуум воздух.

Старый Вирлинг быстро нажал кнопку, закрывая герметичные двери заднего отсека, корабли Палио скрылись из виду.

Бен не знал, все ли они уничтожены, но ведь уцелевшие непременно сообщат о потерях своему боссу Палио на Нио, и тот вернет их обратно на поиски.

«Старквест» висел над внешним краем облачного слоя, пока Бен с Карлом пытались решить, что делать дальше, чтобы их не поймали там, где у них не было доступа к необъятному хранилищу энергии в кипящих облаках Сатурна.

— Мне кажется, Нио достаточно близок к кольцам, чтобы быть в диапазоне нашего оружия, — задумчиво проговорил старый ученый. — А сами кольца содержат такие же статические заряды, что и облака. По крайней мере должны, но получится ли?

— Нужно провести испытания у плоскости колец, — ответил Бен, направляя корабль ближе к нижнему ободу широкого кольца. — Лучше испробовать это сейчас, когда мы знаем, что бандиты отступили, чем позже.

Первую молнию они вызвали к жизни почти у самого края кольца, она ослепила их и ударила от колец до облаков. Статическое электричество проникло сквозь оболочку «Старквеста», с кончиков пальцев людей и волос, вставших дыбом, как и повсюду в корабле, посыпались затрепавшие искры.

— Ого! — закричала Арна, вжимаясь в пневмоподушки кресла. — Не думаю, что стоит пробовать это еще без нужды. Все-таки часть энергии возвращается к нам. Сквозь дефекты в защите проходят избыточные электроны, а это значит, либо у нас много запасных микросхем, либо стоит немедленно прекращать это баловство.

— Мы не хотим прекращать это баловство, — проворчал старый Вирлинг, делая какие-то пометки на листочке бумаги. — Мне нужно установить измерительное устройство, которое даст показания с источника энергии и с оболочки, и, узнав разницу, мы сможем определить допустимую мощность заряда. Но для такой работы нам нужно улететь. Вернемся в убежище, и, кроме измерителей, установим парочку устройств безопасности. Мы получили урок, который не стоит повторять дважды. У облаков явно более высокий заряд, чем у нас, так что не будем мешкать.

— Я полностью с вами согласен, — кивнул Бен.

«Старквест» ринулся прочь, включив на полную мощность вихревые двигатели, вытягивающие энергию из магнитных полей планеты и самого пространства.

НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ спустя большой дисколет, вылетев из убежища на кусочке кольца, медленно направился по орбите вдоль обода светящегося ковра из кружащихся обломков, составляющих кольца, удивительных и обширных. За ним летела небольшая экспериментальная модель, оснащенная тем же оружием. В маленьком корабле были Карл Вирлинг с Джени, зеленоволосой девушкой с Нио, а в самом «Старквесте» остались Бен Вольф и Арна.

Вольф, наблюдая на экране за большим куполом Лури, увидел, как возле него идут на посадку корабли. Вольф насчитал четыре крейсера.

— Приземляются последние остатки разбитой флотилии, — прокомментировал он Арне. — Интересно, как Ханк Палио воспримет последние новости?

— Не подлетай слишком близко, — предупредила его девушка. — Их стационарные динамо могут дать много энергии, а у них самые мощные лучевые установки папы, когда-либо созданные на заводе. Я точно знаю это... Я сама видела накладные на грузоперевозки Палио.

— Я попробую отсюда, а затем поднимусь немного вверх и ударю еще раз.

Они были примерно в восьмистах километров от Нио. Впереди, как мост из радуги, высился целый сегмент обода кольца, а Нио была чуть в стороне от его плоскости, словно черный фонарик над верхней точкой моста. На экране Бен увидел, как Вирлинг нажал кнопку, включающую новые приборы. Старик установил их так, что нельзя было стрелять, вторично не нажав эту кнопку. Сначала засветились две шкалы, показывая заряды цели и источника питания, а также их приблизительное соотношение. Потом засветилась шкала третьего прибора, показывая заряд оболочки «Старквеста», и Бен понял, что он теперь не забудет сверяться с показаниями этих приборов. Нио дало самое низкое значение из всех трех точек, и Бен вызвал к жизни молнию.

Находясь позади и немного слева, старый Карл направил второй ионный луч в сторону Нио, так что оба едва заметные луча как бы взяли в щипцы невидимого краба.

Целые водопады искр полетели от обода кольца туда, где ионизация накрыла громадный природный статический генератор. Искры прыгнули на километр в высоту, отчаянно пульсируя и отклоняясь, чтобы присоединиться к светящимся и все более и более заметным лучам, а динамо сети загудело по мере нарастания напряжения. Потом ветвистая молния сорвалась с края обода, пронеслась по проло-

женному для нее пути и ударила в ярчайшей вспышке по черному кружку Нио. Не было никакого способа увидеть, куда они попали. Может, они впустую истратили заряд, ударив по голым скалам, но они, по крайней мере, узнали, что могут бить по спутнику.

Бен продолжал лететь вперед, медленно, чтобы не оказаться в радиусе досягаемости огня со спутника, но желая лучше увидеть цель. Окуляр малого телескопа, смонтированного на корабле Вирлингом, стал теплым, потому что Вольф не отрывался от него. Но затем он сумел увидеть большой гласситовый купол Лури.

— Я не хочу попасть в купол и убить там всех туристов, — пробормотал Бен. — Но как мне удостовериться, что я разделался со всеми командами убийц, о которых не знаю?

Он связался по радио с Вирлингом, и Карл ответил:

— Продолжай, взорви их! Все эти люди были бы только благодарны тебе, если бы узнали правду о Лури.

— Я уже различаю силуэты мастерских. Нио возвращается, и они переходят на дневную сторону, — сказала Арна, тоже не желая уничтожения беспомощных людей. — Буду стрелять по этим силуэтам сразу за пределами купола.

УДАР МОЛНИИ обрушился прямо на мастерские, черными контурами вырисовывающиеся на фоне астероида. Мастерские тут же превратились в руины испарившихся стен и уничтоженных рабочих, и тут же этот пар рассеялся в космическом вакууме. Когда «Старквест» подлетел еще ближе, не последовало никакого ответного огня. Возможно, операторы лучеметов вообще не успели добраться до своих постов.

— Осторожней, Бен, — раздался из радиотелефона голос старика. — Они наверняка держат какую-нибудь карту в рукаве. Как только ты окажешься достаточно близко, они обрушат на тебя все, что имеют. А имеют они еще много чего.

И только прозвучали слова Вирлинга, как на черном диске вспыхнули десятки огненных точек. Большие лучеметы ударили с обода купола Лури, и лучи понеслись по пути, уже ионизированном и проторенном молниями.

Корабль содрогнулся под ногами, словно налетел на препятствие, когда тяжелые заряды прорвали силовое поле. Глассит корабельного носа почернел от жара.

— В тебя попали, мой мальчик? — закричал старый Карл по рации.

Арна, не обращая внимания на неистовую атаку, занималась ионизирующим лучом, наводя перекрестие нитей прицела на все, что было в пределах видимости, и стреляла снова и снова. Бен положил

корабль на орбиту вокруг диска Нио. Скорость у них была высока, и через несколько минут они уже обогнули маленькую планетку.

— Арна, — сказал Бен, не отрывая от Нио взгляда, — если мы выберем живыми из этой заварухи, ты выйдешь за меня?

Арна метнула в него удивленный взгляд.

— Ну и время ты выбрал для предложения! Да ты прирожденный киллер! Думай сейчас все же о Нио и Ханке Палио.

Бен выбрал большой валун у внешнего обода кольца и спрятал корабль за него, так, чтобы они были вне поля зрения из Лури. Пока тяготение этой скалы потихоньку притягивало их, Бен осторожно высунул из-за нее нос корабля, только-только чтобы суметь поймать цель в перекрестие прицела, и выстрелил молнией. Потом с печальным удовлетворением стал глядеть, как в куполе появилась большая дыра, от которой стала расползаться паутина трещин. Бену очень не хотелось уничтожить купол, это уникальное по красоте и величине строение. Но он знал, что там, в подземельях, установлены тяжелые лучеметы. Затем он принялся расстреливать вспыхивающие на поверхности Нио горящие точки, поскольку они отмечали местонахождение тяжелых, а также ручных лучеметов.

Скала, за которой прятался корабль, неуклонно подлетала все ближе к астероиду. Одна за другой гасли огненные точки бандитских лучеметов, пораженные ударами молний с расстояния в сотни километров, отделявших «Старквест» от Нио. Это была небывалая, фантастическая атака, которую не могли выдержать никакие защитники. Казалось, сами могучие силы природы обратились против бандитов, поскольку зигзаги молний били и по пустым местам, полосую голые скалы астероида. Казалось, будто природа взбесилась и встала на сторону «Старквеста».

Совершенно внезапно из стартовых шахт, где стояли разбитые корабли, вырвались пять суденышек, всего пять, улепетывающих со всей мочи.

— Это все, что осталось от неукротимой армады Ханка Палио! — кричала Арна, показывая на исчезающие точки. — Будем надеяться, что у оставшихся возникло острое желание капитулировать. А это сбежали остатки банды Палио.

БЕН ВОЛЬФ сидел в большом кресле Ханка Палио в личном обеденном зале, где бывали лишь сам Палио и его ближайшие помощники. Напротив него сидел Карл Вирлинг, а рядом — Арна Вирлинг. Их взгляды были полны торжества и взволнованного ожидания дальнейших событий. Кресло позади Вольфа занимала

молодая красotka с зелеными волосами, Джанет Хардер, которой частенько приходилось ждать здесь Ханка Палио.

— Теперь, когда вы трое вступили во владение Лури, — сказала она, — мы бы все хотели узнать, что делать нам и чего ожидать дальше. В скором времени здесь непременно появится парочка флотилий коллег Ханка, которым будет не терпиться узнать, что произошло, а также при случае самим завладеть Лури. Вы должны быть готовы...

Старый Карл Вирлинг пронзил ее сверкающим взглядом, словно старый орел, раздумывающий, куда половчее вонзить клюв. Бен взглянул на Арну, но Арна явно решила предоставить слово ему.

— Хорошо, Джени, — сказал тогда Бен Вольф. — Приводи сюда по одному бывших сотрудников. Тебе виднее, кто из них нормальный парень, а кто попытается при случае вонзить нам нож в спину. О каждом ты предварительно скажешь нам несколько слов, чтобы мы знали, чего ожидать. Если это хороший человек, говори: «Вот правильный парень, который станет работать с нами». А в противном случае твоей кодовой фразой будет: «Это скользкий господин, один из шайки». Понятно?

— Ты уловила суть? — спросила ее Арна. — Тех, кого ты отвергнешь, мы посадим на корабль и отправим на Титан. Остальных примем в нашу организацию. Только давай, действуй побыстрее. Мы не хотим, чтобы нас застали врасплох, прежде чем мы будем готовы.

Представление бывших сотрудников купола — на деле большей частью рабов бандитов — продолжалось целых три часа. Их было больше двух тысяч. Платили им за работу мало, так что они почти ничего не стоили Палио. Большинство из них было привезено из пассажирских лайнеров и грузовых кораблей, захваченных бандитами несколько лет назад.

Когда все закончилось, на их стороне оказалось пятьсот лояльных граждан и тысяча сомнительных, которым предстояло ожидать отправки на Титан. Оставались еще пятьсот, которых Джени просто не знала. Их решили пока запереть и разобраться потом.

Из опытных космонавтов Вольф сформировал экипажи кораблей, захваченных неповрежденными. Из тех, кто был знаком с техникой, были созданы рабочие бригады, которые, под руководством старого Вирлинга, принялись переоборудовать эти корабли, оснащать их двигателями нового типа, новым вооружением, управляющим молниями, чтобы получить флот, готовый к борьбе, по крайней мере, за независимость Сатурна и его спутников.

На организацию всех этих работ ушло полтора дня, после чего Вольф бросился в постель и проспал двое суток подряд. Затем он занял место старого Вирлинга во главе рабочей бригады, а старик ушел отсыпаться.

Они не ждали нападения, по крайней мере, в ближайшие недели, но хотели быть уверенными, что готовы к нему. Закончив десяти-часовую смену с рабочей бригадой, Вольф остался в офисе, чтобы проверить, как идут дела у остальных, прежде чем пойти спать. Сидя во вращающемся кресле Палио, он рассеянно просматривал документы, когда молча вошла Джени, а за ней появился грузный, приземистый человек, которого Вольф сразу даже не узнал.

Лицо Джени было напряженным. Внезапно она заговорила дрожащим голосом:

— Заточка, наверное, бросил его, и он до сих пор где-то прятался. Он поймал меня, когда я была одна, разбирала вещи Заточки, и заставил идти сюда. Я думала, вы будете вместе с рабочими в мастерской. Но мне никогда не везло...

Вольф глянул на короткоствольный лучемет в руке вошедшего, затем в его темные глаза, и, наконец, узнал его. Это тот, кто хотел залезть на самую вершину пищевой цепочки и остаться там навсегда. Вольф мрачно усмехнулся, хотя в животе у него стало холодно, а к горлу подступил комок. Когда он заговорил, голос его был полон отвращения.

— Рад новой встрече, мистер Палио.

ХАНК ЗАРЫЧАЛ, обнажив зубы в противной довольной усмешке при виде явно незащитного врага.

— Недолго тебе осталось радоваться, Бен. И жить осталось тоже недолго. Когда прилетят парни, Ханк Палио встретит их здесь, как обычно.

Вольф посмотрел на оружие, зажатое в волосатом кулаке, затем на Джени, лицо которой было полускрыто зелеными растрепанными волосами. Внезапно он понял, что она собирается сделать. Глаза Джени, устремленные на него, были трагически нежными. Сердце его почему-то сжалось от жалости к ней.

— Вы были шикарным, мистер Вольф. Я рада, что была с вами знакома. И очень сожалению, что довелось увидеть, как вы умираете.

— Я тоже сожалею, — пробормотал Вольф, подбирая ноги под себя и поворачиваясь лицом к своему убийце. *Потенциальному убийце*, понадеялся он. Ханк поднял лучемет чуть выше, Вольф мысленно воздал молитву своему личному Богу, у которого почему-то было лицо Джени...

Внезапно Джени с силой оттолкнулась левой ногой, высоко подпрыгнула и схватила обеими руками за лучемер Палио, а свободную ногу обернула вокруг его толстых ног. Под ее весом Ханк закачался, потом ударил ее своим кулачищем, но Джени крепко держала его руку с лучемером. Вольф ринулся вперед, схватил одной рукой Палио за руку с оружием, и тут из лучемера вырвался тонкий голубоватый луч. Джени закричала и сползла к талии Палио, хотя по-прежнему не отпускала его. Палио дернулся вправо, затем влево, стараясь освободиться. Вольф ударил кулаком Палио в ухо. Снова вспыхнул луч, затем все трое кучей упали на пол.

Джени снова закричала от боли, а затем Вольф оказался наверху, по-прежнему держа руку с лучемером, а другой рукой впившись в мягкую шею Палио и стараясь нащупать его дыхательное горло. Палио молотил его по лицу свободным кулаком. Внезапно Джени разжала руки и откатилась в сторону.

Палио удалось подняться на колени, и его черный, волосатый кулак ударил Бена прямо в основание шеи. От боли в его голове завертелся огненный вихрь. Но Вольф тут же встряхнулся и с силой ударил лбом Палио в лицо. Из широких ноздрей бандита хлынула кровь, но Бен тоже пострадал и не смог повторить этот удар. Тогда он сделал выпад вбок, упал и ударил коленом Палио в живот.

Кулак с лучемером немного ослаб. Вольф жестоко дернул его, и лучемер беззвучно покатился по мягкому ковру. Бандит попытался боднуть Вольфа в лицо, но тот стиснул его в объятиях, прижимая к себе. Вольф уже чувствовал, что не сможет справиться с Палио, тот был слишком силен и слишком опытен в подобных драках. Но он не собирался сдаваться...

Внезапно у него перед глазами сверкнуло голубоватое пламя. Палио внезапно навалился на Вольфа всем весом, затем откатился в сторону, задергался в судорогах, попытался встать, но тут же свалился на бок и затих.

Когда Вольф перевел дух и облегченно перекатился на спину, старый Карл Вирлинг сумел, наконец, отодрать его пальцы от фиолетового горла противника. Бен глянул на ободранное до кости запястье и уронил руку на пол.

Когда он немного пришел в себя, то увидел Джени, неподвижно лежащую рядом, с разбитым, окровавленным лицом и перекрещенными, обожженными ногами. Она явно была мертва.

Странно, что в ее мертвой руке был зажат лучемер, который Бену удалось выбить у Палио. Дымящаяся дыра в боку Палио пояснила, как закончилась схватка. Джени убила его, потом умерла сама.

Старый Карл выпрямил ее мертвое тело, вытер кровь с разбитого лица. Его все понимающий взгляд встретился со взглядом Бена, а в голосе прозвучала жалость, когда он заговорил, обращаясь, скорее, даже не к Вольфу, а к какой-то невидимой аудитории.

— Мы должны сделать все, чтобы власти таких, как Палио, настал конец!

— Клянусь, — прошептал ему Бен. — И главное, теперь мы можем это сделать.

Richard S. Shaver and Chester S. Geier. Lightning Over Saturn, (Other Worlds, 1951 № 10) , пер. Андрей Бурцев

IN SATURN'S RINGS by ROBERT F. YOUNG

WORLDS OF

**SCIENCE
FICTION**

MARCH, 1964 • 40c

THE CITY THAT GREW IN THE SEA

**It was sink or swim for Retief
in this watery wonderland!**

by **KEITH LAUMER**

В КОЛЬЦАХ САТУРНА

I

Лето было мечтой Мэтью Норта, казалось, всю его жизнь, так что иногда он даже сомневался, действительно ли мечтает о нем. Осень началась несколько эпох назад, и, казалось, теперь надвигается зима. Мэтью не считал чем-то особенным ее холодное, покусывающее дыхание.

Снова взойдет бледный Гиперион. Снова сверкающий Сатурн закутается в ледяные одежды. Сколько раз прежде мать и дочь встречали его в конце поездки? Сколько раз они видели, как из необъятности появляется ровная стрела выхлопа реактивного двигателя, с наколотым на острие большим черным яйцом?

Слишком много раз.

Ну, теперь все кончится. База Бимини потеряна и таинственный источник полезных грузов, которые и другие пилоты ретракторов много веков доставляли в Дом Кристопулоса, был похоронен под яростными водами новообразовавшегося моря. Непредвиденные тектонические сдвиги начались несколько часов назад, когда он только взлетел с небольшой планетки системы Проксима Центавра, которую пятьсот лет назад Грек Ник окрестил Бимини.

Долгое время Мэтью находился в состоянии шока. Немного придя в себя, он сообщил об этой новости по радио. Разумеется, с тем же успехом он мог и подождать, потому что радиоволны, хотя и опережали его корабль, но не намного. Вероятно, его сообщение прибыло раньше него самого всего лишь на несколько недель.

Разумеется, так и случилось. *Ваше сообщение было получено на прошлой неделе, вспыхнули слова на экране коммуникатора. Оставьте капсулу на орбите, запомните, но не записывайте орбитальные данные, затем приземляйтесь и идите в Гостиницу, где ожидайте дальнейших указаний.* – Зевс Кристопулос IX.

– Приказ подтверждаю, сэр, – ответил Мэтью Норт. – Продолжайте действовать, как велено.

Именно как велено. Никто не подвергает сомнению приказы Бога, какими бы необычными они ни были. А для Мэтью Норта Зевс Кристопулос IX был Богом, так же, как все предыдущие потомки Грека Ника мужского рода тоже были богами. То, что Мэтью

IN SATURN'S RINGS

BY ROBERT F. YOUNG

ILLUSTRATED BY LAWRENCE

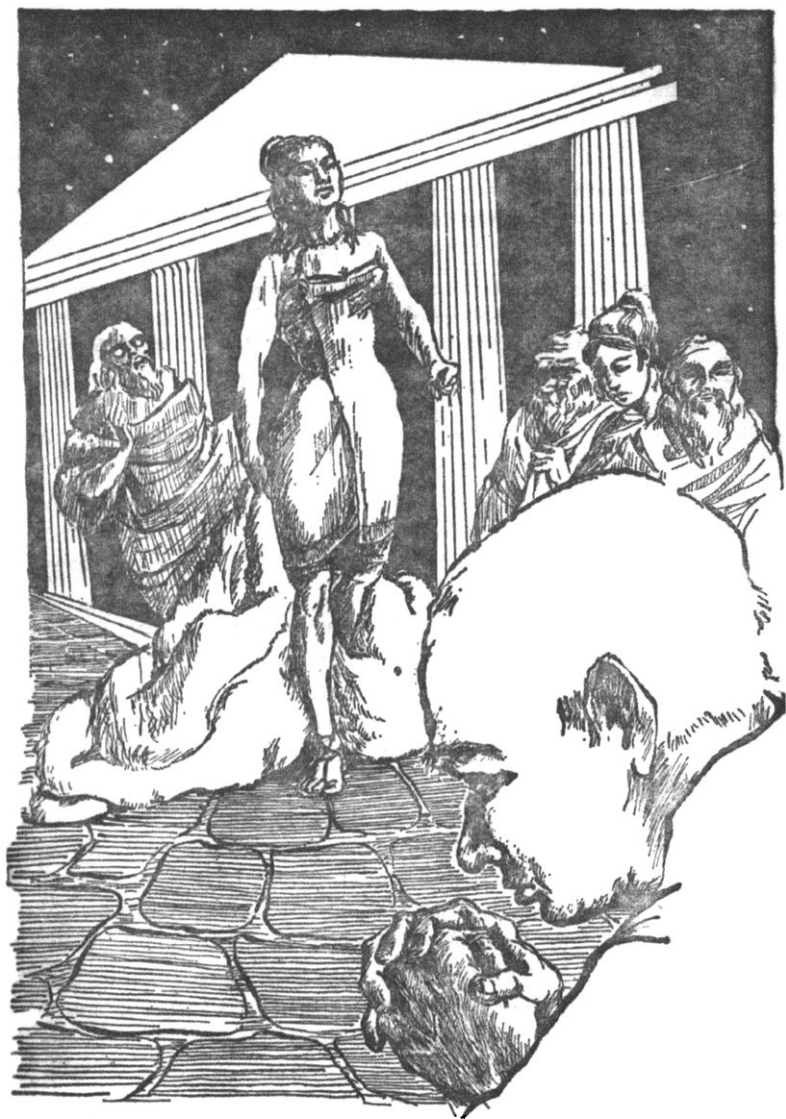
***The weird old castle on Saturn's
moon was a fortress — protecting
a dynasty and a terrible secret!***

никогда и в глаза не видал никого из этих богов, только доказывало, а не опровергало их божественную суть, и тот факт, что он никогда и шагу не делал внутрь Дома Кристопулоса, тоже поддерживал, а не подрывал его уважение к ним.

Выбирая полярную орбиту на максимальной высоте, он снизил реактивный импульс до нужной скорости. Затем, запомнив показания приборов, он отсоединил капсулу и наблюдал, как огромный овальный контейнер растворяется в иссиня-черной глубине пространства, пока тот не исчез совсем. Тогда он сам полетел по орбите.

Сатурн показывался при каждом пересечении сумеречного пояса, но Мэтью всякий раз видел не Сатурн, а чудесный драгоценный камень, висящий на щеке Бробдингнегизн — эфиопской богини Космоса — черной, изменчивой фортуны бесконечной тьмы и пылающих солнц, к холодным, бесчувственным ногам которой он положил лучшие годы своей жизни.

— Ради тебя, Зевс, я сделал это, — сказал он, подсознательно смешивая членов соседних пантеонов в единое целое. — Ради тебя я взаперти провел долгие годы, чтобы Дом Твой никогда не оставался без полезных грузов, которые я оставлял у дверей его — грузов, которые я видеть не видел и даже понятия не имел, что это такое.

Но теперь их больше не будет. Теперь я вернулся домой, чтобы умереть.

Но Мэтью не имел никакого права жалеть ни о чем, и прекрасно это знал. Да, он провел много лет взаперти, — но его никто не принуждал к этому, и он не торговал ими с аукциона и не продавал ни за что. Их он обменял на маленький островок постоянства в бурлящем, вечно меняющемся потоке времени.

Миновала ночь и наступил день, бледный день с далеким, холодным солнцем и бледными, холодными звездами.

Спускаясь вниз по спиральной орбите, с каждыми первыми лучами нового рассвета Старый Мэтт Норт вновь превращался в Молодого Мэтта Норта, Молодого Мэтта Норта, стоящего у стойки бара и глядящего на толпу странно одетых, шумных, жестикулирующих людей, напугавших его, Молодого Мэтта Норта, который только что вернулся с Гипериона – Сириуса XXI, и оказавшийся в цивилизации, что, благодаря сокращению Лоренца-Фицджеральда, обогнала его почти на двадцать лет.

Рядом с ним стоял человек из Дома Кристопулоса, который с трудом разыскал его в переполненном зале. Он подошел, купил ему выпивку и горячо заговорил о Великой Возможности.

– Вы нарисовали красивенькую картинку, – сказал ему Молодой Мэтт. – А теперь скажите, как оно на самом деле.

Человек был молод – почти так же молод, как Молодой Мэтт Норт. Щеки его были гладкими и пухлыми, даже в его дыхании чувствовался запах денег. Зевс I был его пастырем – и он явно ни в чем не нуждался.

– Настоящая картина такая же красивая, Мэтью Норт, – ответил он. – Дом Кристопулоса заботится о своих космонавтах. Он не бросает их на произвол судьбы между полетами, как все коммерческие поставщики услуг. Когда-то Зевс I сам был космонавтом, он знает, что такое – быть брошенным в потоке времени. Вот почему он не экономил, создавая Приют. Вот почему он скопировал нормальную, обычную обстановку прошлого вместо того, чтобы строить современные здания. Вот почему он гарантирует пожизненную работу пилотам джет-тракторов. В настоящее время есть только два пилота, и ему нужен еще хотя бы один, но Приют достаточно велик, что бы разместить хоть сотню человек. И он никогда не будет меняться. Там всегда Гостиница будет ожидать вас, когда вы вернетесь, и во время шестимесячного отпуска всегда будут девочки по вызову и таверны с открытыми дверями.

II

Каждое его слово оказалось истиной. И сегодня все это так же верно, как и тогда...

Старый Мэтт Норт поставил на якорь свой джет-трактор, вышел через люк с вещевым мешком и обогнул платформу большого лифта, куда он сгрузил за свою жизнь столько капсул в подземную пневмотубу, ведущую в подземелья под Домом Кристопулоса. Небольшие ворота вывели его на единственную улицу приюта, и Мэтт

направился по этой улице к большому каменному зданию в дальнем ее конце. Как всегда, вид Гостиницы успокоил его. Было какое-то постоянство в камне, которое нельзя было продублировать в других материалах, какая-то основательность, которой не хватало другим. Внутри его ждет тело, приветствие и больше еды, чем он сможет съесть, а также больше вина, чем он в силах выпить. А так же его ждут девушки. Если он все еще хочет их.

А хочет ли он их? – подумал Мэтт.

Было утро, холодный ветер дул с окружающей ледяной пустыни. Он пронизывал даже его космокуртку до самого худощавого тела и заставлял кожу покрыться пупырышками. Позади Приюта высился массив Дома Кристопулоса на фоне серого, с бледнеющими звездами неба. Дом был скопирован с Парфенона, но в бледном солнечном свете утра благородные дорические колонны и великолепные антаблементы казались какими-то ненастоящими, надуманными. И сквозь силовое поле, мрачно светящееся между колоннами, было видно, как мало света там, внутри. Там стоял какой-то готический мрак.

Обычно Дом будил какую-то неосознанную тоску в глубине души Мэтью Норта. Но сегодня этого не случилось, может, потому, что он не видел его.

А видел он знакомых девушек, девушек, с которыми спал прошедшие десятилетия. Некоторые из них стали уже иссохшими старухами, а некоторые много веков лежали в могилах. Симпатичные девчонки по вызову, с которыми он проводил встречи, мимолетные и стремительные, точно полет колибри, а потом больше никогда их не видел... А теперь комната была пуста, и только трепетание оконных занавесок выдавало их призрачное присутствие.

Так ли это было – кто знает? Мэтью Норт вздохнул и прошел мимо удивленных дверей таверны.

Он избегал выжидательных взглядов крестьян, чьими функциями было угождать ему во время его отпуска, он не хотел ни видеть, ни общаться с теми, в груди которого пульсировало не сердце, а маленький мотор, не способный забиться в волнении, а за радушным взглядом стояла не память, а банки данных. Только девушки были настоящими. А все остальное являлось технологической фантазией.

Внутри Гостиницы ничего не изменилось. В самом деле, Мэтт мог бы поклясться, что поленья, горевшие в большом каменном очаге, были теми самыми, которые он видел в день отъезда. Но вот хозяин не был тем же самым. Мэтью уставился на маленького,

полного — и безусловно живого — человека, который вышел из-за стойки бара, чтобы поприветствовать его.

— Зевс IX решил, что человеческий персонал может лучше выполнять свою работу, — пояснил он. — Таверна — это одно, но Гостинице нужна человеческая рука. Он предложил пожизненную должность мне, работу моей жене и дочери, при условии, что мы будем учиться и получим все сведения о жизни в середине двадцатого века, а так же сами будем вести такой образ жизни, который символизирует Гостиница. Я согласился, и вот я здесь. Добро пожаловать домой, Мэтью Норт.

Безусловно, хозяину еще не сообщили, что базы Бимини больше не существует.

Мэтью не стал просвещать его и позволил себя повести к большому деревянному столу, стоявшему перед очагом. Тут же жена хозяина, сильная женщина с глазами цвета портвейна, принесла тарелки с дымящейся едой и пыльную бутылку венерианского «кьянти». Мэтью почувствовал голод, который не знал много лет, и с аппетитом накинулся на еду. Выпил вина. Вино оказалось красивым и согрело его до самых костей. Наевшись, он тут же почувствовал сонливость.

— Я бы поспал, — сказал он.

Жена хозяина нажала кнопку зуммера в конце стойки, и через секунду в зал вошла высокая девушка с каштановыми волосами до плеч. На ней были плотно облегающие брюки и короткие башмачки, а белая пласти-блузка покрывала руки и плечи и свободно ниспадала до самых бедер. Молодость кричала из ее синих, затуманенных глаз.

— Фаустина покажет вам вашу комнату, — сказала жена хозяина. — Просите у нее все, что хотите, и она отыщет это для вас.

Девушка шагнула вперед и взяла его вещевой мешок. Он пошел за ней через боковую дверь к внешней лестнице. На втором этаже она остановилась и повернулась.

— Может, вы хотите девочек?

Насмешка в ее глазах смутила Мэтью. Он опустил взгляд к полу.

— Нет, — сказал он. — Не сейчас.

Она пожала плечами и пошла дальше по лестнице. Мэтью следовал за ней, поражаясь плавным движениям ее ног и скрытой в них силе. Молодость бурлила в каждом ее движении. *Господи, как бы я хотел снова стать молодым!* — подумал он. Внезапно он почувствовал себя ужасно обманутым — словно у него отняли жизнь и любовь. Ему очень хотелось склониться к ее плечу и выпить часть ее юности и силы. Ему хотелось увидеть желание в ее глазах. Но

вместо этого, когда она на мгновение остановилась в дверях комнаты, которую приготовил ему хозяин, он увидел в них только жалость.

Она опустила на пол его вещмешок.

— Возле кровати есть кнопка зуммера, — сказала она. — Если вам что-нибудь надо, только нажмите ее.

Она повернулась и вышла из комнаты.

Мэтью слышал ее шаги на лестнице. Затем все стихло.

Комната была большой. Все комнаты в Гостинице были большими. Большой и пустой.

За прошедшие десятилетия он спал в десятке таких комнат. И будет спать теперь в этой, спать сном мертвых, и забудет звезды, пространство и одиночество. Забудет он жалость, которую увидел в глазах молодой девушки, и *забудет*, что единственная любовь, которую он знал, была любовью, которую Дом Кристопулоса оплачивал в твердой валюте и которая находилась в том же списке услуг, в который были занесены и хлеб, и вино. Он забудет, — по крайней мере, на какое-то время, — что, несмотря на все замедление времени, которое дали ему космические перелеты, и это относительно бессмертие, он был уже совсем старым стариком.

Он подбросил дров в огонь в большом каменном очаге и растелил огромную кровать под балдахином. Разделся, принял душ, затем забрался в кровать под ватное одеяло и почувствовал, как его усталое тело погружается в глубины матраса.

Он подумал о Беттингере и Флинне, двух других пилотах джет-тракторов. Беттингер, наверное, уже долетел до Бимини и увидел, как темное море бушует там, где только недавно стоял поселок андроидов, огражденный от озера. А еще через несколько месяцев — лет, если считать независимое время, — туда прилетит Флинн. И оба они вернутся с пустыми капсулами.

Мэтью вздохнул и повернулся на бок.

Он ничего не мог тут подумать. Базы Бимини больше не существовало, вот и все. Он мельком подумал о капсуле на орбите и задался вопросом, почему Зевс IX не захотел ее просто спустить вниз. Но пути Бога по природе своей были неисповедимы и неподвержены сомнениям, поэтому Мэтью Норт тут же перестал ломать голову над этим вопросом и уснул.

Стук в дверь вырвал его из снов об утраченной юности.

— Да? — сказал Старый Мэтт Норт, садясь в постели. — Кто там?

— К вам посетитель, мистер Норт.

— Посетитель? Кто?

В голосе Фаустины послышался страх.

– Гера Кристопулос. Она ожидает вас внизу. Поспешите, мистер Норт!

Удаляющиеся шаги. И опять тишина.

Какое-то время он сидел, застыв от испуга. Затем встряхнулся, встал с кровати и достал из вещмешка свой лучший костюм. Залез в него, дрожа всем телом, смочил и расчесал реденеющие седые волосы. Темная щетина на щеках встревожила его – нужно было побриться перед тем, как ложиться спать. Но теперь было слишком поздно.

Гера Кристопулос. Жена Зевса IX...

Она была высока и холодно-красива. В темных глазах под тонкими черными бровями было нечто, напоминающее о бесконечности космоса. Темные волосы были скручены на голове в какой-то цветок и ниспадали как вода фонтана киммериян, и в ней микроразвездочками сверкали отсветы пламени очага, возле которого она стояла. Алый саронг, закрепленный серебряной цепочкой у горла, трижды обертывал ее стройное, как у Юноны, тело и завершался серебряной полосой чуть выше правого колена.

Она отстегнула зажим, удерживающий плащ из меха горностая, и плащ упал на пол, покрыв каменные плитки, как снег, скрыв ее обутые в сандалии ступни, и она надменно стояла в этом снегу, а свет камина усиливал дерзость ее рук, плеч и полуобнаженных ног.

Войдя в комнату, Мэтью на мгновение подумал, что уже где-то видел ее. Но за этой абсурдной мыслью тут же последовало объяснение. Частенько потомки повторяли физические черты давно усопших предков. Здесь было точно так же. Это не Геру он видел, а Диону Кристопулос – жену Зевса IV и прабабушку Геры.

Память, выпущенная на волю, тут же заиграла в его голове. Однажды, давным-давно, была снова ночь – ночь, вино и смех, девушки и синтетический джин. Ему снова было сорок пять лет, и снова странная неугомонность возникла в душе, словно не стало этих прошедших с тех пор лет, и он из душной Гостиницы перенесся на продуваемую ветрами улицу.

Неприветливость ночи потрясла его, но он не стал возвращаться внутрь за курткой. Он пошел навстречу этой неприветливости. Он упивался ею, он позволил ледяному ветру овеять себя, словно был валуном, стоящим посреди реки и омываемым чистыми, ясными водами. Сатурн стоял высоко, большой и мерцающий драгоценный камень в небесах, купая ледяную равнину синеватым светом и придавая Дому Кристопулоса величественность, которая исчезнет вместе с рассветными лучами солнца.

Что-то в этом легендарном сооружении влекло его. И он пошел навстречу течению реки ветра.

III

Здание стояло меньше чем в километре от Гостиницы, но ветер и холод сделали путь к нему очень трудным. И только повышенное содержание адреналина в крови позволило ему достигнуть ряда искусственных кипарисов, растущих перед колоннами.

Задыхаясь, он встал с подветренной стороны сучковатого ствола и стал растирать онемевшие руки. Когда дыхание успокоилось, Мэтью всмотрелся между деревьями и увидел разрыв.

Он возник в результате дефекта схемы силового поля, и, очевидно, ни Александр Великий, ни три других охранника еще не заметили его. Разрыв был небольшой, но не такой уж и маленький. Проблема была в том, что находился он наверху силового поля, под самым карнизом здания. Однако, рядом стоял высокий кипарис. С его вершины достаточно ловкий человек мог проникнуть через разрыв в здание – если бы захотел достаточно сильно.

Мэтью Норт хотел очень сильно.

Через несколько секунд он уже забирался на дерево и через пару минут стоял на ветру на высокой ветви, с тяжело вздымающейся от подъема грудью и онемевшими руками. Разрыв отсюда был розоватым. И помещение за ним тоже было розовым.

И это помещение оказалось ванной.

Мэтью в своей наивности полагал, что раз Дом скопирован с Парфенона, то у него тоже должен быть лишь один этаж. Но теперь он увидел, что это не так. Несмотря на высоту потолка, ванная, в которую он пристально смотрел, явно располагалась на втором этаже.

Разрыв в силовом поле могли увидеть только три женщины, находившиеся в ванной, которые понятия не имели о пронизывающем ледяном ветру снаружи.

Впрочем, две из них все равно не могли о нем знать, поскольку не были настоящими женщинами. Они были служанками-андроидами. Они были прекрасно сработаны, однако, он не угадал бы их имена, если бы они не были вышиты на их греческих туниках сразу под линией шеи.

Женщина же в ванне была настоящей. Красота ее затмила и Елену Троянскую, и даже Гекубу. Монограмма, вышитая на огромном белом полотенце, которое держали служанки, не давала усомниться: это была Диона Кристоулос.

У Мэтью замерло дыхание.

Темные волосы и глаза, алые, но почему-то угрюмо изогнутые губы, мягкая, лилейно-белая кожа – такой она поднялась из мраморного бассейна. Он увидел полные груди с алыми под цвет губам сосками, идеальные ягодичы, бьющее наповал, мерцание бедер. Словно зная о его присутствии и стремящаяся похвалиться теми пастбищами, на которых ему никогда не пастись, она стояла целую минуту, прежде чем отдаться в руки служанок. И в последний момент он увидел ее родинку: фиолетовый крестик между грудями, словно шрам от удара клинка, пропоровшего ее белую плоть...

И тут Мэтью краем глаза уловил какое-то движение у основания дерева.

Глянув вниз, он увидел стоящего там охранника. Синий, ледяной свет Сатурна блестел на его македонской броне и на длинном смертоносном копье, встроенная лазерная трубка которого была способна снести целую гору. Мэтью прижался к ветке, пытаясь стать невидимым.

Его не должны заметить. Антигон, Селекст или Птолемей – кто бы из генералов охраны Александра Великого там ни стоял, – он глядел только на разрыв и не замечал Чрезмерно Любопытного Молодого Человека на дереве у него над головой. Затем он повернулся и поспешил за угол Дома, направляясь к входу, где была резиденция Александра Великого. Побережье опустело.

Мэтью за секунду спустился на землю и помчался по равнине. Он напрочь лишился сил, когда, весь трясясь, добрался до гостиницы и забрался в постель. Всю ночь напролет Диона Кристопулос не покидала его сны, а потом много лет, вплоть до нынешнего момента, он носил в памяти образ ее, лежащей в бассейне.

Сходство между нею и прекрасной молодой женщиной, стоящей перед ним в Гостинице, было поразительным. Он слышал сплетни о том, что меж родственные браки были правилом Дома Кристопулоса, начиная с того момента, когда Грек Ник женился на горничной – крестьянской девчонке по имени Антония Анзалоун – и тем самым положил начало династии. Мэтью всегда пренебрегал слухами, но теперь задался вопросом, не могло ли все-таки быть чего-то подобного.

Он пересек зал и кротко остановился перед гостьей, стоящей на снегу горностаея. *Должен ли я поклониться?* – подумал он. *Или должен встать на колени?* Но, охваченный нерешительностью, он не сделал ни того, ни другого, а просто стоял, как изумленный и напуганный старик, каким и являлся на деле.

Гера Кристопулос оглядела его с ног до головы. Голос ее был такой же холодный, как ветер, дующий над ледяной равниной.

– Где последняя капсула? – потребовала она? – Почему она не доставлена к дверям Дома?

Мэтью сначала не мог собраться с мыслями, а просто молча стоял перед ней. Затем, когда все же прибыли слова, они полились невразумительным бормотанием.

– Что ты сказал? – перебила его Гера Кристопулос.

Мэтью сжал руки, тщетно пытаясь остановить дрожь в пальцах. У его локтя робко появилась Фаустина с подносом с двумя чашками кофе на нем. В волнении он схватил одну из чашек и залпом проглотил ее содержимое. Потом запоздало вспомнил, что должен был вначале предложить кофе госте. Неловкость момента почти сокрушила его. Мэтью с несчастным видом вернул чашку на поднос.

Гера презрительным жестом отказалась от кофе, и Фаустина тут же убежала. В очаге потрескивали дрова, и треск этот, казалось, наполнял весь зал.

– Ты что, немой? – высокомерно спросила Гера. – Или только временно потерял язык?

Гнев привел его в чувства, и Мэтью поднял взгляд.

– Капсула осталась на орбите, соответственно указаниям вашего мужа.

Она шагнула назад, оставив перед собой пушистую грудку снега горноста. Тьма бездонного космоса в ее глазах сгустилась еще сильнее.

– Он *приказал* тебе оставить капсулу на орбите. Почему?

– Он не сказал, почему.

– Когда он связался с тобой?

– Нынче утром, как раз перед тем, как я совершил прилунение.

– Я приказываю тебе привести капсулу вниз.

– Я не могу этого сделать, пока приказ не подтвердит Зевс IX, – ответил Мэтью.

– Зевс IX улетел по делам. Естественно, я уполномочена распоряжаться всем в его отсутствие. Настоящим я заменяю его приказ моим собственным: спусти капсулу с орбиты и проследи, чтобы ее тут же доставили к Дому. – Плавным, кошачьим движением она наклонилась и подняла плащ, затем, выпрямляясь, набросила его на плечи. – Немедленно, – повторила она и, повернувшись, направилась к двери.

– Нет, – сказал Мэтью Норт. – Я не могу.

Она обернулась, взволнованно бледная и такая женственная.

– Я *приказываю* тебе спустить капсулу с орбиты!

Простой человек, сидящий в Мэтью, задрожал, и слуга, сидящий в Мэтью, задрожал, но лояльность Зевсу IX не позволяла ему отступить.

— Когда ваш муж свяжется со мной и отдаст такой приказ, я спущу капсулу вниз, — сказал он, — но не раньше. Мне очень жаль, но я не имею права поступить иначе.

— Хорошо. Тогда дай мне данные орбиты, и я велю сделать это кому-нибудь другому.

Мэтью покачал головой.

— Мне очень жаль, — повторил он. — Но я не могу сделать и этого. Видите ли, — продолжал он, — Зевс Кристопулос IX для меня больше, чем просто девятый Зевс в династии. Он представляет собой всех других, предшествовавших ему. Я... я почти всю жизнь проработал на Дом Кристопулоса. И я расцениваю свою работу как некий священный долг — доверие, которое я никогда не посмел бы нарушить. Я умер бы за Дом Кристопулоса. Я умер бы за вас. Но я не могу повиноваться вашему приказу.

Некоторое время она рассматривала его, и киммерийский фонтан волос струился мрачным потоком вниз, к белым сугробам ее плеч. Задумчивость, но не гнев, наполнял теперь космическую бездну ее глаз.

— Полагаю, ты прав, — сказала она и тут же добавила: — Такая лояльность не должна остаться вознагражденной.

— Она не осталась вознагражденной, — удивленно ответил Мэтью.

— Но она еще не вознаграждена полностью. — Гера взглянула на большой циферблат часов-браслета на ее руке. — Сейчас шесть двадцать. В восемь тридцать ты прибудешь в Дом Кристопулоса на ужин. Это приказ. Ему ты повинешься?

Колени Мэтью ослабли, ноги его задрожали. Когда он сумел говорить, в его голосе прозвучала громадная благодарность.

— Да, да, я повинуюсь ему. Спасибо!

— Тогда я буду тебя ждать.

Она повернулась и пошла к выходу из Гостиницы, а плащ закрутился вокруг нее, словно снежная круговерть. Она села в глайдер, в котором приехала, глайдер ожил, загудел, и мгновение спустя она исчезла.

IV

Робохраник Александр Великий, стоявший у входа в Дом с многочисленными колоннами, был продуктом «реалистической школы» производства андроидов. Он был покрупнее своего давно

умершего прототипа из плоти и крови, но во всех других отношениях являлся высококачественным продуктом эпохи. У него было не только имя своего прототипа, но и его специальные знания.

Взгляд, которым он наградил Старого Мэтью Норта, искусно объединяло в себе аристократическое высокомерие и презрение военного к штатскому.

— Я Мэтью Норт. Госпожа Зевс Кристопулос IX ожидает меня, — сказал Мэтью.

Робохраник сделал вид, что не слышит. Тем не менее, он тут же передал информацию по крошечной рации, вмонтированной в его шлем.

Мгновение спустя в тихом ночном воздухе прозвучал властный голос Геры Кристопулос:

— Ну,пусти же его, ты, синтетический сноб! Я еще днем сказала тебе, что ты должен его пропустить.

Ни слова не говоря, Александр Великий шагнул в сторону и указал своим лазерным копьем на фасад с множеством колонн Дома Кристопулоса.

Все еще дрожа от ветра, пронизывавшего его, пока он шел от Гостиницы, Мэтью направился по мраморной лестнице, нервно поглядывая на вырезанные барельефы божественных жен предыдущих Зевсов: Метиксу, Майю, Лето, Диону, Деметру, Мнемозину, Фемиду и Эвриному. Выше карниза и как раз под пиком фронтона был большой барельеф Геры, поразительно похожий на живую Геру, с которой он собирался преломить хлеб. С обеих сторон этот пантеон обрамляли нижестоящие поклонники, барельефы различных смертных, которые способствовали славе Греции. Некоторых Мэтью узнал по бюстам и скульптурам, которые видел в микробiblioteке джет-трактора: Тацита, Гераклита, Аристотеля, Платона Эпикура, Софокла. Одна из фигур лежала у ног Геры. Это был барельеф Гомера.

Ночь наступила час назад в соответствии с периодом вращения Гипериона, установленным веков пять назад по приказу Ника Грека. Сатурн уже поднимался по небу. Оторвав взгляд от фронтона, Мэтью стал подниматься по широким мраморным ступеням.

Дорические колонны, казалось, вздымались все выше и выше над ним. Чувство ничтожности себя самого, которое обрушилось на него, еще когда он вышел из Гостиницы, все росло и росло. Он чувствовал себя очень маленьким, когда, наконец, вошел в дверь, временно возникшую в черной завесе силового поля, и попал в огромную комнату, уже желая исчезнуть совсем.

Комната занимала всю переднюю часть прямоугольного здания.

Строго говоря, это была не комната, а большой вестибюль. С трех сторон высились до самого архитрава великолепные дорические колонны, а на четвертой стороне — как раз напротив главного входа — величественно поднималась на второй этаж главная лестница, и там были видны десятки декоративных дверей. Все было отделано мрамором, даже столы и стулья. А в центре комнаты мраморный фонтан вздымал изящный букетик цветов из сверкающей всеми красками воды. Высоко над фонтаном, по-видимому, висящая прямо в воздухе, была люстра в форме спиральной галактики, испускающая мягкое, но проникающее повсюду сияние. Силовое поле между колоннами, как эффективно скрывающее внутренности Дома от посторонних взглядов, здесь было лишь легким, прозрачным туманом. И через этот туман виднелись, как свечи, далекие огни города Сатурния.

Рободворецкий, выполненный в той же манере, что и робохранилник Александр Великий и носящий греческую тунуку, на передней стороне которой было вышито его имя Пиндар, шагнул вперед, мягко ступая одетыми в сандалии ногами. Он принял у Мэтью пальто и шапку с ушами, и провел его через зал к круглому мраморному столу, стоящему у основания лестницы. Проходя мимо фонтана, Мэтью вздрогнул, заметив серебристые вспышки, обозначающие присутствие в воде венерианских пираний.

Их были тут сотни. Нет, тысячи! Домашние любимчики Геры? — мельком подумал он.

Усадив его за стол, Пиндар удалился к боковым колоннам. И тогда Мэтью увидел других андроидов.

Они стояли по одному у каждого столба. За всех были тунуки и сандалии, как у Пиндара, и все они стояли совершенно неподвижно, точно статуи. Исключение составлял лишь «старик» с живым бородатым лицом, который пристально разглядывал Мэтью.

Пока Мэтью глядел на него, андроид оставил колонну и пошел к столу. Он подался вперед, и крошечные лампочки, составлявшие его глаза, то тускнели, то разгорались. Мэтью вспомнил, что встретился с подобной реакцией у робоприслуги в Гостинице. Робоприслуга была той же «школы», что и персонал в Доме Кристопулоса, и вместе с такими же «символическими» андроидами могли эффективно функционировать только тогда, когда порядок вещей, для которых были созданы, или которые хотя бы соответствовали их «личным» понятиям о добре и зле.

Понятия персонала Гостиницы были вполне ясны. Но в них имелось и слабое место. Например, они полагали, что все три пилота джет-тракторов должны напиваться до невменяемости хотя бы раз

за время их отпуска, и когда Мэтью однажды отказался от выпивки (в то время его мучила язва), робослужка перенес своего рода механический шок, первым признаком которого было разгорание и потускнение его глаз.

Мэтью прочитал имя на тунике «старика».

– Эсхил?

«Старик» нетерпеливо кивнул.

– Да, Эсхил – смотритель ванн и спален. – Затем добавил: – Нынче блистательным утром, пока повелитель спит сладко в постели, мрачный заговор зреет в подвалах...

– Как ты *посмел* покинуть свой пост после закрытия?

Это была Гера. Гера в саронге с блестящими ромбами. Гера, высокая и властная, с глазами, как темные пропасти, полные гневом.

Эсхил отшатнулся, глаза-лампочки его бешено замигали.

– Неуклюжий старый дурак! – продолжала она. – Возвращаясь к своему столбу! Завтра ты будешь разобран – я все равно терпеть не могу твоих пьес. Они глупы!

«Старик» развернулся, пошел к своему столбу, где тут же застыл, как статуя. Гера повернулась к Мэтью, который вскочил на ноги.

– Приношу извинения за его выходки, – сказала она. – Пожалуйста, садитесь.

Мэтью сел, и она опустилась на скамью рядом с ним. В уголках ее глаз были заметны морщинки усталости – или тревоги, трудно было сказать, – а лицо казалось чуть осунувшимся по сравнению с прошлым разом.

Она хлопнула в ладоши. Мгновение спустя из дверей справа от лестницы появилась робослужанка, неся поднос с высокой темной бутылкой и двумя бокалами в форме цветков на высоких стеблях. Вышивка на груди ее туники гласила, что ее зовут Коринна.

– И это все, госпожа? – спросила она, поставив на стол бутылку и бокалы.

– Пока что все. Прочь отсюда, кухонная распутная девка!

Коринна убежала. Гера наполнила бокал и протянула Мэтью.

Потом взяла другой.

– За твою лояльность, Мэтью Норт, – сказала она. – Пусть она вечно висит над Домом Кристопулоса, как большая и яркая звезда.

Они чокнулись с мелодичным звоном бокалов и выпили.

Вино зажгло в Мэтью холодные огни. Сияющее пламя поднялось и лизнуло его мысли.

Неужели это вино из знаменитых погребов Дома Кристопулоса? – подумал он. *Вино, на котором Ник Грек, как считалось, нажил свое состояние?* Но Мэтью тут же отбросил эти мысли. Вряд ли.

Такое вино слишком дорого, чтобы появляться на рынке. А кроме того, по слухам, реальный источник состояния Кристопулоса был синтетический джин, который Антония Анзалоне научилась производить в своей емкости как раз перед тем, как Ник Грек женился на ней, и который с тех пор добропорядочные жители Земли и Семи Сатрапий неводержанно употребляли.

Гера снова наполнила бокалы и хлопнула в ладоши – на этот раз дважды. Тут же Коринна и другая служанка по имени Сафо стали носить еду.

Мэтью онемел от такого количества и разнообразия блюд. Тут была нежнейшая марсианская куропатка, какую ему не довелось попробовать прежде. С каждым блюдом подавалось другое вино, ни одно из них не походило вкусом на предыдущее, и каждое новое было крепче прежнего. От опьянения Мэтью спасало только количество поглощаемой еды, но, в конце концов, он все же опьянел, поскольку не мог больше съесть ни кусочка. Было красное вино, и синее вино, и янтарное вино, и даже красное с зеленоватым отливом, которое, как сказала Гера, доставили с виноградников самого южного континента Сириуса XVIII, и которое доходило в открытом космосе. *Интересно, подумал он, а нет ли вина, которое она ему не подала, вина с Бимини, тоже зревшее в открытом космосе?*

Но Мэтью не мог вспомнить никаких виноградников на Бимини, которую он наблюдал с орбиты, пока андроиды базы загружали его капсулу. Все что он видел на Бимини, так это деревья, бесконечные деревья. Они покрывали всю Бимини. Планета, сплошь состоящая из джунглей.

Плюс несколько рек и озер. И, разумеется, море, которое недавно стерло с лица планеты все следы человеческого пребывания.

В это время корабль светской беседы уже покинул порт, у руля была, разумеется, Гера, и Мэтью вежливо соглашался с ней всякий раз, когда считал, что нужно вставить свою реплику. Постепенно они стали обсуждать греческую мифологию. Гера придерживалась в вопросах начала богов теории греческого мифолога Эвгемеруса, жившего при дворе Александра, царя Македонии.

– Значит, вы все же не считаете, что они настоящие боги? – спросил, наконец, Мэтью.

Гера сделала глоточек вина и поставила бокал на стол.

– Напротив, я считаю, что они были истинными богами. То, что однажды они оказались все же смертными, вовсе не означает, что они не стали бессмертными. Смертность – необходимая прелюдия к бессмертию, так же как бессмертие – необходимый пролог к суперидеалу, который должен логически следовать за ним. Но, кроме

того, настоящее доказательство бессмертия греческих богов бросалось в глаза ученым уже много веков. Но они оказались слишком близорукими, чтобы его разглядеть.

– Я... Наверное, я тоже слишком близорукий, – сказал Мэтью.

Гера рассмеялась. Это был истинный смех, но по каким-то причинам он не разглядел, а, напротив, углубил морщинки в уголках ее глаз.

– Они жили рядом со смертными и вели со смертными дела, хотя легко могли бы жить только друг с другом и не иметь никаких отношений с низшими существами, – пояснила она. – Видишь ли, бессмертие относительно. Живя только с бессмертными и не видя смертных, ты не способен оценить свое превосходство. Живя же рядом с низшими существами и ведя с ними дела, они могли оценить это. Именно такую простую истину и упускают ученые – они почти столь же глупы, как и философы. – Она повернулась к лестнице. – Эй, старик, иди сюда и убери со стола, – велела она.

Бородатый андроид с квадратным лицом направился к лестнице. Лицо его было уродливым во всем. Спутанная седая борода спадала со щек, подбородка и верхней губы, образуя нечто вроде мочалки. Лишь глаза оберегали его облик от полной катастрофы. Глаза были ясными, карими и доброжелательными.

На его тунике было вышито: Сократ.

Он стал собирать тарелки и блюда стопкой, шлепая босыми ногами – флап-флап-флап – по мраморному полу. Потом он понес стопку к дверям справа от лестницы. Походка его была медлительной и неуклюжей. Во всем нем было что-то гротескное. И что-то очень жалкое.

На столе остался кусочек куропатки. Гера брезгливо сбросила его пальцем на пол, и, когда старик вернулся за второй порцией посуды, показало на него ножкой в сандалии.

– Подними ее, старик, – сказала она.

Сократ беспрекословно повиновался, затем понес оставшиеся тарелки из зала.

– Проследи, чтобы их хорошо вымыли, старик, – крикнула Гера ему вслед.

На мгновение Мэтью почувствовал тошноту. *Почему Сократ?* – подумал он. *Почему Пиндар? Почему Коринна?* Однако, он промолчал и выкинул эти вопросы из головы.

И они улетели. Осталось лишь...

Гера была сильным, ароматным ветром, пронизывающим его насквозь. Вино лишь усилило этот ветер, и Мэтью понял, что ему все

труднее и труднее противостоять ему. Он заколебался, когда Гера сказала внезапно, без всякого предисловия:

– Ты спустишь капсулу с орбиты?

Но все же Мэтью не упал. Нет, он удержался.

– Нет, – ответил он. – Я не могу.

Она придвинулась еще ближе, ромбы заплясали перед ними синим и белым.

– Вы спустите ее не даром. Я заплачу наличными!

– Вы выполнению? – услышал он собственный, странно охрипший голос.

– Вы благородный человек, – ответила Гера. – Достаточно вашего слова.

Мэтью проглотил застрявший в горле комок. Ее лицо было очень близко. Оно очаровывало и отталкивало его одновременно, но отвращение было само по себе формой восхищения – возможно, извращенного, но все же восхищения. И через его опьянение пробилась новая мысль. Мэтью вспомнил, что она была единственным живым человеком, которого он увидел с тех пор, как вошел в Дом, и внезапно он понял, что они одни, и понял, зачем она захотела остаться с ним наедине.

– Так вы даете мне слово? – спросила она.

Пляшущие ромбы на ее саронге слепили его. Он попытался что-то сказать. Но не смог. Его остекленевшие глаза говорили сами за себя. Гера встала.

– Ты еще не видел дополнительный этаж, – сказала она. – Пойдем, я покажу его тебе.

V

Мэтью на трясущихся ногах последовал за Герой по мраморной лестнице. Сверху огромный холл напоминал древний железнодорожный зал ожидания. На дополнительном же этаже были обычные коридоры, стены и двери, открывавшиеся внутрь, украшенные с чисто греческой изящной простотой. Гера открыла одну из дверей и прошла внутрь. Дрожа, Мэтью последовал за ней.

– Моя ванна, – сказала она.

Это была та самая ванна, которую он видел несколько лет – а по другому, несколько веков – назад с купающейся Дионой Кристопулос. Тогда ему было всего сорок пять и он ужасно боялся. Боялся он и сейчас, только лет ему уже было не сорок пять. Тем не менее, неугомонность, обрушившаяся на него тогда, сейчас вдруг вернулась.

Но теперь он имел возможность успокоить ее – занимаясь любовью с красавицей, которая была вне всяких мечтаний. Вот это

действительно было лекарство! Средство исцеления. Оно продавалось. И теперь ему назначили цену.

Проблема заключалась в том, что частью этой цены была его лояльность к Зевсу IX.

Что же в той капсуле, которую Гера так жаждала заполучить? – подумал он. Жаждала так непреодолимо, что не могла дожидаться, пока вернется муж и удовлетворит ее желание?

Опьянение мешало Мэтью спросить об этом у нее напрямую. Пусть даже они и пили вместе вино, но все равно он оставался ее слугой. Он не осмеливался рисковать навлечь на себя ее гнев. Но неужели ее мотивации были настолько важны? Хотя, разве не ясно, что ей действительно было нужно, чтобы капсулу спустили с орбиты, причем только он знал параметры этой орбиты?

После ванной она показала ему еще несколько комнат, последней из которых была ее спальня. Это была большая комната, а трехмерные фрески на стенах заставляли ее казаться еще просторнее. От содержимого этих фресок на его высохших щеках загорелся румянец. Он читал про обряды, которыми славился храм Дианы в Эфесе. Но чтение – это одно, а видеть их на картинах – совершенно другое.

Гера вопросительно посмотрела на него. Свет от непристойных фресок придал ее лицу красноватый оттенок и углубил темноту ее глаз. Мэтью глянул ей через плечо и увидел огромное спальное возвышение с алыми подушками и черным покрывалом. Он услышал собственное хриплое дыхание, почувствовал бешеное биение сердца и внезапно понял, что, обладая ею, он предаст нечто большее, чем просто Зевса IX. Словно вся верность в мире основывалась на самообмане, и его верность Дому Кристопулоса была столь же ненастоящей.

Он стоял, беспомощный, и все словно крутилось вокруг него.

– Я... Я спущу капсулу с орбиты, как только вы пожелаете, – сказал он.

– Да, – рассеянно ответила Гера, будто услышала эти слова задолго до того, как он их произнес. – Если подождешь снаружи, я велю служанкам приготовить меня.

И она хлопнула в ладоши.

Дрожь, Мэтью вышел из спальни. Елена Троянская и Гекуба, казалось, ждали за дверью. Они быстро шмыгнули внутрь и закрыли дверь за собой.

Дрожь Мэтью все усиливалась. Чтобы успокоиться, он подошел к мраморным перилам и глянул вниз. Там было все, как и прежде. Фонтан, стол и скамьи. Колонны и андройды возле них, словно

прикованные цепями. Они были в образах Иктайнеса и Калликрата, архитекторов, создавших истинный Парфенон, скульптора Фидия, который украсил храм, в образах Дзено, Порликлитуса, Праксителя, Гомера, Парменидеса, Леуциппоса, Аристофана, Софокла, Эврипида, Эсхила...

Эсхил посмотрел на него в ответ, глаза его то разгорались, то гасли.

Затем андроид покинул свой столб и поднялся по лестнице. Он подошел к Мэтью и коснулся его руки.

— Ну, — сказал он, — я покажу вам, иначе вы не поверите.

— Покажешь мне что? — раздраженно спросил Мэтью.

— Я покажу вам, — повторил Эсхил. — Пойдемте.

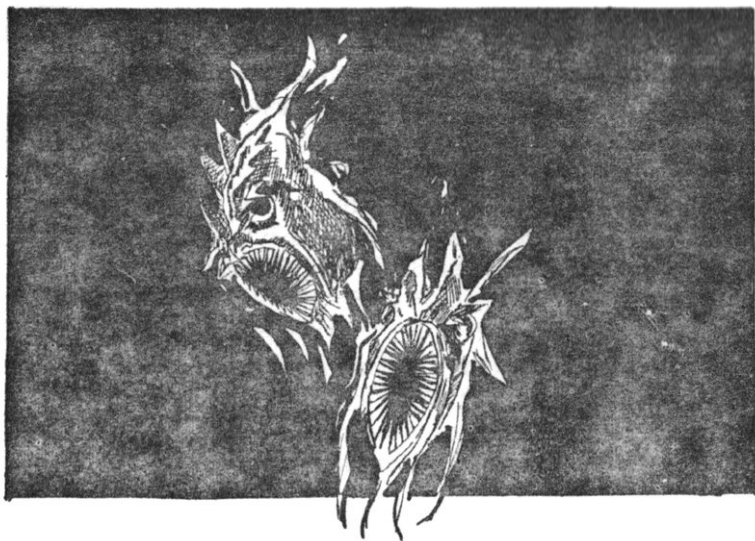
Глазные лампочки его мигали все чаще и чаще. Что же могло так расстроить его, этого «старика». Внезапно в Мэтью пробудилось любопытство.

— Ладно, — сказал он. — Только поспеши.

Эсхил провел его по второму этажу к внушительной двери в самом его конце. Дверь была заперта, но Эсхил достал откуда-то из туники связку ключей на большом кольце и вставил один из них в старинный, архаичный замок. Мгновение спустя дверь покорно распахнулась. Войдя за «стариком», Мэтью оказался в большой ванной комнате.

Эта комната могла посрамить даже ванную Геры. Вогнутая стена стала одной непрерывной фреской, изображающей райскую местность, и, наряду с фреской на потолке, изображающей голубое небо с редкими облачками, она производила неизгладимое впечатление. Иллюзия глубины была столь яркой, что на мгновение Мэтью показалось, будто он прошел сквозь пространство-время и попал в древнюю Грецию. Под ногами у него была настоящая трава. А ванна стала спокойным водоемом, на берегу которого он стоял. На противоположном берегу он увидел две статуи: Пана и Сиринкс. Сиринкс убегала, а Пан догонял ее с очевидными намерениями.

Мэтью взглянул на водоем у своих ног. Он был метров пять в диаметре, с глубиной в пару метров. Его вогнутое дно было облицовано белым мрамором. И пока Мэтью вглядывался в голубоватую воду, ему показалось, что он заметил серебряную вспышку. *Отблеск?* — подумал он. Но приглядевшись внимательнее, он заметил другие вспышки. Он узнал ярких, блестящих и быстрых венерианских пираний, и, внезапно успокоившись, отступил. Вода буквально кишела ими!

Но зачем кому бы то ни было – даже богачу, который мог позволить себе быть эксцентричным, – держать венерианских пираний у себя в ванне?

Эсхил настойчиво указывал на дно ванны-водоема. Снова подойдя поближе, Мэтью вгляделся, напрягая зрение... и увидел кости.

Ужасные кости, в совершенстве очищенные от мяса. Белые кости, почти сливающиеся с мраморным дном бассейна. Бедрa, таз, пустая клетка ребер. И череп с темным основанием. На кости одного из пальцев было кольцо – кольцо со знакомой печаткой.

Печаткой Дома Кристопулоса.

Или, с точки зрения Эсхила, печаткой Дома Атрея.

Мэтью резко отвернулся, почувствовал тошноту.

– Когда? – заставил он себя задать вопрос.

Эсхил повернулся к нему и, когда заговорил, глаза-лампочки его замигали еще чаще:

*Нынче блистательным утром,
пока повелитель спал сладко в постели,
мрачный заговор зреет в подвалах.
Но не спала она, поднялась и взяла
мерзкий кубок свой, смерти совок,
и зачерпнула им смерть из фонтана,
затем же, степенно поднявшись наверх,*

*вылила мерзкую смерть в водоем
своего господина.*

«Старик» замолчал, потом воздел глаза к небу на потолке и, вскинув руки, продолжал:

Где же вы, Фурии, где, отправляйтесь за ней,
Идите ж за ней по ее кровожадному следу!
Пусть она побежит к Аполлону и мудрой Афине,
Все равно кончит жизненный путь
в подземелиях мрачных Аида.
Горе, горе же ей, правосудье грядет неизбежно.
Но не спите и вы, приносившие клятву вассалов.
Отомстите за страшное это злодейство,
На которое боги взирали с небес равнодушно!

В страхе Мэтью схватил ключи, которые «старик» по-прежнему держал в руке, и выскочил из ванной. По пути он разобрал их и, когда подошел к двери в спальню Геры, у него уже был наготове нужный.

Он вставил ключ в замок и повернул. Затем толкнул дверь. Но она не поддавалась.

Тогда Мэтью отправился искать видеофон.

VI

Полиции Сатурнии пришлось вывести из строя Александра Великого и трех его генералов дезактивационным лучом, чтобы войти в Дом.

Мэтью не знал этого, пока не вышел из Дома несколько часов спустя и не увидел четыре «труп», лежащие на мраморной лестнице. Он невольно отвел взгляд. Они были слишком живописные, по сравнению с костями, которые по-прежнему были в ванне, полной пираний, когда он привел к ней инспектора полиции Сатурнии. Александр, Птолемей, Селевкус и Антигон могли быть снова активированы. В отличие от Эсхила. Эсхил сошел с ума. Схемы его закоротились, глазные лампочки лопнули, и от него осталась лишь почерневшая оболочка.

Хотя, возможно, это было к лучшему. Теперь, когда Дом Кристоулоса пал, больше не было потребности в этих исторических андроидах.

Как, кстати, и в космонавтах.

Старый Мэтт Норт дрожал на пронизывающем ветру, мчавшимся с ледяных равнин. Он поднял воротник пальто и сунул руки поглубже в карманы. Небо начинало светлеть, а Сатурн давно уже скрылся на отдых. *Интересно, подумал Мэтью, каково это — жить в мире, от которого я отстал на четыре века? Сумею ли я приспособиться к нему? Я слишком стар. И слишком устал.*

Усталый старик.

Грязный старик.

Именно так назвала его Гера Кристопулос, когда полицейские Сатурнии вытащили ее, вопящую, из спальни. Растрепанная, полуголая, в непристойном пеньюаре, который она надела специально для того, чтобы разбудить желание Мэтью, и который открывал родинку в форме крестика, точно такую же, какая была у Дионы, она кричала во весь голос.

— Грязный старик! — кричала она с отвратительно искаженным лицом. — Я заработала состояние Кристопулоса, я, а не Зевс! Именно я заслужила твою лояльность, а не он! А ты продал меня! Грязный старик! Грязный, слишком любопытный старик!

Когда ей показали кости на дне уже осушенной ванны, она даже не потрудилась хоть как-то оправдаться.

— Так или иначе, это все равно продлилось бы лишь двадцать, самое большее — тридцать лет, — спокойно сказала она. — Возможно, так будет лучше. — И тут голос ее снова повысился. — Это все его вина! Можно было сделать запас, которого бы нам хватило еще на один век, если бы он не тратил его так бездумно, не раздавал своим любовницам! «Хотите быть вечно прекрасными?» — спрашивал он, и они лизали ему ноги. Затем они ему надоедали, он избавлялся от них, но тут же их место занимали другие, и он отдавал им годы. *Мои* годы! А потом он попытался обмануть меня и украсть остатки запасов. Ну, вот я и убила его. И рада, что скормила его рыбам. Надеюсь, они хорошо пообедали. — Она исторгла из себя отвратительный смешок. — Могу поспорить, что мясо его было жилистым, а шкура жесткой!

Она снова расхохоталась, еще отвратительнее, и, наконец, полицейские вытащили ее из ванной. Затем Инспектор начал допрашивать Мэтью.

Мэтью ничего не скрывал. Да ему и нечего было скрывать. Но вопросы, которые задавал Инспектор, сказали ему больше, чем его ответы — Инспектору.

Они сказали ему, что анализ костей, найденных в ванне, указал, что Зевс IX пошел принять ванную сразу после отправки сообщения Мэтью. Они сказали ему, что у Дома Кристопулоса не было

наследников и что он перейдет в собственность Сатрапии Гипериона. Они сказали ему, что сам Дом давно был источником тайн для полиции Сатурнии, и что они много лет терпеливо ждали возможности проникнуть в него. Они сказали ему, что Инспектор сам был в полном неведении относительно причин убийства Герой ее мужа и в таком же неведении, зачем Зевс IX приказал Мэтью оставить капсулу на орбите. Вопросы так же повели ему, что власти Сатурнии понятия не имели о шаттлах на Бимини, и, следовательно, вообще ничего не знали о природе груза, привозимого с Бимини.

Как не знал об этом и Старый Мэтт Норт. А теперь, когда власти Сатурнии сами собирались спустить капсулу с орбиты и начать официальное расследование, он, вероятно, никогда и не узнает. Если...

Мэтью остановился на пронизываемой ветром дороге. А потом завершил свою мысль: *Если он не спустит капсулу сам.*

Ну, а почему бы и нет? Кто имеет на это большее право, чем человек, который столько раз возил эти капсулы на Бимини и обратно? В самом деле, кто?

И он побежал. Практически, это было скорее шаркающая ходьба, чем бег, но это было лучшее, на что он теперь оказался способен.

Он совсем задохнулся, когда добрался до порта, но не стал останавливаться, и через несколько минут уже сидел в своем старом джет-тракторе, а тот все быстрее и быстрее поднимался по темной лестнице ночи, в залитое чернилами пространство. Ему не составило труда найти капсулу на орбите, состыковаться и приземлиться, а после установить капсулу на платформе лифта. Потом он вышел, залез на платформу и начал осматривать противометеоритную оболочку. Рассвет все разгорался. Утро вступало в свои права и уже окрасило далекий горизонт, когда Мэтью, наконец, нашел люк.

Из-за положения капсулы металлическая пластина люка оказалась внизу, и открыть ее было затруднительно, но Мэтью, при помощи молотка, справился с этой задачей, и пластина свободно открылась. Он пробился через все уровни изоляции к внутренней оболочке, ожидая увидеть там люк. Но люка он не нашел. Зато вместо люка нашел клапан.

Вино? Он что, все эти утомительные годы исполнял роль Вакха?

Ну, по крайней мере, он попробует его на вкус.

Клапан был большим, его можно было открыть только ключом. Мэтью принес ключ из джет-трактора и сомкнул его челюсти на штоке клапана. Он не хотел вывернуть клапан полностью, но ключ оказался более мощным рычагом, чем Мэтью ожидал, и повернулся гораздо больше, чем было нужно. И прежде, чем Мэтью по-

нял, что он наделал, поток ледяной жидкости хлынул и снес его с платформы.

Мэтью упал на спину и лежал, ошеломленный ударом, а жидкость текла на него, мгновенно промочив до нитки. Наконец, холод привел его в себя, он, задыхаясь, вскочил на ноги, нашел ключ, взобрался вновь на платформу и попытался закрыть клапан. Но чтобы дотянуться до него, ему пришлось пересечь бьющий поток, который тут же опять сбил его на землю. На этот раз, падая, он ударил себя ключом по виску, сбив с головы ушанку. В глазах все почернело, а когда прояснилось, поток уже превратился в тонкую струйку, которая тут же иссякла. Капсула опустела.

Мэтью встал. Вокруг повсюду журчали ручейки, просачиваясь в щели во льду. Когда он поднялся на трясущиеся ноги, с одежды капало. Он облизал мокрые губы, но не ощутил вкуса вина.

*Джек и Джилл поднялись на холм,
Чтобы набрать ведерко воды...*

День словно протянул по небу невидимые веревки для белья, на которых развесил грязные простыни, чтобы они высохли. Ветер стал еще более резким. Мэтью, без шапки, пошел против этого ветра.

Что-то явно творилось с его костями...

И он никак не мог выкинуть из головы этот детский стишок:

*Джек и Джилл поднялись на холм,
Чтобы набрать ведерко воды...*

Фаустина увидела его из окна Гостиницы и выбежала на улицу, чтобы встретить.

— С вами все в порядке, мистер Норт? — спросила она.

— Да, все нормально, — ответил Старый Мэтт Норт.

*Джек и Джилл поднялись на холм,
Чтобы набрать ведерко воды...*

— Но вы совершенно промокли. И замерзли. Позвольте мне помочь вам подняться в вашу комнату.

— Просто идите по лестнице впереди, это и будет лучшей помощью.

Фаустина повиновалась. Он шел за ней, упиваясь ее сладкой, волнующей юностью. *Господи, как я хочу снова стать молодым!*

— подумал он... и как только эта мысль пронеслась у него в голове, он почувствовал, как сила вливается в его окоченевшие ноги, поднимается по спине, течет по рукам. Он почувствовал, как распрямляются его плечи. Старый Мэтт Норт выпрямился и почувствовал, что становится все выше и выше по мере того, как отлетают один за другим утомительные, бесплодные годы.

Вино со звезды было совершенно не человеческим напитком. Это был тот самый, мифический напиток юности.

Нет, Понсе де Леон так и не нашел свой Бимини*. Зато его нашел Ник Грек. Высоко-высоко, на большом черном холме пространства-времени нашел он этот источник, и воды его были хороши...

Молодой Мэтт Норт остановился на верхней площадке лестницы, окликнул Фаустину, и та повернулась к нему. Испуг, промелькнувший в глазах девушки, тут же уступил место другим эмоциям. Стоя на площадке, Мэтью улыбнулся ей. И Фаустина улыбнулась ему в ответ.

Robert F. Young. In Saturn's Rings, (If, 1964 № 3), пер. Андрей Бурцев

* Хуан Понсе де Леон (1460 — 1521) — испанский конкистадор, который основал первое европейское поселение на Пуэрто-Рико. От индейцев де Леон слышал легенду об острове Бимини, где бьет источник вечной молодости, и во время поисков этого острова открыл в 1513 году Флориду (прим. перев.)

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ:

Филипп Лэтем (настоящее имя Р. С. Ричардсон). 1902-1987 гг. Известный американский фантаст. Специализировался на приключенческой фантастике. Автор четырех романов и ряда рассказов и повестей. На русский ранее переводился только рассказ «Малыш Андерсон».

Ричард С. Шавер (Шейвер). 1907-1975 гг. Очень известный американский фантаст, автор многочисленных романов и циклов произведений. На русский мною была переведена повесть «Мы изучаем миры Дума» из цикла «Мутантка Мион».

Роберт Ф. Янг. 1915-1986 гг. Знаменитый американский фантаст, широко и известный и у нас. Было переведено множество его произведений, но немало незаслуженно осталось пока что «за бортом».

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛИП ЛЕТЭМ	
ПРОПАВШИЕ НА САТУРНЕ	7
Phillip Latham. Missing Men of Saturn, (Winston, 1953)	
Пер. Андрей Бурцев	
РИЧАРД С. ШАВЕР и ЧЕСТЕР С. ГЕЙЕР	
МОЛНИИ НАД САТУРНОМ	141
Richard S. Shaver and Chester S. Geier. Lightning Over Saturn, (Other Worlds, 1951 № 10) , пер. Андрей Бурцев	
РОБЕРТ Ф. ЯНГ	
В КОЛЬЦАХ САТУРНА.....	191
Robert F. Young. In Saturn's Rings, (If, 1964 № 3), пер. Ан- дрей Бурцев	
Коротко об авторах:	215

Читайте в
следующем томе:

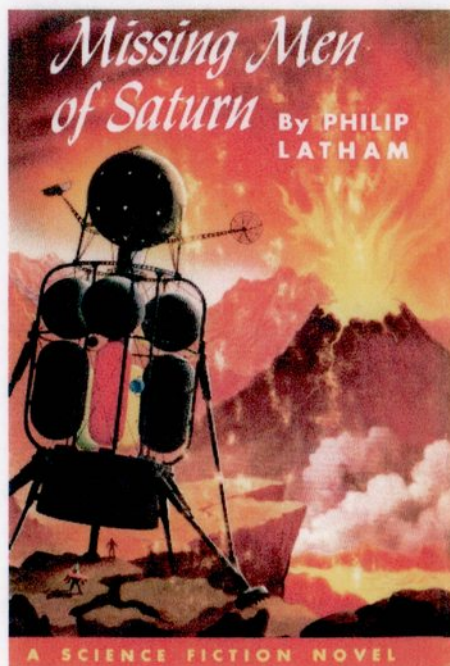
Генри Каттнер

В «Приложении» выходит очередной том Г. Каттнера «Приключения Пита Мэнкса». Восемь рассказов из этой серии выходили в моих же переводах ранее у «Подсолнечника», но теперь я добавил к ним еще три, таким образом серия собралась почти полностью.

Андрей Бурцев

Библиотека англо-американской классической фантастики

«ДЕТИ СОЛНЦА»

Пропавшие на Сатурне